

Луи Фредерик

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЯПОНИИ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Луи Фредерик

Louis Frédéric
LA VIE QUOTIDIENNE
AU JAPON
AU DÉBUT DE L'ÈRE MODERNE
(1868—1912)

ЖИЗНЬ ЯПОНИИ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ

УДК 94(520)“451.44”
ББК 63.3(5Япо)5
Ф 86

Перевод с французского
А. Б. ОВЕЗОВОЙ

Научная редакция
М. В. ДЕМЧЕНКО

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Перевод осуществлен по изданию:
Louis Frédéric. La vie quotidienne au Japon
au debut de l'ère moderne (1868—1912).
Paris, Hachette Littératures, 1984

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

© Hachette Littératures, 1984
© Овезова А. Б., перевод, 2007
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007
© «Палимпсест», 2007

ISBN 978-5-235-02961-3

«...Япония рассталась с феодальным строем, но дух феодализма все еще жив в наиболее благородных его проявлениях: в преданности вассала своему господину и в привязанности господина к своему вассалу. Что касается повседневной жизни людей, их традиций, привычек, предпочтений, то они остались почти такими же, какими были сто лет назад, и влияние европейской культуры на них практически не отразилось», — писал в 1882 году французский исследователь Б. Госсерон.

Это суждение не вполне соответствует истине. К 1882 году Япония вовсю продолжала усваивать западноевропейский образ жизни, а в крупных городах были заметны изменения в социальных институтах и нравах людей. С тех пор как император Муцухито, пришедший к власти в 1868 году, задумал превратить Японию в великую державу, способную сравняться с Европой и Америкой и даже соперничать с ними, страна находилась в состоянии непрерывного становления. Япония перестала отделять себя от остального мира и усилиями императора превратилась в «просвещенное государство» (Мэйдзи). Она переняла многие достижения и уроки Запада и встала на путь такой ширококомасштабной модернизации, какой современная история еще не знала. В результате стране удалось за несколько десятилетий перешагнуть от Средневековья к современнос-

ти, изменить политическую, экономическую и правовую структуры, внести преобразования в промышленную, военную, культурную и социальную сферы и коренным образом перестроить традиционное японское общество. Реформа коснулась даже поведения и образа мыслей японцев, так что все, начиная с простого крестьянина и заканчивая монархом, руководствовались одним лозунгом: «Будем подражать Западу, пока не станем равными ему».

Следует отметить, впрочем, что Япония, оставаясь в добровольной изоляции до 1639 года, отнюдь не игнорировала окружавшие ее страны Запада, более того, следила за ними с определенной тревогой. Сами страны-колонизаторы пока не интересовались своим соседом, зато наиболее передовые японцы были прекрасно информированы о том, что происходит в Европе, и знали всё о политике, которую та вела в отношении Азии. Японцы не упускали случая воспользоваться кое-какими научными достижениями Запада. Например, в 1543 году увеличилась поставка ружей голландскими купцами, что существенно повлияло на способы ведения войны местными феодалами. Замки пришлось укрепить, так как слабые деревянные заборы уже не могли сдерживать атаки всадников-самураев, облаченных в железные латы. В начале XVII века англичанин Уилл Адамс, которого сёгун Токугава Иэясу насильно удерживал в Японии, познакомил местных плотников с искусством европейского кораблестроения.

В XVIII веке японские ученые заинтересовались книгами по медицине, попавшими к ним из Голландии, и сёгунат учредил специальную школу переводчиков. С 1744 года многие крупные государственные деятели, среди которых был Аоки Коньё (1698—1769), стали учить голландский язык, для того чтобы общаться с иностранцами, приехавшими в Японию для торговли и по закону страны не имевшими права покидать пределы маленького острова Дэсима. Именно Аоки Коньё удалось достать научные труды по экономике и перевести их. В 1757 году Сугита Дзэнпаку (1733—1817) начал осваивать азы европейской медицины, в частности хирургию, и проводил вскрытия. В 1771 году он пере-

вел книгу по анатомии. В это же время еще один известный японский ученый, Хирага Дзэннай (1723—1779), ботаник и геолог, ставил эксперименты с электричеством и изучал овцеводство (овцы тогда были неизвестны в Японии). Развивалась литература. Оцуки Дзэнтаку в 1783 году опубликовал *Рангаку-кайтэй* («Ключ к европейской науке»), а двумя годами позже — *Банкоку-дзусэцу* («Описание мира») и *Комо-дзацува* («Заметки о голландцах»). Появились труды, посвященные военному делу, например *Кайкоку-хэйдан* («Речь о военных нуждах одного острова») в 1787 году. К концу XVIII века был составлен японско-голландский словарь, а в начале XIX века Ино Сукэй (1745—1818) выпустил карту Японии и всемирный атлас с указаниями широты и долготы. В 1808 году официальные переводчики сёгуната, находящиеся в Нагасаки, получили указание помимо голландского выучить русский и английский языки, чтобы переводить научные труды. Немецкому врачу Францу фон Шибольду (1796—1866) позволили переехать из Нагасаки в Эдо, чтобы преподавать медицину и хирургию.

В период восстановления императорского могущества Японии приходилось считаться с Западом, и иногда сами сёгуны довольно любопытным образом оказывались участниками происходящих в мире событий. В 1860 году в Сан-Франциско прибыл военный корабль. Он был куплен голландцами, но управляли им японские офицеры (капитан Кимура). Этот и подобные случаи красноречиво говорят об успехах, достигнутых японскими учеными в освоении европейской техники. В 1862 году сёгунат отправил в Голландию молодых аристократов для изучения судостроения, а затем правительство оплатило обучение своих студентов в Англии, Франции и России. Граф де Бовуар, возвращавшийся с Явы, в своих заметках оставил запись о том, что на корабле с ним вместе плыли молодые японцы, посланные своим правительством на учебу в Англию и во Францию: «Из нашей культуры они успели перенять только черный сюртук, под полами которого спрятаны длинные мечи, что придает их обладателям довольно нелепый вид». Впрочем, в этот же день моло-

дых студентов смешали с «шестью офицерами и двенадцатью унтер-офицерами нашей армии и составили из них японский полк».

В достижениях европейской техники был заинтересован не только сёгунат, но и даймё (главы княжеств или кланов), преследовавшие собственные интересы. В 1863 году в Англию прибыли пятеро студентов из феода Тёсю, и среди них — Ито Хиробуми (1841—1909) и Ину Каору (1835—1915), ставшие впоследствии выдающимися государственными деятелями. Перед тем как отправиться за границу, эти студенты были тайными членами общества сопротивления проникновению иностранного влияния. В свою очередь, клан Сацума также послал в Европу студентов и, кроме того, нескольких представителей на проходившую в 1867 году в Париже международную выставку. Перед тем как допустить европейцев в Японию, следовало узнать о Западе как можно больше, но пока эти односторонние контакты были немногочисленны. «Только после утверждения власти нового императора, — читаем мы у барона Суэмацу, — страна окончательно приняла европейский образ жизни и мышления, да и то не обошлось без сопротивления». В одном из своих первых выступлений император призвал учиться мудрости и опыту других народов и отбрасывать те обычаи своей страны, которые уже устарели. Были приглашены опытные преподаватели из Америки, Великобритании, Франции, Германии, а в Европу из Японии хлынул поток студентов и чиновников в поисках «того, что может быть полезным для родины». Так началась великая и трудная работа по преобразованию Японии на базе европейского опыта.

В середине XVI столетия, задолго до знакомства жителей Страны восходящего солнца с западной наукой, на острова вместе с первыми христианскими миссионерами проникли некоторые идеи европейской культуры. Проповедники — испанцы и португальцы — сначала пользовались предоставленной свободой и гостеприимством населения, но вскоре по донесениям, присланным из Китая и Филиппин, сёгуны узнали,

что приход миссионеров обычно предваряет появление войск колонизаторов. Настороженность возрастала, тем более что новообращенные японцы готовы были принести клятву верности Риму, а не сёгунату. Но хотя число приверженцев христианства увеличивалось, особенно на острове Кюсю, они с трудом усваивали нравы и обычаи Запада и гораздо лучше запомнили советы миссионеров по конкретным вопросам, например, по вооружению или строительству укрепленных замков. Христиане-японцы не торопились расстаться с привычным образом жизни: все, чего сумели добиться проповедники, так это внушить им веру в то, что синтоизм — их национальная религия — не способна даровать продолжение существования после смерти. В этом смысле христианство почти не затронуло того, что составляло основу традиций страны. Культурное влияние христианства оказалось ограниченным, и в Японии эпохи Мэйдзи оно оставалось всего лишь «модой».

После окончания периода неустойчивости страх перед всем иноземным принял вполне конкретные выражения в призыве «Сонно Дзёи» («Власть — императору, изгнание — иноземцам!»); в недоверии к сёгунату, который обвиняли в сотрудничестве с иностранцами «из трусости»; в требовании аннулировать политические соглашения с внешним миром. Если предыдущий император, Комэй Тэнно, являлся воплощением феодального духа Японии, то сменивший его Муцухито проводил диаметрально противоположную политику, по сути, продолжая дело сёгунов, с которыми боролся. Но согласно словам нынешнего императора, произнесенным 15 августа 1945 года и оправдывающим поражение страны в войне, это противоречие было только видимостью, следствием прагматизма, настраивающего японцев на то, чтобы «принимать неизбежное и терпеть невыносимое».

В начале XIX века члены феодальных кланов, управлявшие провинциями, все чаще и чаще оказывали сопротивление сёгунам, которых считали слишком консервативными, как бы парадоксально это ни звучало для нас сегодня. Они боготворили императора и жаж-

дали возвращения его могущества, практически исчезнувшего за последние семьсот лет, призывали обратиться к тому типу государства и к той старой системе сёгуната, которая вернула бы им привилегии прошлого. Не имея возможности противостоять сёгунату в открытую, они препятствовали его попыткам сотрудничать с иностранцами, начавшими вести себя либо слишком смело, либо холодно и враждебно; выказывали непримиримую ксенофобию и требовали от императора восстановить свою власть. Однажды эта цель была достигнута: сёгунат упразднили, позиции императора окрепли, новая политика выражала интересы кланов, а самые могущественные из них — Тёсю и Сацума — получили неплохие доходы. Но борьба за власть обнажила разногласия внутри кланов, что ускорило политическую революцию и привело к реформам, о которых нельзя было и помыслить несколькими годами ранее. Бесчисленные правительства сменяли друг друга, верховная власть оставалась в руках императора, а детально разработанная конституция была принята в 1889 году.

Между тем император принял решение начать преобразования социальных институтов и модернизацию страны в целом, хотя такие действия не соответствовали тайным надеждам крупных феодалов, ставших советниками и министрами, на возвращение к «старым добрым временам». Разумеется, не обошлось без открытых возмущений: недовольные действиями правительства самураи, чьи ожидания не оправдались, поднимали бунты в 1874 и 1877 годах. Ряды повстанцев, состоящие в основном из представителей родов Тёсю и Сацума, щеголявших в национальных одеждах (что не сочеталось с европейским вооружением, купленным, кстати, у иностранцев), были разбиты императорскими войсками. Сам император, воспользовавшись ситуацией, поспешил с проведением реформ, а непоколебимая решимость остальной части населения поставить достижения Запада на службу Японии вылилась в очередной популярный лозунг — «Фукоку Кёхэй» («Процветающая страна с сильной армией!»).

В течение нескольких последующих лет Япония старалась избавиться от феодальных структур, чтобы заменить их новыми, подходящими к современному этапу развития страны. Людей, освобожденных из-под прежнего гнета, охватил порыв воодушевления: все стремились принести пользу стране и дать выход бьющей ключом энергии. Вспыхнула лихорадка созидания: развивались сельское хозяйство, текстильная промышленность, тяжелая индустрия; прокладывались железнодорожные пути; улучшалась работа почтовой службы; глубокие изменения произошли в политической, социальной, экономической и культурной жизни. Армия и флот, по примеру стран Европы, стали опорой государства и его гордостью. Реформы административного управления, правовых структур и образования поддерживали одна другую и исправляли недочеты, если таковые имелись, так что в итоге соответствующие ведомства по своей эффективности сравнялись со своими западными аналогами. У Японии теперь была одна цель: устранить последствия отставания в политической, промышленной, культурной, научной и торговой сферах и сделаться наконец равной этому заносчивому Западу, почитающему азиатов за варваров.

Действительно, Старый Свет относился к Японии и к ее жителям с определенной долей спеси. Один французский чиновник, посланный в Японию в 1874 году по приказу Министерства народного образования, без всякого стеснения писал, что рассчитывает «заронить в этих славных островитянах зерна нашей цивилизации — они в последнее время очень это полюбили». Но он же добавлял, что, «несмотря на рвение, иногда даже чрезмерное, изменить себя по нашему подобию, японцев вряд ли можно уподобить тем многочисленным заморским народам, которые еще вчера были совершенными дикарями и вели воспеваемую сентименталистами жизнь на лоне природы и которые по прихоти местного царька-каннибала, претендующего на цивилизованность, надели европейские штаны, прицепив к ним ракушки».

Стремительное развитие столь удаленного от Европы народа не вызвало должного интереса или же вызы-

вало иронию, если не считать нескольких образованных и хорошо информированных политиков и ученых. Так, Элизе Реклю принадлежит следующее высказывание: «Из всех народов Нового Света японцы — единственные, кто полностью воспринял цивилизацию Запада и решил усвоить ее материальные и духовные ценности. Они, не в пример прочим народам, не потеряли свою независимость; им не были навязаны обычаи и нравы победителя; влияние иностранной религии не заставило их собраться в армию под знаменами своих “спасителей душ”. Политическая и религиозная свобода — качества независимого народа, каким японцы и вошли в европейский мир, чтобы воспользоваться его идеями».

До 1905 года западная общественность была мало знакома с Японией. Но когда та победила Россию, эту необъятную империю, на нее посмотрели по-новому: не с презрением или со снисхождением, но с опаской. Впервые азиатская страна одержала верх над сильной европейской державой. Военный успех произвел неизгладимое впечатление, и теперь уже Запад присматривался к Японии: необходимо было лучше узнать эту страну и ее народ, чтобы не оказаться в положении поверженной России. Поползли слухи о «желтой угрозе». Америку беспокоили захваты японцами территорий в Тихом океане и их эмиграция в Калифорнию, так что США взяли курс на экспансионистскую политику: Тихий океан, как заявил сенатор Беверидж в 1898 году, считался «океаном американцев». Чудесное преобразование Японии вызывало одновременно восхищение и недоверие.

В этот необычайно плодотворный период, о котором и пойдет речь в нашем повествовании, японцы разрывались между стремлением любой ценой достичь прогресса и столь же сильным желанием сохранить дух нации, ее самобытную культуру, столь дорогую их сердцам.

Менялся государственный строй, менялись сам человек и его мировоззрение. Доступно ли это поверхностному взору путешественника начала нашего века, ко-

торый хотел видеть в Японии лишь подобие Европы? Вглядевшись внимательнее, он мог заметить, что все якобы новое на самом деле уже существовало ранее и ничто не могло возникнуть «просто так». Японский прагматизм бессознательно обновляет устаревшие структуры и институты, когда они не в состоянии удовлетворить запросам современности. Сам человек меняется не так стремительно. Носит ли японец мягкую шляпу или выставляет напоказ модные часы — это не меняет качества его мышления. В начале современной эпохи страна производила впечатление причудливого смешения самых разных элементов, что особенно четко просматривалось во внешнем проявлении культуры. Японцы гордились тем, что они японцы, а упомянутое смешение образа мыслей, чувств, традиционных представлений и новых взглядов на жизнь, горячее желание каждого внести свой вклад в развитие страны привели к ее невиданному прогрессу.

Все это очень хорошо выразил барон Суэмацу в своей речи на конференции в Европе в 1904 году: «Мы готовы признать, что европейские народы превосходят наш, но мы чувствуем, что обязаны протестовать против несправедливой критики европейцев, тем более что сами они странным образом игнорируют те условия, в которых живут сегодня».

В 1853 году у берегов Японии появились корабли commodора Перри, затем было учреждено американское посольство. Соединенные Штаты видели, что развитие их государства идет параллельно с развитием Японии. Бесчисленные калифорнийские порты позволяли Америке захватывать все новые территории в Тихом океане и постепенно вытеснять русских, хотя царь в 1900 году все еще именовался «адмиралом Тихоокеанского флота». Между Японией и США началась борьба за торговые пути, обострившаяся с появлением у Японии торгового флота, пытающегося превзойти американский. После поражения России в 1905 году все торговые суда, находящиеся на Дальнем Востоке, в том числе и американские, должны были проходить через территориальные воды Японии, которая замыслила новый грандиозный проект: добиться контроля

над торговлей в этом регионе. Но Америка, стремящаяся к той же цели, установила свои базы и заняла выгодные позиции в Китае и на юго-востоке Азии, оберегая то, что генеральный консул в Йокогаме Х. Б. Миллер в своем заявлении назвал «торговым путем для американцев, ведущим на Восток в обход Японии».

Необычайно быстрая модернизация Японии, интенсивное развитие торговли с другими странами стали причиной ее экономического расцвета: за сорок лет, с 1868 по 1912 год, население увеличилось с тридцати трех миллионов человек до пятидесяти миллионов. Но с другой стороны, цены на основные продукты питания, такие как рис, возросли втрое, при этом зарплата осталась прежней. Промышленный прогресс привел не только к повышению уровня жизни, но и к обеднению рабочего класса, хотя крупные торговые компании получали огромные доходы: парадоксальная ситуация, в то же самое время возникшая в Соединенных Штатах и в Европе. Началась массовая эмиграция наименее обеспеченных японцев в бывшие колонии: Корею, Маньчжурию, на остров Формозу (Тайвань), на Гавайи, в Австралию и особенно в Америку. К 1907 году количество эмигрантов достигло двухсот тридцати двух тысяч двухсот человек в год, тогда как в 1868 году эмиграции не было вовсе.

В стране пустели деревни, жители переселялись в города, развивающейся промышленности требовались рабочие. Чтобы выжить, крестьяне, составлявшие тогда большую часть населения страны (более 90% в 1868 году), искали источники дополнительного заработка, занимаясь ремеслом или мелкой торговлей. В 1910 году рабочих насчитывалось всего 2% населения, столько же, сколько служащих.

Изменения нравов особенно заметны были в городах, причем эти изменения начинались «сверху». Безудержное увлечение Западом сошло на нет к началу 1890-х годов. Реакция населения походила на реакцию организма, отвергающего трансплантированный орган: интеллигенция и власть ратовали за возврат к на-

циональным традициям, что вызвало волну национализма. Но он оправдал себя, когда Японская армия одержала первые победы в войнах с Китаем и Россией. Жесткая конкуренция, развернувшаяся между предприятиями, борьба за выживание и сохранение национальной независимости привели к тому, что Япония стала терять мягкость и пасторальность, так восхищавшие ее первых западных гостей.

Страну раздирали противоречия: спокойствие традиционной жизни и быстрые темпы европейской цивилизации, мягкость нравов и жестокость войны, желание подражать Западу и стремление сохранить национальные ценности. Не делалось попыток свести эти крайности воедино: дома японец будет предаваться созерцанию, а в офисе или на заводе посвящать всего себя работе; он с утонченной обходительностью будет обращаться с людьми из своего круга, но станет безжалостным к тем, кто не знаком ему или уступает ему в чем-либо; наконец, он воспримет западные обычаи, необходимые для публичной жизни, и ревниво будет оберегать свои, привычные в семейном кругу. Он полюбит тех, кто сможет понять ценность его личной жизни, как Лафкадио Херн, женившийся на японке и сам ставший настоящим японцем, одновременно оставаясь писателем Запада, и будет насмехаться над иностранцами вроде Пьера Лоти, не обладающими такой глубиной проникновения в чужую культуру.

Наша привычка делить мир на черное и белое не позволяет нам узнать образ мыслей народа, который, боясь лишиться самых мелких деталей своего самознания, в то же время принимает чуждый ему европейский путь.

Как эта нация сумела в корне изменить себя, как она установила связи с иностранцами? Чем жили люди, о чем думали дома и на работе, как они сумели избежать многих опасностей, связанных с преобразованиями? Мы постараемся дать ответы на эти вопросы и показать повседневную жизнь японцев, ее трудности, ее радости, ее преодоления и надежды. Это тем более трудно, что документальных свидетельств очень много, как японских, так и иностранных. Зачастую противоречи-

вые, отрывочные, они не позволяют прийти к какому-то определенному выводу. Но эпоха Мэйдзи во всем своем удивительном многообразии — не просто притягательное название, это часть истории, погружающая нас в иную культуру, многогранную и загадочную, предваряющая и помогающая понять сегодняшнюю Японию.

Япония в эпоху Мэйдзи металась в поисках равновесия подобно подростку с его тоской по детству, желанием подражать взрослым и одновременным бунтом против них, порожденным чувством противоречия.

Эта борьба принимала иногда эпический характер, она велась одновременно против себя и против всего мира, вызывая социальные, политические и культурные перевороты. Заставляя страну мечтать о великих свершениях, она привела ее к победе.

Очевидно, что данная работа, ограниченная определенными рамками, не может дать полного представления о причинах, породивших изменения в жизни Японии эпохи Мэйдзи. Ее задача — суммировать точки зрения на комплекс проблем, вставших перед Японией описываемого периода, дать общее представление о жизни страны на заре новой эры, богатой как на крупные события, так и на малозаметные явления в повседневной жизни. Несмотря на все трудности, нам показалось интересным и полезным решиться на написание этой книги. Автор прекрасно осознает все ее несовершенства (как можно охватить жизнь целого народа таким малым количеством страниц?), но надеется, что она окажется полезной для тех, кто, не специализируясь на японистике, обращается к истории этой страны, политическому, культурному аспектам ее жизни, ее повседневности. А также тому, каким образом Япония сумела за несколько десятилетий перейти от феодального строя к современному типу общества, от самоизоляции к активному участию в мировой жизни.

Что касается выбранной литературы, то в большинстве случаев автор обращался к японским источникам, поскольку они кажутся наиболее соответствующими

реальным событиям (хотя и являются фрагментарными) по сравнению с записями западных путешественников, зачастую видевших лишь внешнюю сторону японской культуры.

Автор узнал жизнь Японии изнутри благодаря своей японской семье. И был восхищен этой страной, разочарован ею, полюбил ее и возненавидел, и затем, без всякой паузы, вынужден был пересмотреть свои скоропелые суждения картезианца, всякий раз стараясь изменить свой образ мыслей, начать все с нуля, чтобы в конце прийти к выводу, что, по существу, не в состоянии понять японцев, потому что не был рожден в Японии. Но одну вещь все же постиг: важно никогда ни о чем не судить сгоряча, но просто принять факт, принять разницу в мировоззрении и жить с сознанием этого как можно более гармонично. Принятие противоречий в итоге ведет к обогащению собственного опыта и к примирению тех разногласий, что живут в человеке (ребенок-мечтатель и взрослый прагматик, любовь и ненависть, радость и боль), и дальше — к истинно японскому приятию жизни и смерти, далекому от безразличия, но исполненному смирения.

Париж — Токио, 1984

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕННОЙ МОНАРХИИ (МЭЙДЗИ ИСИН)

Введение

Для большинства цивилизаций история культуры часто не зависит от хронологии, по крайней мере тогда, когда речь идет о небольших отрезках времени. Но история культуры и хронология неразделимы в тот длительный период японской истории, который носит название Мэйдзи исин («восстановление просвещенного правления») и связан с правлением двадцать второго императора Муцухито (1867—1912), после смерти известного под именем Мэйдзи Тэнно.

Вся история Японии — это скорее революции, чем медленные поэтапные преобразования. Они затрагивали одновременно исторический и культурный аспекты жизни. Очень часто одно событие влекло за собой серию культурных изменений и влияло на все население страны, хотя люди жили на разных островах и их отделяли друг от друга горные цепи. Понятно, что все эти изменения происходили в разное время и с разной интенсивностью в регионах Японии и приводили к наслоению новых культурных ценностей на те, которые существовали прежде. В ранний период истории племена, занимавшиеся выращиванием риса, смешались с охотниками и рыбаками Дзёмон, а позже, в III веке до нашей эры, — с лучниками, пришедшими на территорию Японии из Алтая через Корею. В страну

проникали элементы культуры Китая и буддийская философия, что послужило толчком к появлению в V—VI веках новых форм мышления, искусства и государственности. Постепенно вперед выдвигается воинское сословие; XII век становится эпохой ярких исторических событий. Тогда же, наконец, устанавливаются и закрепляются складывавшиеся на протяжении веков обычаи и традиции.

Восстановление императорской власти во многом связывают с появлением в 1868 году на японских рейдах иноземных кораблей. Это встревожило многих японцев и вызвало определенные исторические и культурные изменения. Следует отметить, что примерно то же самое произошло после поражения Японии в 1945 году. Не все эти изменения были порождены внутренними причинами, многие явились следствием экономической и даже физической угрозы со стороны Запада. Причем — и это очень характерно для Японии — реформы принимались всем народом не с апатичной покорностью, но с ясным пониманием необходимости принимать новое для будущего процветания страны. Разумеется, случались и бунты, ведь человек так устроен, что редко без колебания соглашается изменить свою судьбу. Наиболее привилегированные классы аристократов, торговцев, воинов, священнослужителей не всегда поддерживали реформы. В конце концов отдельному японцу пришлось подчиниться требованиям общества, чтобы выжить, и установить приоритет коллективных нужд над личными. И даже самоубийство закрепилось в Японии на уровне социального института только потому, что позволяло, жертвуя одним человеком, выжить группе людей. Группа же, в свою очередь, оправдывала самоубийство лишь для блага государства в целом.

Япония впитала в себя элементы чужой цивилизации, пришедшие с континента, не потеряв при этом самобытности. Она ассимилировала европейскую и американскую культуры не столько из желания саморазвития, сколько из насущной необходимости избежать колонизации странами Запада. Это показывает, что Япония, несмотря на все разногласия, пульсиро-

вавшие в ней, обладала сильной внутренней сплоченностью, вызванной географическими и этническими факторами. В сознании японца живет устойчивое представление о себе как об «островитянине», оторванном от других народов Земли. Кроме того, лишь исконный житель Японии верит в местные божества и соблюдает около двух тысяч обычаев, сплывших в неясное и уникальное единство под названием «синтоизм». Привязанности к национальной религии не мешает даже то, что подавляющее большинство японцев — буддисты или последователи Конфуция. Наконец, всех жителей Страны восходящего солнца сплачивает преданность императору, почитаемому за Бога, собирающему людей под свои знамена в минуту опасности. Ни одно политическое движение или реформа не могли пройти без одобрения императора или «по его милости» (*Сонно-фон*). В глазах народа император был непогрешим и неустанно заботился о благе своих подданных. Последние могли не соглашаться с политикой или с установленным порядком, но о том, чтобы не согласиться с волей императора, не могло быть и речи: это расценивалось как государственное преступление. Поэтому восстановление императорской власти в 1868 году стало лишь закономерным завершением политического и социального процессов, вызванных медленным загниванием государственной системы, слишком жесткие структуры которой были не в силах более обеспечить развитие страны. «К середине XIX века система сёгуната ослабела настолько, что ей хватило одного толчка, чтобы превратиться в грудку обломков». Таким толчком стало появление в Японии кораблей иностранных торговцев.

В течение более чем двух с половиной веков Япония была послушна сёгунату и роду Токугава, который удерживал политическую власть после своего утверждения в 1603 году. Императору отводилась роль религиозного главы и советника, и жил он в Киото, далеко от политического центра Эдо. В то же время даже всемогущий сёгун Токугава был обязан своим титулом императору, который в глазах народа оставался единственным законным правителем страны и всего лишь

передал свои полномочия *Бакуфу* — военному правительству сёгуната.

Но система сёгуната была далека от того, чтобы удовлетворить все чаяния «внешних» родов, менее зависимых от Бакуфу. Эти кланы, или *хан*, особенно Сацума, Хидзэн и Тоса, живущие на острове Кюсю, пользовались определенной внутренней свободой. Несмотря на часто возникавшие противоречия, их объединяла ненависть к сёгунату, и они являлись сторонниками императора, поддерживая его в борьбе за возвращение власти. Ситуация на Японском архипелаге в последние двадцать лет правления сёгуната Эдо (эти годы обычно называют *Бакумацу* — «конец Бакуфу») все больше осложнялась. Появление иностранных кораблей и требования западных государств «открыть» Японию дали возможность родам, недовольным абсолютной властью сёгуната Эдо, восстать против него «во имя императора». Искра недовольства тлела долгие годы, но разгорелась в пламя открытого сопротивления лишь во второй половине XIX века.

Начало восстановления императорской власти

С начала XIX века иностранные суда стали все чаще появляться под разными предлогами у берегов Японии. Одни стремились защитить живущих там сограждан, другие пытались установить торговые связи, третьи старались закрепить свои права на северные острова (Россия), четвертые — контролировать свои китобойные суда (как США, для которых они стали очень важны после 1820 года). Европейцы, утвердившиеся в Китае после Опиумной войны 1840 года, вели себя все более вызывающе и требовали от Японии доступа в страну, не пренебрегая при этом угрозами, что вызывало политическую нестабильность. Сёгуны видели, как тает день ото дня их власть, и понимали, что правительство не в силах справиться с падением экономики и помешать развитию национализма, приводящего к росту доверия императору. Налицо были три

тенденции, определяющие направление общественного мнения. Сёгунат выступал за полную открытость страны для иностранцев, опасаясь их военного превосходства. Эту точку зрения разделяли тёнин (городские жители и торговцы), ищущие экономической выгоды от присутствия иностранцев, и несколько даймё (удельных князей), преданных западным идеям. Император при поддержке нескольких крупных родов юго-востока стремился вернуть себе власть и враждебно относился к выходу страны из изоляции. Наконец, некоторые влиятельные князья под предлогом защиты императора искали способ получить максимум пользы из все еще сильной системы сёгуната. Остальные роды разделились на два лагеря и заняли выжидательную позицию. Что касается народа, страдающего от налогов даймё и эксплуатации самураев, то он не мог сделать окончательный выбор в пользу какого-либо одного режима, но не терял веры в императора.

Многочисленные писатели и ученые призывали к открытости страны Западу, делая при этом особый акцент на легитимности императорской власти (что подразумевало нелегитимность власти сёгуната). В то же время иностранцев презирали, а победы японцев в Китае, их присутствие на Филиппинах вызывали восхищение и укрепляли веру в способность противостоять угрозе колонизации. Большинство жителей считали, что необходимо укреплять побережье и вооружаться по западному образцу. Клан Мито, например, занялся выпуском оружия по методике, вычитанной из европейских книг, переплавляя для этого колокола с буддийских храмов. Многочисленные контакты с иностранными торговцами позволяли японцам познакомиться с техникой изготовления современного оружия. Клан Тёсю и Сацума (которые завоевали острова Рюкю и поддерживали отношения с иностранцами, высаживавшимися на этих островах) получали выгоду от своей финансовой независимости и могли изготавливать оружие европейского образца. В 1846 году, уже после того, как у Нагасаки бросили якорь английские и французские корабли, американцы предложили императору провести переговоры по

поводу заключения торгового соглашения, но получили отказ. Это было время появления первых пароходов, что оказало громадное влияние на развитие морской торговли. В Тихом океане все чаще появляются американские и европейские (русские, французские, голландские, английские) суда, которым требовались остановки для пополнения запасов продовольствия, угля и питьевой воды. Кроме того, американцы с трудом мирились с частыми вторжениями русских в японские воды и поэтому поспешили отправить в Японию флот из четырех фрегатов, работающих на пару, под командованием коммодора Перри. Последний, сделав краткую остановку в Нага (острова Рюкю), появился перед Урагой 8 июля 1853 года. «Черные корабли» (*курофунэ*) иностранцев привели страну в волнение, и кланы, как и сёгунат, опасаясь вторжения, издали приказ о защите берега. Сопровождаемый тремястами вооруженными моряками, Перри обратился к представителям сёгуната с письмом от лица президента Филмора, который предлагал установить между странами официальные отношения. Перри объявил, что вернется за ответом через год. Сёгун Токугава Иэясу скончался несколько дней спустя после этой демонстрации силы, и японские чиновники, весьма обеспокоенные случившимся, разделились во мнениях по поводу того, что теперь предпринять. Наконец, новый сёгун Токугава Иэсада решил спросить совета у самого императора, чего не случалось с начала XVII века. Это навело многих японцев на мысль о том, что существующей власти приходит конец. Стронников императора становилось все больше, а крупные княжества юго-запада уже в открытую высказывались против Бакуфу, продолжающего укреплять береговую линию. В конце 1853 года русский адмирал Путятин прибыл в Нагасаки, но был вынужден вернуться в Шанхай из-за начинающейся Крымской войны. И на следующий год он не смог наладить отношения с сёгуном. Встревоженный присутствием русских, Перри решил вернуться в Японию раньше намеченного срока и появился в бухте Эдо, в Канагаве, вместе с флотом, на кораблях которого насчитывалось 1600

человек, в феврале 1854 года. Такое сопровождение произвело впечатление, и сёгунат и Соединенные Штаты подписали соглашение о торговле 31 мая того же года. Соглашение состояло из двенадцати пунктов, открывало для иностранцев порты Симода и Хакодате и позволяло американцам учредить консульство в Симоде.

Перри вернулся в начале 1855 года для подписания окончательного договора (21 февраля 1855 года). Сёгунат принял это соглашение, не заручившись поддержкой императора, лишь из страха перед военной мощью Америки, и навлек на себя обвинения в трусости и государственной измене.

Соединенные Штаты подали пример другим странам, и вскоре Великобритания, затем Россия и Голландия (которая уже отправила по просьбе сёгуна в 1855 году фрегат «Канко-мару» в качестве учебного судна для японских моряков) также добились значительных торговых преимуществ. Император, узнав о договорах, навязанных Китаю в 1858 году, не осмелился противостоять подписанию соглашений сёгуна с иностранцами и скрепя сердце одобрил заключение второго договора с американцами, открывшего им доступ к новым портам и обеспечившего их дипломатическим иммунитетом. За этим документом последовали соглашения с Голландией, Россией, Великобританией, Францией, Португалией и Пруссией (период с 1858 по 1861 год). Новый сёгун, Токугава Иэмоти, который сменил Иэсаду, отправил полномочных министров в Соединенные Штаты (1860) и затем в Европу (1862), не учреждая тем не менее посольств в этих странах.

Сложившаяся ситуация, согласно понятиям японского кодекса чести «позорившая страну», вызвала недовольство сторонников императора и спровоцировала волну сопротивления и даже ненависти к европейцам. Главный сторонник Бакуфу — Ии Наосукэ вместе с заговорщиками из клана Мито организовал убийство представителей клана Сацума в 1860 году. Тем временем ненависть к иностранцам нарастала, особенно после того, как многие японцы пострадали из-за спекуляций европейцами золотом.

Продвижение русских в Маньчжурии и на Сахалине, захват англичанами территорий в Гонконге и Китае, французская колонизаторская политика в Кохинхине (Южном Вьетнаме) вызвали огромное беспокойство политических кругов Японии. Многие европейцы стали жертвами террористов. Влиятельные юго-западные княжества: Тёсю, Сацума, Тоса и Хидзэн (их общее наименование — Садзётохи или Сатётохи) приняли сторону императора, который противостоял иностранцам-«варварам» и сёгунату, благоприветствовавшему их пребыванию на священной земле Японии. В 1862 году сёгунат не смог удержать под своим контролем даймё «внешних» кланов, и они поспешили покинуть столицу Бакуфу и перебраться в Киото, резиденцию императора, ставшую вскоре политическим центром Японии. Освободившись от давления Эдо, даймё по призыву императора объединились в противостоянии Бакуфу. Сам император, чувствуя поддержку даймё и осознавая усиление своей власти, решил с помощью кланов объявить войну иностранцам. Военные действия начались 25 июня 1863 года: Тёсю открыли огонь в проливе Симоносеки по американскому судну «Пемброк». Голландская «Медуза» и французская «Хань-Шан» также подверглись обстрелу с берега. Вскоре последовал ответ: американцы потопили пароход, принадлежавший Тёсю, а французы уничтожили батареи на берегу Симоносеки. Великобритания атаковала город и порт Кагосима, вынудив клан Сацума подписать соглашение, которым англичане воспользовались, чтобы продать Японии военные корабли и снаряжение.

Император Комэй стал осознавать, что европейские государства значительно превосходят Японию по военной мощи, и решимость некоторых кланов идти до конца в противостоянии с Западом начала мешать ему. Требовалось во что бы то ни стало сохранить целостность территории, и это заставило императора пересмотреть свои взгляды на ведение внешней политики. Его ближайшими советниками стали даймё Сацума и Тоса, довольно благосклонно относящиеся к открытию Японии для иностранцев. Клан Тёсю остался не у дел и попытался вернуть политический вес, атаковав Киото в

августе 1864 года. Он был разбит объединенным французским, голландским, английским и американским флотом, нанятым императором (хотя об этом факте мало кто знал). Затем флот занял Хиросиму (принадлежащую Тёсю) и освободил проливы. Остальные кланы объединились с Сацумой и с войсками Великобритании против Бакуфу Эдо.

Ситуация была крайне сложной. Император противостоял клану Тёсю и, не доверяя сёгунату, подтвердил прежние договоры между сёгунатом и иностранцами. Под предлогом защиты императора войска сёгунов продвинулись до Осаки и Хиросимы, но были отброшены хорошо вооруженными войсками Тёсю, так что император решил прекратить военные действия против клана. Тем временем сёгун Иэмоти скончался в Осаке. Его сменил назначенный императором Кэйки Ёсинобу. Став вассалом императора, Кэйки сразу же распустил войско сёгунов и Тёсю.

Император Комэй скончался 3 февраля 1867 года, и на престол взошел его пятнадцатилетний сын Муцухито. Практически все кланы присягнули ему и принесли клятву верности, возможно, надеясь повлиять на юного правителя. Последние сторонники сёгуна Токугавы были разбиты войсками Сацумы и Тёсю, вставшими наконец под знамя императора. Кэйки Ёсинобу был вынужден бежать на американском корабле «Ирокез» и затем пересечь на свой корабль «Каё-мару». В мае 1868 года армия императора настигла последних сторонников в Эдо и на севере страны, где те пытались скрыться.

Кэйки Ёсинобу сложил с себя полномочия в пользу императора, и 3 января 1868 года сёгунат официально прекратил свое существование. Император сосредоточил в своих руках всю власть и на все ответственные должности назначил представителей Садзётохи. Это событие явилось началом «установления эпохи Мэйдзи» — 1 января 1868 года по восточному календарю. Император перенес резиденцию из Киото в Осаку и затем в Эдо, переименовав город в Токио — «столицу Востока». Гражданская война завершилась 27 июня 1869 года капитуляцией Эномото — адмирала, до конца преданного исчерпавшей себя системе сёгуната.

Перед принятием конституции (1868—1889)

Появилась необходимость внести изменения не только в государственную систему, но и в менталитет народа, а это невозможно сделать одним лишь постановлением свыше. Чтобы Запад признал новую Японию, требовалось прежде всего избавиться от феодального строя. Во время инаугурации 6 апреля 1868 года император произнес речь, в которой говорил о пяти принципах, определивших судьбу Японии вплоть до сегодняшнего дня и положивших начало целой серии значимых изменений в истории страны. Эти принципы были разработаны самим императором при участии трех государственных деятелей родом из благородных феодальных родов: Ивакуры Томоми (1825—1883), принадлежащего к одной из ветвей императорской семьи, Кидо Коина (Такаёси или Такамаса, 1834—1877), главы клана Тёсю, и Фукуоки Котэй (Такасика, 1835—1919) — влиятельного представителя клана Тоса. Все они по разным причинам (чаще личным) так или иначе участвовали в устранении системы сёгуната.

Ознакомление с пятью пунктами «торжественной присяги» императора чрезвычайно важно для понимания причин, приведших к появлению новой Японии:

1. Обещание создать совещательное собрание для решения всех государственных дел в соответствии с общественным мнением.

2. Обещание привести страну к процветанию, объединив для достижения этой цели усилия правителей и управляемых.

3. Всем людям будет дозволено осуществлять свои законные стремления и развивать свою деятельность.

4. Постепенное устранение всех традиций и обычаев, признанных «бессмысленными». Справедливость и беспристрастность, как они понимаются всеми, должны стать основами всякого действия.

5. Поиск знаний во всем мире, для того чтобы они служили укреплению основ государства.

Перед тем как приступить к осуществлению этой обширной программы, император разработал нечто вроде конституции (июнь 1868 года), которая сразу же установила разделение исполнительной, законодательной и судебной властей. Исполнительная власть закреплялась за императором, а законодательной и судебной обладал Государственный совет, состоящий из Верхней палаты, члены которой избирались из представителей аристократии, даймё и самураев, и Нижней, в которую входили самураи из всех кланов. Таким образом происходило возвращение к той форме управления государством, которая существовала в Японии приблизительно с VII века. Реальная власть была сосредоточена в руках министров (гидзо) и советников (санъё), полных решимости изменить страну.

5 марта 1869 года под давлением Кидо Коина, Окубо Тосимити (1830—1879) и еще нескольких советников, все молодые даймё юго-западных княжеств отказались от привилегий, имущества и титулов в пользу императора. Через три месяца их примеру последовали почти все главы кланов. Это добровольное отречение не перестает изумлять нас и сегодня, ведь оно было бы немислимым в любой другой стране, кроме Японии. С VII века популярность императора и его власть над умами людей были таковы, что никто не осмелился бы отказаться отдать свою жизнь (и уж без всякого сомнения титул и состояние), если прямой потомок богини солнца Аматэрасу потребовал бы от него этой жертвы. Император был не только воплощением божества, но и живым символом всей японской нации, ее знаменем, поводом к ее существованию.

Итак, отныне император Муцухито являлся единственным правителем островов Восходящего солнца, единолично принимал государственные постановления и мог не опасаться притязаний феодалов, всегда готовых к противостоянию. Он задумал первое преобразование общества, революционное по своей сути, создав три новых класса, которые должны были прийти на смену старому делению феодального общества. Первый — *кадзоку* — состоял из придворной аристократии и феодальной знати; второй — *сидзоку* — со-

ставляли самураи независимо от клана, семьи или уровня благосостояния. И, наконец, в третий, называемый *хэймин*, входили люди из народа.

С этого времени одна реформа следовала за другой. Прежние даймё, сразу же назначенные наместниками в своих княжествах, получали жалованье, равное десятой части их доходов. Впоследствии они были вынуждены оставить эту должность и стать правительственными чиновниками в столице. Не оправдались и ожидания самураев и духовенства из крупных буддийских монастырей, которые лишились своих земель, что с корнем вырвало феодализм из почвы Японии. Но император не собирался останавливаться на полпути. Выплата пенсий и жалований слишком давила на государственный бюджет, и в Лондоне японским правительством был заключен договор о займе, а в 1873 году оно предложило выкупать наиболее незначительные пенсии. Три года спустя все пенсии без какого-либо предупреждения были превращены в право на ренту.

Эти постановления императора естественным образом повлекли за собой освобождение земель из-под власти даймё, самураев и наиболее богатых храмов. В 1868 году, согласно очередному постановлению, земли должны были стать собственностью тех, кто их возделывал, либо в одиночку, либо коллективно, что было типичным для деревни. Начиная с 1873 года каждый имел право продавать или покупать землю либо для ее обработки, либо с иной целью. Посаженные, фигурально выражаясь, на хлеб и воду, даймё не имели средств для того, чтобы выкупать свои земли и восстанавливать поместья. Народ больше не чувствовал себя в кабале и впервые вздохнул свободно. Император же стал для него не только богом, но истинным благодетелем, и его популярность выросла во много раз.

Чтобы окончательно стереть последние следы феодализма, в стране ввели новое административное деление: княжества (провинции) заменили префектурами (*кэн*). Их новые границы не соответствовали прежним. В 1871 году кланы были окончательно устранены, и все японцы, какой бы ни была их социальная принадлежность, должны были платить национальный налог, ко-

торый с 1871 года стал взиматься наличными, а не продуктами натурального хозяйства, как это было раньше. Рис, старая мера оплаты, отныне заменялся золотом, точнее — иеной, которую составляли сто сэн, а в каждом сэн было, в свою очередь, сто мон. О феодальной эпохе напоминали лишь сабли, которые носили некоторые представители военного сословия, но указ 1876 года, разрешавший надевать их только служащим императорской армии, положил конец и этому обычаю. Сидзоку, получившие разрешение выбирать наиболее подходящее им занятие, стали военными, полицейскими или же делали административную карьеру. Из всех старых привилегий у них осталось лишь право подвергаться особым (смягченным) наказаниям за уголовные преступления — сомнительная привилегия, которая, впрочем, также была упразднена в 1882 году. Итак, Япония пришла к равенству не через народную революцию, как это случилось во Франции в 1789 году, а, напротив, по воле одного человека — императора.

Категория хэймин, или «людей из народа», должна также была поглотить (как это предполагает принцип равенства) бывших эта (или *хинин* — «не-людей»), фактически имевших статус неприкасаемых и состоявших из тех, кто не принадлежал к остальным двум классам. На деле же, если в свете новых законов все хэймин были равны, то традиционные взгляды, которых придерживался народ, отказывали им в этом. Человек так устроен, что, будучи всегда готов принять свободу для себя, в то же время отказывает в ней другим... Так что эта, изначально представлявшие собой потомков военнопленных или тех, кто занимался работой, считавшейся «нечистой», до сих пор подвергаются определенному социальному остракизму. Официально этого факта стыдятся, но сделать с ним пока ничего не могут. Остальные хэймин делились на два резко разграниченных класса: *тёнин*, или горожан (среди которых также выделялись торговцы, рабочие и чиновники), и крестьян. Положение последних все еще было весьма плачевным, несмотря на новый статус свободных мужчин и женщин и устранение формы коллективной и семейной ответственности. Они отныне могли зани-

мать важные посты и получать почетные награды в соответствии со своими заслугами и способностями. Они также имели возможность (пусть пока и теоретически) заключать равный брак с представителями других классов и путешествовать, в том числе и за границу, если позволяли средства. Так японское общество за несколько лет встало на путь обретения социального равенства. После некоторых колебаний было решено объявить о свободе вероисповедания, а что касалось христиан, то с 1873 года им наконец было позволено открыто исповедовать свою религию. Правда, для этого потребовалось давление христианских стран на Японию.

Все эти глобальные реформы, проведенные за несколько лет, неминуемо должны были встретить сопротивление. Чувство клановости, глубоко укоренившееся в самураях за многие века, было еще живо, и некоторые бывшие феодалы, даймё и самураи, а также члены первых правительств эпохи Мэйдзи, испытывали в глубине души тоску по прежним временам. Те, кто был особенно привязан к прошлому, пытались бунтовать против нововведений, которые они ставили в упрек советникам и министрам, но отнюдь не императору, неизменно считавшемуся непогрешимым правителем, чья личность была неприкосновенна. Вспыхнули восстания в Хиго, Акизуки, Тикудзэн, Тёсю. Но бунт во всех случаях был подавлен, поскольку народ не поддерживал повстанцев, и зачинщиков мятежей казнили в 1876 году.

Наиболее серьезное восстание произошло в следующем году. Сайго Такамори (1827—1877) из клана Сазума, участвовавший в реорганизации императорской армии, яростно осудил введение всеобщей воинской повинности, что, по его мнению, уничтожало привилегии самураев, роль которых до этого как раз и заключалась в защите страны. Сайго Такамори был участником вооруженного вторжения на территорию Кореи. Это военное предприятие на какой-то миг вновь загло в самураях пламя отваги, хотя оно и противоречило

мирным устремлениям Окубо Тосимити и Ивакуры Томоми (1825—1883), который возвратился в Японию после посольства в Соединенные Штаты и путешествия по Европе. Такамори оставил свой пост одновременно с другими *санги* (советниками) — участниками войны, и вернулся в Сацуму. Там он занялся обучением самураев, сохранивших ему верность, якобы для того, чтобы освоить с ними земледелие. Правительство забеспокоилось и в 1877 году отправило в Кагосиму корабль, чтобы захватить склад с оружием, собранным Сайго и его «учениками». Последние скрылись в горах, прихватив с собой оружие, и Сайго неожиданно для правительства оказался во главе четырнадцати тысяч вооруженных самураев. В его планы входило соединение со сторонниками Тёсю и продвижение до Киото, где он рассчитывал получить поддержку. Но правительственные войска, незамедлительно выступившие против повстанцев, сумели удержать их в пределах острова Кюсю, несмотря на жестокое сопротивление. Прекрасно обученная и дисциплинированная армия императора разбила Сайго в январе 1877 года. Сам Сайго, раненый и окруженный вражескими войсками, покончил с собой в традиционной для самураев манере, сделав *сеттукю* 24 сентября. Остальные восставшие были либо убиты, либо посажены в тюрьму. Единственный раз до страны донеслось эхо этого восстания, когда в 1878 году несколько самураев, преданных Сайго, организовали убийство министра Окубо, которого они обвинили в поражении своего предводителя.

Тем временем японское государство, несмотря на сложную обстановку внутри страны, стремилось установить равноправные дипломатические отношения с иностранными державами. Но, чтобы достичь этого, необходимо было торопиться с модернизацией страны. Одним из первых шагов, предпринятых правительством Мэйдзи, было решение установить маяки в крупных портах, чтобы привлекать иностранные суда и способствовать, таким образом, развитию торговли. За границей закупались пароходы, а с 1872 года появи-

лись первые компании по торговому мореплаванию. Взяв еще один заем в Лондоне (который был возвращен в 1882 году), Япония приступает к строительству железной дороги. В 1869 году был установлен телеграф, а в 1871-м — почта. Значительно улучшилось состояние дорог. К 1871 году армия стала национальной и объединила большую часть вооруженных сил бывших кланов. Ее организацией занимались иностранцы, прибывшие по большей части из Франции и Пруссии. Отдельно от сухопутных войск в 1872 году под управлением британских моряков начал создаваться национальный флот. Французский инженер Верни приступил к устройству военного порта в 1872 году, а с 1886 по 1890 год этой работой занимался инженер Бертен. Развивалась и экономика. Здесь особую роль сыграла деятельность Ито Хиробуми (1841—1909), принадлежавшего Тёсю и получившего в Англии прекрасное образование. Благодаря государственным средствам, выделяемым прядильным фабрикам, стекольным заводам, цементной промышленности, писчебумажным магазинам, бурно развивались индустрия и тяжелая промышленность. Предметом пристального внимания приглашенных из США агрономов стало более рациональное использование возможностей в то время мало заселенного острова Хоккайдо. Возрастало число рабочих рук и количество фабрик; в 1881 году все государственные предприятия, в целом не слишком успешные, были возвращены в частные руки на очень выгодных условиях. Частные банки и банки-эмитенты, в свою очередь, были превращены в национальные банки, а в 1882 году был создан Национальный банк Японии (Нихон Гинко).

Но результаты не могли быть стабильными без должной организации технического образования. До 1868 года существовали лишь частные школы и *Тэра-коя*, или «школы при храмах», где обучение носило поверхностный характер и ограничивалось преимущественно дисциплинами, связанными с литературой, — такими как каллиграфия, искусство поэзии... Точным наукам уделялось мало внимания. Но с 1871 года образование в Японии стало выстраиваться по европейскому образцу, и

посещение начальной школы было объявлено обязательным для всех детей в возрасте от шести до двенадцати-тринадцати лет. Через год появились средние школы, школы, где изучались точные науки, высшие школы, частные и государственные школы. Целью реформы было распространение знаний, принесенных Западом, создание квалифицированных кадров, способных в короткие сроки заменить приезжих специалистов и профессоров, и появление интеллектуальной элиты, чья деятельность будет посвящена делам новой Японии и чья верность императору будет непоколебимой.

Национальная религия, синтоизм, была восстановлена для того, чтобы, с одной стороны, противостоять буддизму, который, по сути, не являлся исконно японской конфессией, а с другой стороны — противодействовать попыткам миссионеров из Европы и из Америки привить Японии христианство. Значительное развитие за эти годы получила пресса. В 1875 году пришлось даже вводить для нее ограничения, чтобы избежать злоупотреблений в этой сфере.

Изменение внутренней ситуации протекало параллельно с развитием отношений с Западом, что позволяло новорожденному японскому государству поддерживать достижения в области экономики. Около 1860 года болезнь, поражающая коконы шелковичных червей, нанесла значительный урон европейскому рынку текстильной промышленности. Японские крестьяне воспользовались ситуацией, чтобы самим экспортировать шелк в Европу. Японское государство наблюдало за тем, как баланс этого экспорта становится избыточным, несмотря на низкую ставку таможи (5%), навязанную иностранными державами для импорта. Кроме того, военная экспедиция на Формозу (Тайвань), предпринятая как акт мести за японских моряков, убитых на островах Рюкю, позволила зарождающимся промышленным обществам, таким, например, как компания, созданная Ивасаки (позднее она превратилась в трест Мицубиси), развиваться в значительной степени за счет заказов правительства на строительство судов. Кампания, развернутая против Сайго Такамори в 1877

году, также дала возможность разнообразить выпускаемую продукцию и получать неплохую прибыль, снабжая армию императора необходимым снаряжением. Позднее судоверфи Мицубиси и Мицуи, промышленные компании, созданные в эпоху Токугава, слились в трест (*дзайбацу*), способный противостоять наплыву западной продукции. Именно индустриальная мощь этих совместных предприятий, контролирующих самые разные отрасли индустрии, позволила дать такой мощный толчок развитию экономики. Зарплата в то время была невысокой из-за массового притока в город крестьянского населения и большого числа безработных.

Помимо всего прочего, раздвинулись и границы Японии: карательный поход 1874 года в Тайвань (находившийся тогда под контролем китайцев) позволил получить весомую компенсацию от Китая и признание этого острова собственностью Японии, что официально было подтверждено в 1879 году. Кроме того, Япония, под предлогом того что Корея обладает важной для нее стратегической значимостью (русские в это время находились на берегу Японского моря), вынудила эту страну открыть для торговли свои порты. То есть японцы действовали по отношению к Корее точно так же, как за несколько лет до этого американцы действовали по отношению к самой Японии. С этих пор ее влияние становилось все более заметным на корейском полуострове, так что вскоре его наводнили товары с пометкой «сделано в Японии».

Но всякий успех имеет свои оборотные стороны, и новорожденная промышленность вскоре пошла на спад, ведь требовалось не только «кормить» ненасытный внутренний рынок, но также поддерживать экономику Тайваня и Кореи. Государство должно было выплачивать займы, сделанные за границей, и долги сёгунату, содержать армию, возмещать ущерб, нанесенный последним самураям и даймё и справляться с огромными расходами на модернизацию страны. Вскоре разразилась инфляция, которая, несмотря на продолжающийся рост промышленности, грозила принять катастрофические масштабы и разорить страну. Имен-

но в это время Мацуката Масаёси (1835—1924), бывший самурай из клана Сацума, ставший министром финансов в 1881 году, принял решение денационализировать крупные отрасли индустрии (за исключением тех, что были связаны с оборонной промышленностью) и провести серию важных реформ с целью восстановить экономику страны в течение следующих десяти лет. Постепенно вернулись стабильность и благополучие, и во многом это было связано с «бумом» прядильных фабрик 1885 года.

Политическая активность везде была очень высокой. Западные идеи быстро распространялись благодаря школам и многочисленным газетам; каждый стремился принять участие в становлении нации и способствовать ее процветанию — тем более что к этому призывал сам император. Хотя в 1878 году были созданы окружные (местные) ассамблеи, но многие чиновники, вдохновленные западной моделью государства, выступали за конституцию и за еще более широкие права для народа. В 1880 году политические партии и ассоциации получили право на свободу образования и свободу мнения. К этому времени (1881) относится создание первой партии от оппозиции Дзюто (либеральная партия) бывшим министром Итагаки Тайсукэ (1837—1919). Со своей стороны в 1890 году император обещал дать японцам конституцию. В 1882 году появилась вторая партия — Окумы, а Синпото (или Кайсинто), возникшая благодаря Ито Хиробуми, стала третьей партией, которая должна была уравновесить первые две и поддерживать курс правительства. Но эта партия — Риккен-тайсэйто — прекратила свое существование в 1883 году, не выдержав нападков других партий. Впрочем, Синпото и Дзюто, раздираемые внутренними противоречиями, также исчезли год спустя. Ито Хиробуми, изучавший в Берлине конституцию Германии, выдвинул идею Совета по разработке законов. Была пересмотрена структура правительства, и на этот раз Министерство внутренних дел отделили от администрации императора. Сам Ито Хиробуми стал премьер-министром этого прообраза временного правительства. Наконец, в 1889 году император объявил о

принятии конституции. Это событие вызвало волнения (так, в этом же году был убит Мори Аринори — министр внутренних дел и глава Окумы), поскольку к этому моменту произошло возрождение оппозиционных партий.

Тем временем возрастала политическая активность страны. Япония стремилась пересмотреть договоры, подписанные сёгунатом, и особенно размеры таможенных пошлин, навязанные иностранными державами. Международная конференция, состоявшаяся в Токио в 1886 году, принесла плоды: Япония наконец могла самостоятельно устанавливать таможенные пошлины. Однако вопрос об экстерриториальности все еще не был решен. Первой от этого права отказалась Германия, затем, в 1890 году, — Великобритания. Новые договоры должны были быть подписаны в Лондоне лишь в июле 1894 года, чтобы войти в силу пятью годами позже.

Конституция укрепила исполнительную власть императора и утвердила его неприкосновенность. Парламент отныне состоял из двух палат: Палаты пэров, члены которой назначались императором из титулованной знати и императорской фамилии, и Палаты депутатов, куда входили лица, которых выбирали избиратели, обладающие правом голоса, то есть если им исполнилось двадцать пять лет и они платили более 15 иен прямого налога (всего около 6% населения)*. Парламент обладал правом законодательной инициативы, которое он разделял с министрами, обязанными напрямую отчитываться перед императором. Сам же император назначал Тайный совет. Гэнро (внеконституционный совещательный орган) оказывал лишь ограниченное влияние на императора, который выслушивал его мнение, но мог с ним не считаться. По сравнению с передовыми странами Европы и Америкой эту конституцию нельзя назвать особо демокра-

* Этот закон был пересмотрен в 1900 году (и вступил в силу в 1902 году). В результате сумма прямого налога, необходимого для участия в выборах, уменьшилась с 15 до 10 иен, что значительно повысило эффективность выборной системы.

тичной, но, учитывая низкий уровень политической грамотности народных масс, она и не могла быть более либеральной. Кроме того, не так-то легко за двадцать два года перейти от феодального строя, который вообще исключает какую-либо свободу, к правительству парламентского типа. Хотя эту конституцию часто определяют как реакционную, она ясно указывает на тенденцию к демократизации, которая, впрочем, начала серьезно проводиться в стране лишь после Второй мировой войны. Кроме того, именно эта конституция с обнародованным в том же году уголовным кодексом позволила Японии встать на одну ступень с иностранными державами и, будучи по своему характеру консервативной, тем не менее впервые в истории Японии определила гражданские права, например, свободу собраний, переписки, слова, сознания, неприкосновенность жилья. Следует отметить: все эти права действовали с оговоркой «в пределах, установленных законом», что позволяло правительству в особых ситуациях ограничивать их использование.

Начало эпохи империализма (1889—1912)

Япония день ото дня крепла в военном, промышленном и торговом отношениях, но в то же время ее экономика распатывалась из-за огромных расходов на ускоренную модернизацию страны. Хотя с балансом внешней торговли все было в порядке, необходимо было найти новые каналы сбыта, поскольку покупательная способность жителей Тайваня и Кореи была невелика, да и у самих японцев дела обстояли не намного лучше. Вдобавок ко всему увеличение притока жителей деревни в город привело к задержке выплаты зарплат и к их снижению и, как следствие, — к росту нищеты и в деревне, и в городе.

Еще в конце XVI века Тоётоми Хидэёси (1536—1598) провозгласил курс на завоевание новых земель, поощрение эмиграции наименее трудоспособной части населения и стремление к упрочению

власти и авторитета императора (этими лозунгами и воспользовался в начале Мэйдзи Сайго Такамори). Но осторожность и осмотрительность императора сдерживали рвение наиболее воинственно настроенных министров; кроме того, военные действия могли повредить росту индустриализации страны и ее репутации. Что касается уже упомянутой карательной экспедиции на Тайвань, принадлежащий китайцам, то ее результат превзошел ожидания: Китай выплатил Японии крупную сумму денег и предоставил полную свободу действий японцам, проживавшим на островах Рюкю. В 1876 году было подписано соглашение с правительством Кореи, что вызвало недовольство со стороны Китая, всегда стремившегося оказывать влияние на Корею, и привело к династическому кризису: настроенная прояпонски королева Мин начала борьбу за власть с бывшим правителем, поддерживавшим интересы Китая. Страну охватили волнения, и тогда Япония и Китай направили в нее экспедиционные корпуса под сомнительным, но дипломатичным предлогом защиты своих подданных. В 1885 году Ито Хиробуми и китайский министр Ли Хунчжан подписали соглашение о выводе войск из страны, но в 1894 году Китай, воспользовавшись антияпонским восстанием в Корее, поднятым группой Тонг-хак, вторгся в страну, чтобы поддержать участников бунта и «навести порядок». Япония же, сочтя подписанный ранее договор нарушенным, в свою очередь отправила в Корею 400 морских пехотинцев. Иностранные державы, к которым обратились как к посредникам в конфликте, уклонились от этой обязанности, и корейцам самим следовало принять решение в пользу той или иной стороны. Император Кореи признал правомерными интересы Китая, тогда японцы арестовали его и назначили регента, настроенного прояпонски. Война между двумя странами должна была стать неизбежной.

Огромный и густонаселенный Китай проигрывал Японии в военном отношении: его войска были плохо экипированы, а флот недостаточно оснащен. После объявления войны императором Муцухито в

августе 1894 года события разворачивались молниеносно. Прошло всего несколько месяцев с начала военных действий, а японский флот уже легко сокрушил китайский, состоявший преимущественно из джонок; японские войска высадились в Корее, заняли Порт-Артур, Ляодунский полуостров и остров Тайвань. Императрица Цыси обратилась за помощью к другим странам, но безрезультатно: Китай был повержен. Симоносекский договор от 17 апреля 1895 года, подписанный Ли Хунчжаном, подтверждал независимость Кореи. Японии отходили полуостров Ляодун, остров Тайвань и Пескадорские острова. Кроме того, Китай обязался выплатить Японии компенсацию в размере двухсот миллионов таэлей и открыть новые порты для торговли с Японией. Это было чрезвычайно значимой победой, и японцы ликовали. Но иностранные державы, до сих пор не придававшие большого значения этой войне, внезапно обеспокоились тем, что Япония получила земли Китая, и предложили ей отказаться от Ляодуна и Вэйхайвэя. Это вызвало у японцев взрыв негодования. Что касается обескровленного Китая, то он не мог отныне противостоять требованиям Запада, и вскоре Россия легко добилась соглашения на строительство Маньчжурской железной дороги и на аренду Порт-Артура на двадцать лет; Германия подписала аналогичное соглашение на аренду Цзиньчжоу на девяносто девять лет; Франция упрочила свои позиции в Гуанчжоу и на юге Китая; Великобритания обосновалась в Каулуне и в Вэйхайвэе. Победа Японии над Китаем сослужила хорошую службу западным державам, особенно России, позволив им безнаказанно разделить территорию страны и закрепиться на ней. Что касается самой Японии, то она хотя и уступила требованиям Запада, но зато приобрела его уважение и получила право на определенную свободу действий в Корее. Вошедшая в число современных государств, Япония способствовала освобождению дипломатических миссий, осажденных в Пекине участниками Боксерского восстания, с блеском подтвердив таким образом свое «западное» призвание.

Послевоенные годы не решили вопрос относительно будущего внешней политики Японии, поскольку государство разрывалось между желанием усилить свое влияние в Корее и необходимостью не слишком задеть интересы Европы, с завистью следящей за тем, как ничем, казалось бы, не примечательная страна укрепляет позиции в Китае. В этом отношении дипломатические ходы России, Великобритании и Франции, вынудившие Японию пересмотреть условия соглашения в Симоносеки, наталкивали последнюю на мысль о том, что не следует форсировать ход событий. Да к тому же Япония все равно чувствовала себя удовлетворенной, пусть даже ее национальная гордость была слегка задета тем, что пришлось подчиниться требованиям Запада. Благодаря своей дипломатии она убедила европейцев в своих мирных намерениях и отсутствии притязаний на чужие территории, хотя японский народ в целом был настроен воинственно. Успехи внешней политики лишь укрепили чувство патриотизма, а это привело к усилению армии и флота. Прогресс, достигнутый за столь короткий срок, признание Японии на международной арене, экономический подъем, вызванный войной, — все это подогрело национализм. Действительно, после этой победоносной войны в Японии сложилась благоприятная экономическая обстановка, причиной которой явилось увеличение расходов на военные нужды, повышение земельных налогов и таможенных пошлин. Сумма, полученная от Китая, возросла в конечном счете до трехсот шестидесяти пяти миллионов иен и предназначалась для пополнения бюджета страны. Большая часть этих средств пошла на осуществление программы развития армии и флота. Золото, тогда относительно редкое в Японии, потекло в государственную казну, что позволило с 1897 года возвратиться к биметаллизму, основанному на золотом стандарте, чтобы компенсировать девальвацию металлических денег. Обилие золота способствовало благоустройству страны, но, естественно, началась спекуляция, в которой главным образом участвовали крупные промышленные концерны (Мицуи, Мицубиси и другие *дзайбацу*), связанные с политикой. Нача-

лись волнения среди рабочих, желающих собственными глазами видеть, как улучшаются условия труда и жизни. Хотя законных профсоюзов еще не существовало, забастовщики объединялись в ассоциации, выступавшие прямо на рабочих местах и ратовавшие за улучшение условий жизни. Возникали многочисленные политические группы, чьи руководители вдохновлялись произведениями с социалистическим уклоном, как переводными, так и собственно японскими. Вернувшееся благополучие стало причиной нескольких правительственных кризисов, среди которых особо выделяются кризисы 1897 и 1901 годов, разделившие партии и правительство, которое критиковали за нерешительность в проведении реформ. Сменяли друг друга кабинеты министров, возглавляемые Ито Хиробуми, Мацукатой и Окумой и состоящие из представителей аристократии, которые вступали в сделки с оппозицией. В ноябре 1898 года император доверил руководство государством маршалу Ямагате, который собрал императорскую армию и установил парламент кланов, враждебно относящийся к либералу Ито Хиробуми. Возрождение прежних феодальных настроений стало причиной многочисленных проблем и даже убийств на политической почве. Ито Хиробуми, сформировав новый кабинет (четвертый по счету) в 1900 году, ушел в отставку из-за противоречий с Палатой пэров. По распоряжению императора генерал Кацура, сражавшийся в Китае и в Корее, занимавший пост губернатора в Тайване и военного министра в кабинетах Ямагаты и Окумы, должен был собрать в новом кабинете министров государственных деятелей, не подозреваемых в сговоре между партиями. Это немного стабилизировало обстановку и укрепило авторитет правительства.

Тем временем, пока политические партии и всевозможные фракции выясняли отношения, пока коррупция чиновников превращалась в привычное явление, простой народ в своих надеждах все больше и больше полагался на императора, который, как верили, должен был решить все проблемы, и все больше презирал партии, называемые «фракциями» (*хото*). Назначение ге-

нерала Кацуры лишь усилило национализм, граничащий с милитаризмом из-за напряженности в международных отношениях. Активность русских в Маньчжурии беспокоила англичан, имевших крупные проценты в японской экономике, а сами японцы опасались за сохранение своего господства в Корее. Дипломатическим путем Япония добилась подписания договора с Великобританией, хотя Ито Хиробуми, искавший способа добиться соглашения с царской Россией, касающегося Кореи, был против. Этот договор с Великобританией, заключенный в январе 1902 года, явился для Японии огромной дипломатической победой. Мало того что вновь была подтверждена независимость Кореи и Китая, документ узаконивал право обеих сторон иметь особые интересы (которые при необходимости можно отстаивать) на территории этих государств. В случае войны та сторона, которая не участвует в военных действиях, должна сохранять нейтралитет и препятствовать вмешательству в конфликт других держав. Но если тот или другой участник договора начинает военные действия, то союзник должен также вступить в войну. Этот военный договор был заключен сроком на пять лет. Россия почувствовала, что метят в нее, и попыталась обратиться к Франции, своему союзнику, но безуспешно. Оказавшись в изоляции, она начала выводить войска из Маньчжурии, как это предусматривало соглашение с Китаем, но в апреле 1903 года царь Николай II под давлением своих министров приостановил вывод войск. Между Токио и Санкт-Петербургом развернулась бурная дипломатическая дискуссия. Япония хотела оставить нейтральной границу, отмеченную рекой Ялу между Кореей и Маньчжурией, в то время как Россия предлагала Японии освободить территорию Северной Кореи. Ни одна из сторон не желала уступить. 13 января 1904 года Япония, чувствуя поддержку Великобритании, предъявила России ультиматум, в котором требовала вывести все войска из Маньчжурии в течение пятнадцати дней. Россия ответила неопределенно, и Япония разорвала с ней дипломатические отношения. Война стала неизбежной.

Россия, эта огромная империя, настолько превосходила Японию размерами, что исход конфликта был ясен для всех неискушенных умов. Впрочем, Япония и Великобритания считали иначе. У Франции, союзницы России, были связаны руки, так что она не пыталась противостоять Великобритании, дружественной Японии. Что касается Германии, то она не имела ничего против того, чтобы огромная Россия переключила внимание на свои восточные границы. Если для русских, занятых освоением Сибири, назревающий конфликт в Маньчжурии был небольшой кампанией, которая, несомненно, должна была разрешиться в их пользу, то японцы решились во что бы то ни стало встретиться «лицом к лицу с белыми» и дать им отпор.

Впрочем, нельзя сказать, что перевес войск изначально был у России: ее основные военно-морские базы находились в Балтийском море, то есть очень далеко от Японии, а сухопутные войска можно было перебросить на фронт, лишь используя Транссибирскую железную дорогу, строительство которой в то время было еще не закончено. Кроме того, транспортировка войск занимала очень много времени. Ситуация осложнялась еще и тем, что русские не могли оставить без прикрытия западный фронт, на котором им угрожала Германия. В восточных морях японский военный флот превосходил русский по численности (пятьдесят единиц против двадцати восьми) и был гораздо более современным. На суше русские располагали всего ста пятьюдесятью тысячами солдат, тогда как японцы могли очень быстро перебросить в место сражения более миллиона отлично вооруженных пехотинцев.

Ход событий ускорило сражение на море у порта Пусан в Корее. Японский адмирал Того, чьи военные базы находились в Сасэбо, внезапно без предупреждения атаковал русскую эскадру на якорной стоянке перед Порт-Артуром, продемонстрировав противнику маневренность своего флота. Два дня спустя, 11 февраля 1904 года, когда по синтоистской традиции Япония отмечала юбилей основания империи, император официально объявил войну России. Русская эскадра, блокированная в Порт-Артуре, оказалась бессильной,

так же как и крейсера, блокированные во Владивостоке. Японцы же, сосредоточив в месте сражения огромные силы, используя торговые суда для перевоза солдат, начали штурм Порт-Артура под командованием генерала Ноги. Разыгралось сражение не на жизнь, а на смерть. Порт был хорошо укреплен, и русские доблестно защищали его. Японские войска продвигались медленно, шаг за шагом, до тех пор, пока на море не началась битва русского и японского флотов. Владивостокский флот потерпел поражение, и последние русские суда были вынуждены укрываться в порте приписки.

В Маньчжурии генерал Ояма в двух сражениях разгромил армию Куропаткина, который отступил к Мукдену, где с приходом зимы обе стороны прекратили огонь, оставаясь на своих позициях. В это время в Порт-Артуре продолжались жестокие бои, вести которые становилось все труднее из-за наступивших сильных холодов. После долгих месяцев борьбы генерал Ноги занял господствующие высоты. 2 января 1905 года Порт-Артур был сдан.

На севере у Мукдена бои возобновились в конце зимы. 10 марта, обессилив после потерь в Порт-Артуре, осажденные со всех сторон русские войска покинули город.

В это время русское адмиралтейство уже отправило на помощь дальневосточному флоту эскадру под командованием адмирала Рожественского. Этот флот, состоящий из старых судов и недостаточно обученных моряков, должен был проделать невероятно долгий путь, огибая африканский континент. Эскадра остановилась в Мадагаскаре, где запаслась углем, и, ничего не подозревая, направилась в Японское море. Здесь вовремя предупрежденный адмирал Того устроил ловушку: вся русская эскадра была уничтожена 27 мая 1905 года.

Война могла бы еще больше затянуться, если бы не потрепанная войной японская экономика и не трудности царского правительства в России, пытавшегося обуздать революционный подъем в стране. К тому же Соединенные Штаты, озабоченные тем, как бы Япония не зашла слишком далеко в поисках выгоды, предложи-

ли свое посредничество, которое обе стороны приняли с определенной долей облегчения. 5 сентября 1905 года, после преодоления ряда разногласий, был заключен Портсмутский мир. Он оказался не слишком выгодным для Японии, оставшейся без репараций; однако Россия признала японское влияние в Корее, передала Японии права на строительство железной дороги в Маньчжурии и вывела из нее свои войска. Япония в ответ должна была вывести свою армию. Впрочем, в утешение она получила южную часть острова Сахалин. Результаты оказались несоразмерны с усилиями, затраченными на проведение войны. В очередной раз Запад продемонстрировал солидарность по отношению к притязаниям Японии.

Этот договор спровоцировал волну возмущения в Японии. «Более ста тысяч людей погибли, более миллиарда иен израсходовано ради нашей победы, абсолютной победы! И все это сведено на “нет” из-за инертности наших дипломатов!» — негодовал граф Окума, лидер прогрессивной партии.

По стране прокатилась волна восстаний, вынудившая правительство объявить чрезвычайное положение. Несмотря на это, император все же подписал мирный договор, страсти постепенно улеглись, но министр Кацура подал в отставку: он выиграл войну, но потерял плоды ее.

Западные страны были сильно удивлены: маленькая Япония победила огромную Россию. Они спрашивали себя: как это случилось? Западный мир, привыкший к победам «белых людей», застыл в недоумении, в то время как вся Азия с гордостью приветствовала первых победителей-азиатов.

В самой Японии после всплеска протеста и возмущения, охватившего все слои населения, наступило затишье: несмотря ни на что, японцы гордились своей победой над западным гигантом и с усердием принялись за работу, ибо всегда в минуты отчаяния черпали силы в труде. Их решимость взять однажды реванш заставила журналиста Лео Бирама произнести следующие слова, оказавшиеся пророческими: «Подобно тому, как Англия вышла из своей изоляции в 1903 году и,

к всеобщему удивлению, бросилась в объятия Японии, также и соперничающая с ней держава примкнет к ней, преследуя собственные интересы и играя на интересах Японии до того дня, когда, исполненная собственной силы, она отвергнет эту корыстную дружбу и поднимется, могучая и агрессивная, там, где будет развеяться ее флаг».

Война изнурила Японию. В деревнях, особенно на севере страны, свирепствовал голод. Да и в городах жизнь была немногим лучше, хотя промышленность работала на полную мощность. Чтобы не допустить спада экономики и избежать инфляции, новым кабинетом министров во главе с Сайондзи, близким по своим взглядам к либералам, была принята программа, разработанная еще в 1900 году Мацукатой. Правительство взяло курс на восполнение потерь, причиненных войной, на развитие народного образования, что было призвано укрепить моральный облик нации, на увеличение кредитов, на поддержание экономики путем реформ. Но экономический кризис, разразившийся из-за войны, был настолько жестоким, что правительство Сайондзи не могло ему противиться. В 1908 году Кацура вернулся к власти и попытался исправить сложившуюся ситуацию мерами, близкими к самодержавным: были установлены различные налоги и пошлины — позже они должны были быть облегчены — для укрепления экономики; уменьшены бюджетные расходы, подавлялась спекуляция. Все эти меры оздоровили японскую экономику, и понемногу она поднялась на ноги. Соглашения между политическими партиями предполагали смену власти, и в 1911 году Сайондзи сменил Кацуру, встав во главе правительства: кризис миновал, и можно было без всяких опасений вернуться к либерализму.

Что касается событий, происходивших за пределами Японии, то в 1904 году Корею, с молчаливого согласия Америки (сенатор Тафт), навязали настоящий протекторат. В 1905 году Ито Хиробуми вынудил Корею подписать соглашение о протекторате, а корейского императора — отречься от престола в пользу своего сына, И Чока. В 1910 году после убийства Ито Хиробу-

ми корейским патриотом Кацура просто присоединил Корею к Японии. Оккупация страны «силами полиции» произошла мгновенно. Все корейские имена были заменены на соответствующие японские, японский язык стал единственным государственным языком, и именно на нем должно было проходить обучение в школах; гражданские свободы были отменены. Колонизация Кореи носила характер полной ассимиляции.

В Маньчжурию после вывода войск стало просачиваться гражданское население; японцы получили контроль над железной дорогой и коммерческими предприятиями. В Тайване колонизацию страны провели по той же модели, что и в Корее, используя все способы уничтожить любые следы китайской культуры на острове и монополизировав торговлю и промышленность.

Заключались соглашения с «внешними» странами, которые стремились сохранить статус-кво в Маньчжурii, но поощряли влияние Японии в этом регионе: был продлен договор 1905 года с Великобританией, в 1911 году подписано торговое соглашение с Соединенными Штатами, согласно которому американцы обязались не претендовать на Маньчжурию в обмен на прекращение притока японских эмигрантов в Калифорнию, что создавало огромные проблемы для Америки; затем проведены переговоры с Канадой на тех же условиях.

Япония была уверена, что Россию больше нечего опасаться; с другой стороны, Великобритания обещала остаться нейтральной в случае конфликта Японии с Соединенными Штатами. Экономика Японии едва перевела дыхание, ее колонизаторские амбиции больше не оспаривались, а внутри страны установился мир благодаря чередованию либерального и «жесткого» курсов правительства. Отныне Япония спокойно могла приступить к реализации программы по развитию страны. Став на одну ступень с великими державами, Япония могла гордиться своим званием первой азиатской империи: ее роль в жизни Азии была уже определена.

29 июля 1912 года, к всеобщему горю, скончался после долгой борьбы с диабетом император Муцухито.

Власть наследовал его тридцатитрехлетний сын Ёсихито. За пятьдесят пять лет правления выдающийся монарх, каким был Муцухито (император Мэйдзи), перевернул самые основы жизни страны и сделал из нее современное государство. Вся Япония оплакивала его уход, с которым подошла к концу блестящая эпоха Мэйдзи. Чтобы не пережить своего императора, генерал Ноги, герой Порт-Артура, и его супруга покончили с собой в традиционной японской манере. Так прощались с последними из «прежних». Новая Япония родилась, пережила трудности подросткового возраста и теперь набралась достаточно сил, чтобы вступить в пору взрослой жизни.

ПРОБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Введение

Нельзя понять изменения в повседневной жизни Японии в этот необычайно плодотворный период, каким была эпоха Мэйдзи, если не обратиться сначала к источнику духовных сил, социальным и политическим событиям, которые вывели страну из феодальной изоляции и побудили ее встать на путь развития по западному типу. Как политическая жизнь неразрывно связана с деятельностью нескольких личностей, обладающих яркой индивидуальностью, так и социальная и моральная стороны жизни подверглись изменению благодаря небольшому числу мыслителей, повлиявших на развитие мысли Японии в момент ее становления.

В переходный период своей истории эта страна отнюдь не пыталась имитировать Запад. В ней самой имелись мощные внутренние силы, которые передали ей энергию, необходимую для тех удивительных перемен, которые произошли в стране во второй половине XIX века под влиянием идей и понятий, пришедших с Запада.

Можно привести множество примеров того, как под влиянием культуры Европы растворяется самобытность народа, перенимающего иноземный образ мыслей, привычки и традиции. Но Япония — единственная азиатская страна (не считая Китая), которой удалось успешно завершить процесс модернизации и при этом избе-

жать колонизации своих территорий. Идеи Запада и технические достижения не насаждались «сверху», а, напротив, добровольно и сознательно принимались всем народом в том виде, какой был удобен и необходим для них. Японцы — философы, но не в европейском смысле слова, а скорее в греческом: они прагматичны, они не склонны обманывать себя утопическими мечтами об «идеальном государстве». Они также не склонны впустую тратить время на «голую философию», которую нельзя применить к нуждам текущего часа, к возможности оценить прошлое и обрисовать будущее.

Япония не собиралась усваивать традиции и идеи Запада в чистом и не адаптированном к своей повседневности виде и таким образом ваять из себя абсолютное подобие Америки или Европы. Присущий ей здравый смысл и развитая этика не позволяли считать, что все, что исходит от Запада, должно быть лучше и выше исконно японских достижений и понятий. В эпоху Мэйдзи в Японии столкнулись две противоположно направленные силы, в конечном счете уравновесившие друг друга. С одной стороны — западная и восточная культуры, рассматриваемые как диаметрально противоположные и существующие независимо друг от друга; с другой стороны — ощущение, что внутри страны столкнулись две тенденции, консервативная и либеральная, которые тоже однажды должны прийти в равновесие. Эти тенденции часто пытаются рассматривать как «японскую» и «западную», что, по нашему скромному мнению, приводит к упрощению ситуации и игнорирует нюансы. Очевидно, что консервативная струя, ставившая японские ценности выше всех прочих, казалась враждебной прогрессивной (или модернистской, если применить к этому понятию менее «политический» термин) тенденции. Эта последняя ни в коей мере не пренебрегала опытом своего народа, но лишь стремилась добавить к нему приспособленные к японской действительности (а не просто измененные) ценности западной жизни. Несомненно, что взаимодействие, а не противостояние этих двух сил — консервативной и прогрессивной — обеспечило Японии более богатое и плодотворное будущее. В Азии, как

правило, борьба противоположностей не всегда рассматривается как непоправимый антагонизм, скорее как необходимое дополнение черного белым: ни одна из сторон не может существовать без другой, и это единство противоположностей рождает движение жизни. В худшем случае можно говорить лишь об их чередовании, в лучшем — о плодотворной взаимосвязи.

Развитие Японии во всех сферах жизни — умственной, технической, политической, социальной, художественной и экономической — протекало невероятно быстро. Особенно важно то, что итогом стало изменение сознания народа, а не революция. Революция, сопровождающаяся кровопролитием, приводит лишь к смене элиты, иногда к смене вида государственности и часто служит мишенью для контрреволюционного движения: противоположности в жестоком столкновении не могут прийти к компромиссу. Напротив, постепенное изменение приводит к общему согласию и приятию и всегда завершается коренным изменением типа общества. Если революция, как правило, — дело меньшинства, претендующего на выступление от большей части народа, а на самом деле рвущегося к власти, то постепенное изменение (даже если импульс к нему исходит «сверху») подразумевает непрерывное участие в этом процессе всего населения.

В данной главе мы рассмотрим причины, позволившие японскому народу вынести эту трансформацию, причины, побудившие людей принять ее и жить с ней, а также события, приведшие к пробуждению национального самосознания и к раскрытию политической, социальной и интеллектуальной сторон жизни. Это необходимо для того, чтобы позже перейти к описанию повседневной жизни людей и их занятий.

Формирование сознательной интеллигенции

С того времени, когда в Японии была установлена власть сёгуната (то есть с 1185 года), и особенно с тех пор, как Токугава Иэясу распространил свою власть

всю страну, начав отсчет эпохи Эдо, японское общество подчиняло свое существование незыблемым правилам. Каждый человек в соответствии со своим социальным статусом и уровнем образования должен был строго придерживаться законов и обычаев отцов (хороши они были или плохи — ему не пристало судить) и норм поведения, предписанных этикетом и общественными отношениями. Существовали две крупные социальные группы: одна включала в себя придворную знать (*кугэ*), самураев сёгуната и сельских самураев (*го-си*); в другую входили *тёнин* (горожане, получившие хотя бы минимальное образование) и огромная масса крестьян и ремесленников, большей частью необразованных.

К этим двум группам можно добавить буддийских монахов и синтоистских священнослужителей, чье социальное положение было различным. Лишь те, кто принадлежал к военным кланам или к старинным семьям, имеющим школы, могли быть приняты в элиту. Буддийские монастыри давали лишь начальное образование, носившее религиозный характер. В школах же образование было традиционным, запрещающим ученикам мыслить самостоятельно и настаивающим на использовании установленных схем. Не допускалось никакой критики текстов или существующих институтов, особенно если эта критика исходила от народа. Нравственные критерии определял буддизм, который исповедовала большая часть придворной знати и народ в целом, или конфуцианство, распространенное среди руководителей различных уровней и в военных кругах. Если буддийская модель образования строилась на религиозных рассуждениях и восхвалении классических добродетелей, то конфуцианская, напротив, настаивала на введении государственной этики строго рационалистического толка. Интеллектуальная элита, состоявшая из конфуцианцев (лишь они занимались светскими делами), проводила четкое различие между знанием политики, расцениваемым как тема «высоких материй», и «вульгарным» (обычным) практическим умением. Эта граница была прочерчена так ясно, что в 1852 году один из первых японских

мыслителей, настроенных критически, Ёкои Сонан (1809—1869), написал: «То, что называют образованностью, является лишь личной культурой человека. Учеными называют тех, кто читает книги и может объяснить, что в них написано, но, хотя среди них и есть те, чьи сердца полны искреннего благоговения, дела этого мира их не интересуют. Их личная культура ограничена знакомством с классиками конфуцианства, историей искусств и письменности и поэзией».

Критика в адрес правительства и социальных институтов, о чем уже упоминалось выше, считалась недопустимой, а это сковывало развитие личности. Все общество было сжато тисками традиционного понятия *мэйбун*. Это понятие, китайское по происхождению и введенное еще Конфуцием, подразумевало, что правительство государства должно находиться в гармонии с законами природы, что достигается обрядами и церемониалом. Церемониал же был целиком связан с долгом, выполняемым правителями и подчиненными, долгом, который зависел от социального статуса каждого. И, согласно все тому же учению Конфуция, «исправление имен», вводимое понятием *мэйбун*, состояло в необходимости согласовать социальный статус каждого в соответствии с требованиями современности, а оно определялось только властью правителей. Эта конфуцианская теория, подхваченная китайской школой Ван Янмина (*О Ёмэй* на японском) в XVII веке, принятая в Китае династией Цин, а в Японии сёгуном Токугавой, привела к остановке развития мысли. С постепенным подъемом новых классов в японском обществе, с выделением торговых слоев населения и буржуазии, с проникновением в страну западной науки и технологий это интеллектуальное болото становилось совсем невыносимым. Мало-помалу у наиболее образованных людей и у тех, кто сталкивался с европейской техникой и мыслью, привнесенной в Японию голландскими купцами, нарастало желание перемен.

Забавно, что именно концепция *мэйбун* позволила нескольким мыслителям, прежде всего тем, кто принадлежал клану Мито, развить критическое отношение к власти, основанное на уверенности, что совре-

менное состояние отношений между императором и сёгунами не отвечает урокам исторического прошлого Японии и еще меньше согласуется с мифическим прошлым страны. Это утверждение было связано с тем, что конфуцианские учения не соответствовали больше возрастающему прагматизму, и в умах некоторых людей возникло сомнение по поводу легитимности власти существующего правительства, то есть ее соответствия законам природы, которые в принципе должны были являться правом на существование Японской империи.

Разумеется, подобные настроения не могли прийти по вкусу сёгунату, и он подверг гонениям писателей и мыслителей, продвигавших западные идеи (которые проникали в страну благодаря иностранным торговцам и путешественникам вроде Франца фон Шибольта). Именно в это время, в 1839 году, медик Такано Тэй (1802—1850), ученик фон Шибольта, и художник Ватанабэ Кадзан (1793—1841) были арестованы, посажены в тюрьму и получили приказ покончить с собой. В своем произведении *«Банса сояку соки»* (*Короткий рассказ о встрече с бедой*), написанном в тюрьме, Такано Тэй выступает против мер, принятых сёгунатом, и описывает ту пользу, которую принесло Японии знакомство с «голландской наукой» (*фангаку*): строительство замков, изготовление огнестрельного оружия и пушек, успех в области астрономии, географии и хирургии. Все большее число мыслящих людей выказывали интерес к взаимоотношениям между странами, который подхлестнула, с одной стороны, ситуация в Китае, а с другой — появление в Японии иностранцев.

Две группы ученых, названные в честь кварталов города Эдо, где проходила их деятельность, разделили между собой области «западных исследований». Сита-мати посвятила себя почти исключительно изучению медицины и голландского языка; яманотэ, в которую, помимо прочих, входили Такано Тэй и Ватанабэ Кадзан, занялась изучением географии, а также политической и экономической истории зарубежных стран.

В период с 1830 по 1840 год состояние экономики в Японии было крайне тяжелым. Из-за голода вспыхивали многочисленные крестьянские восстания. Как заявили теоретики из яманотэ, прошло время бесполезного в практическом отношении изучения конфуцианских текстов, нужно было заняться поиском способов воздействия на экономику и политику страны для исправления сложившейся ситуации. Даймё, находившиеся в особенно тяжелых условиях, пытались советоваться со специалистами Эдо, чтобы найти то средство, которое поможет остановить развал экономики. Беспокойство в провинциях нарастало. Нельзя сказать, чтобы сторонники яманотэ благосклонно относились к открытию Японии для внешнего мира, но, когда в одном из портов появилось английское судно «Моррисон», подобравшее потерпевших кораблекрушение японских моряков и вернувшее их на родину, они высказались против изданного в 1825 году указа об «атаке и преследовании любого иностранного судна». Такано Тэй пишет в «*Юмэмоногатари*» (*Рассказ о мечте*): «Англия ни в коем случае не враг Японии. Если на усилия Англии доставить домой наших моряков, потерпевших кораблекрушение, мы ответим преследованиями английских кораблей, то рискуем выставить японцев народом, не знающим жалости, а саму Японию — страной нелюдей».

Но власти Бакуфу Эдо, придерживающиеся конфуцианства, заняли другую позицию, и поддержали указ 1825 года, что вызвало разногласия в самом сердце сёгуната. Некоторые феодальные князья полагали вполне уместным сочетание конфуцианства с гуманизмом. Сёгунат, решивший усилить контроль над побережьем, не поддержал сторонников западной науки в вопросе о применении западной техники. В то время как инженеры вроде Такасимы Сюхана (1798—1866), пытались, невзирая на откровенное недовольство сёгуната, обучать отряды самураев по западной методике, вычитанной из книг (за что были посажены в тюрьму), сёгунат предпочитал следовать традиционным предписаниям конфуцианства, которому были беззаветно преданы сторонники *рангаку*.

Американские и европейские суда все чаще и чаще появлялись у берегов Японии, а после первого визита commodора Перри встал вопрос: стоит ли открыть в страну доступ иностранцам? Теоретики школы Мито придерживались того мнения, что император — источник всякой власти в Японии, и сёгун опирается только на него, поэтому следует поддерживать Бакуфу, с полным почтением относясь к императору. Но император, живший в своем дворце в Киото и плохо представлявший себе ситуацию внутри страны, решил, посоветовавшись с сёгуном, изгнать иностранцев и закрыть границы Японии. Однако было поздно, и события приняли необратимый характер. Та же школа Мито, столкнувшись с новым отношением Бакуфу, обеспокоенного военным могуществом иностранцев и, казалось, готового сотрудничать с ними, приняла сторону императора против сёгуната Эдо.

Получили развитие философские школы двух типов: одна была предана урокам прошлого и отказывалась встречаться лицом к лицу с реальностью, предпочитая слепо повиноваться императору; другая, более гибкая и более подверженная сомнениям, не видела смысла обороняться с оружием в руках против требований Запада. Мнения обеих школ совпадали в одном пункте: необходимо защитить Японию от вероятного вторжения иностранцев и сохранить целостность территории.

Инженер Сакума Сётан, который первоначально высказывался против предложения открыть Японию для других стран, позже ознакомился с событиями, происходящими в Китае, и изменил свое мнение. Он писал: «Приверженцы конфуцианства игнорируют истинную науку так же, как и условия, в которых оказалось государство. Пренебрегая другими странами, конфуцианцы без разбору называют их варварами». Спустя несколько лет он добавлял: «Я считаю неприемлемым слово “варвар” и убежден в том, что не следует презирать другие страны, поскольку они гораздо сильнее нашей страны и успешнее ее в науке, технике, талантах, институтах и литературе». Он умолял Бакуфу не следовать, по примеру Китая, политике ксенофобии, кото-

рая привела эту страну к катастрофе. Необходимо отметить, что сам Сакума Сётан был конфуцианцем и исповедовал принципы школы Мито, являющейся наследницей Дзуси (XII век). Он гораздо более детально, чем это сделали сторонники школы Ван Янмина, изучил экспериментальные методы западной науки. Идеи Сакумы Сётана, явившиеся революционными для того времени, нашли отражение в следующих строках одной из его поэм:

Мораль Востока, наука Запада
дополняют друг друга и замыкают круг:
оборот Земли — десять тысяч ри,
половина его не должна исчезнуть.

Из этого ясно следует, что, для того чтобы двигаться вперед, следует соединить исконно японскую этику с достижениями западной науки, и тогда они создадут гармоничный союз. Суммировать мысли Сакумы можно в двух предложениях, взятых из его книги «*Сэйкэнроку*»: «Когда мне было двадцать, я ощущал себя провинциалом; когда мне исполнилось тридцать, я понял, что я японец; сейчас, когда мне уже за сорок, я чувствую, что принадлежу пяти континентам».

Еще один мыслитель, Ёкои Сёнан, друг Сётана, разделял его идеи и объяснял их, опираясь на китайскую мифологию и ссылаясь на высказывания Конфуция, согласно которым следовало разумно и вдумчиво изучать законы природы, чтобы научиться творить добро для людей. По его мнению, существовало два типа знания: первое он называл «предельным» и «книжным», второе — «воспринимаемым», то есть приближенным к истинной причине существования вещей. Являвшийся вначале горячим сторонником «изгнания варваров», он к 1855 году пересмотрел свои взгляды и стал благожелательно относиться к открытости страны для западной науки, считая «обмен и торговлю» одним из вселенских природных принципов. Но если Сакума просто стремился примирить японскую этику и западную мораль, то Ёкои Сёнан пошел дальше, изучая западную этику и уделяя особо пристальное внимание христианству.

Ученик Сакумы Сётана, Ёсида Сэн (1830—1859), придерживался еще более радикальных взглядов. Уйдя в оппозицию к почитателям старой Японии, сверх меры восхвалявшим всякого рода героизм, и к сторонникам изгнания европейцев из страны любой ценой (даже ценой собственной жизни), он писал: «Так больше не может продолжаться, Япония вот-вот утонет в океане хаоса. Говорят, что это — причина, достаточная, чтобы умереть. Я не согласен. Если бы Япония погрузилась в анархию, я бы приложил все усилия, чтобы вызволить ее оттуда. Поэтому я должен жить, а не умирать».

Вместе с тем самурай Ёсида Сэн был бесконечно предан императору и полагал, что нельзя позволять иностранцам давить на Японию, вынуждая ее открыть границы; Япония сама должна найти силы на то, чтобы выйти из изоляции. Здесь взгляды Ёсиды Сэна совпадают с взглядами Сакумы Сётана, который не считал падение Бакуфу необходимым, опасаясь, что итогом крушения этой системы может стать распад японского общества и колонизация страны иностранцами. По его мнению, следовало начать с масштабных изменений внутри государства, опираясь для этого на *ронин* (свободных самураев, преданных даймё или Бакуфу), к которым принадлежал сам. Он рекомендовал провести своего рода государственный переворот, заменив местных чиновников новыми кадрами и восстановив императорскую власть, чтобы страна не попала в «вассалы Америки».

К моменту открытия Японии для иностранцев и восстановления власти императора появилось новое направление мысли. Его представители приветствовали появление западных технологий в стране и ее выход из изоляции, но в то же время противились «колонизации»; они ожидали коренных изменений в государственной структуре, но отвергали революцию как способ достижения желаемого; преклонялись перед императором, но не признавали политику изгнания «варваров». Люди впервые могли обратиться к критике, и хотя крупнейшие мыслители этой эпохи были приговорены к смертной казни или уби-

ты, они принесли новый образ мыслей, который получил развитие и сформировал новую интеллигенцию.

Тяга к Западу

Было бы ошибочно считать, будто приход к власти императора Муцухито резко изменил качество мышления японцев. Никто из них не осмелился бы противоречить императору, особенно сторонники возвращения тех принципов правления, которые соблюдались до прихода к власти Бакуфу. У всех японцев складывалось впечатление, будто Япония возродилась в лице августейшей особы императора. К тому же указом от 1870 года синтоизму — национальной религии Японии, высшим священнослужителем которой и являлся император, потомок богини солнца Аматэрасу и Сын Неба — был придан государственный статус. Для народа это «наведение порядка» свидетельствовало об отходе на второй план буддизма и конфуцианства, несмотря на все, чуждого Японии по духу. Императору, как народному вождю и главе синтоизма, все должны были беспрекословно подчиняться, и достижения сёгуната должны были считаться не соответствующими современной ситуации. Страна, отныне открытая для Запада и аккумулирующая западные идеи, преисполнилась еще более глубоким уважением к императору, посвятившему себя «служению Японии».

Большая часть элиты — кто по убеждению, кто из необходимости подчиняться — высказывалась теперь за модернизацию страны, чуть ли не рабски имитируя, по крайней мере в официальных обращениях, цели, способы, идеи и технологии Запада по мере их появления в Японии. Песенка той эпохи наглядно демонстрирует то, к чему стремились люди, чтобы соответствовать «западному» образу; в ней также высмеиваются «отстающие», то есть приверженцы Бакуфу и сторонники бывшего императора, враждебно относившиеся к иностранцам:

Ударь по выбритой макушке и услышишь:
«Нестабильность, колебание!»
Стукни по обросшему затылку:
«Верните власть императора!»
Щелкни по голове, постриженной по европейской моде:
«Цивилизация, просвещение!»

(Бывшие самураи сбрасывали часть волос, *ронин* их не стригли.)

Повальное увлечение всем западным объясняется желанием народа (прежде всего горожан, крестьяне пока были заняты своими проблемами) забыть о бедах, связанных с феодальной эпохой, его наивной верой в «золотой век», который, несомненно, должен наступить, как только Япония научится использовать знания и достижения Запада. Народ стал тянуться к европейскому образу жизни после того, как указами императора были устранены кланы, введено новое территориальное деление страны, выпущен закон о военной службе 1872 года, осуществлена реформа земельного налогообложения. Особенно большую пользу принесло внедрение новой системы образования, увеличившей число школ «современного» толка (каждая из которых была рассчитана примерно на шестьсот человек) и дающей всем желающим доступ к знаниям.

Но изменилась не только манера одеваться, причёсываться, разговаривать, есть. Установление нового типа государства, торговли, промышленности и появление новых профессий побудили жителей городов искать все более прибыльных мест работы, формируя, таким образом, особенности менталитета, связанного с неизвестной до этого времени должностью чиновника. Сделаться чиновником стало мечтой «новых японцев». Чтобы казаться современным, каждый горожанин стремился работать в «офисе», сидеть на стуле на европейский манер и в конце каждой недели получать конверт с зарплатой, каким бы тощим этот конверт ни был. Быть служащим означало идти в ногу со временем, демонстрировать свою приверженность западному образу жизни и в то же время питать сладкую иллюзию защищенности и надежности. В эту ловушку попадались не только горожане, но и крестьяне, устраиваю-

щиеся рабочими на завод (так как быть рабочим тоже в какой-то степени означало быть «чиновником») или на государственную службу. Неграмотные жители деревни, составлявшие своего рода низший пролетариат, надеялись хоть на какую-то обеспеченность и на свою долю «знакомства с Западом». Они верили, что это лучший способ улучшить свое жалкое существование.

Но западная культура усваивалась не только внешне. Возвратившиеся в Японию после нескольких лет жизни за границей многочисленные студенты, государственные служащие и писатели увидели, что в образе мыслей их соотечественников произошел коренной переворот. В 1873 году несколько представителей образованных кругов, в частности Мори Аринори, занимавшийся установлением связей с США, и Нисимура Сигэки (1827—1902), организовали общество «Мэйрокуся». Его целью стало обсуждение и изучение различных вопросов, касающихся жизни современной Японии, установление моделей нравственности и ознакомление людей с достижениями западной цивилизации. Это общество, в скором времени объединившее интеллигенцию и государственных деятелей, начало выпускать в 1873 году газету «Мэйроку-дзасси», выходящую тиражом три тысячи экземпляров. Из этого видно, что интерес образованных слоев общества к своеобразной «культурной академии», которой являлась «Мэйроку-дзасси», был весьма велик. С этих пор в среде интеллигенции стало хорошим тоном соглашаться с идеями, выдвигаемыми ареопагом западников из «Мэйрокуся». Фукудзава Юкити (1835—1901), вернувшись из Европы, стал одним из наиболее влиятельных членов этого общества. Убедившись, что лексика японского языка не всегда бывает достаточно для выражения западных концепций, он занялся ее обогащением, создавая новые слова и выражения, а затем доказал, что и на японском языке можно произносить речи «на западный манер». С этих пор члены «Мэйрокуся» старались посредством публичных выступлений и публикации статей информировать образованную часть населения о событиях в Европе и Америке, распространять новые идеи, подхваченные вскоре самыми раз-

ными журналами, читательский круг которых непрерывно расширялся. В «Мэйрокуся» обсуждали всевозможные темы: требование народного собрания, права женщин, свобода вероисповедания, образование для всех (по этому поводу Мори Аринори сказал: «Только об образованном человеке можно сказать, что он настоящий человек»), равенство мужчин и женщин и так далее.

Не все члены «Мэйрокуся» исповедовали радикальные взгляды, напротив, часто их мнения по тому или другому вопросу бывали крайне несхожи, особенно много разногласий вызвало обсуждение вопроса о правах женщин. При этом все участники споров считали себя прогрессивными людьми.

В отличие от жителей деревни, готовых без разбору принимать все, что исходило от Запада, только чтобы казаться «современными», мыслящие круги, к которым принадлежала и «Мэйрокуся», вели дискуссии по поводу того, необходимо ли принимать то или иное веяние с Запада, и если принимать, то как его лучше приспособить к нуждам японской действительности. Фукудзава Юкити, мыслитель, оказавший огромное влияние на молодежь того времени (он также является основателем частного Университета Кэё в Токио), подчеркивал прежде всего важность интеллекта, а не морали, которая, по его мнению, прекратила эволюционировать с древнейших времен. «Суть цивилизации, — писал он, — состоит в господстве человека над природой, в уничтожении зависимости человека от природы, в использовании природы для человека и в освобождении человека как члена общества от гнета слепой власти». Фукудзава Юкити подчинял личную образованность индивида тому, что он называл «общественным пониманием», полагая, что образованность и знания должны прежде всего служить государству и приносить пользу всем, а не удовлетворять эгоистические нужды отдельного человека. Выводы, которые должны были вытекать из этого положения, он подвергал исследованию и сомнению: «Если вы присмотритесь к тому, что составляет источник европейской цивилизации, вы увидите, что она покоится на единственном основа-

нии — на сомнении». Он превозносил личную свободу как самую верную гарантию независимости страны. Кроме личной свободы, эту независимость могло обеспечить лишь образование, вводящее человека в сферу науки и культуры. Получив достойное образование, народ мог бы перейти к отношениям взаимозависимости с правительством, мог бы быть одновременно управляющим и подчиненным, а не делиться, как в прошлом, на господ и слуг. Фукудзава Юкити довел мысль до конца: первой целью образованных людей, то есть мыслящих кругов, должно стать продвижение в народ прогрессивных идей и понимание своего национального единства.

Все это было чрезвычайно новым для Японии, и потребовалось значительное время для того, чтобы непривычные понятия укоренились в сознании населения, которое в своей основной массе все еще оставалось на очень низком уровне развития. Особенно сложным было положение практически неграмотных крестьян. Во время местного бунта 1873 года восставшие требовали, помимо снижения цен на рис, отмену торговли с иностранцами и призыва на военную службу, упразднения начальных школ и возвращения к восточному календарю. Другие восставшие, особенно в Фукуоке, ратовали за восстановление власти даймё. Это яркие примеры того, что народ в деревнях, особенно в наиболее отдаленных от столицы, был плохо информирован о происходящих в стране событиях.

Продвижение прогрессивных идей не было заслугой ни неграмотных крестьян (это совсем уж сомнительно), ни результатом стараний правительственных кругов. Благодарить следует средние слои населения, в которых появлялись не боявшиеся недовольства правительства свободомыслящие люди. Взгляды членов «Мэйрокуся» на обязанности интеллигенции можно свести к трем пунктам, представленным Фукудзавой Юкити (независимость от правящих кругов, критика политического курса и улучшение народного образования), Като Хироюки (участие интеллигенции в делах государства, в политике и воспитании народа), и другими мыслителями, такими как Мори Аринори, Цуда Синдо

и Ниси Аманэ (интеллигенция прежде всего должна заниматься личным совершенствованием). В этот период кипения мысли, период открытий и попыток адаптировать идеи Запада к японскому менталитету происходило множество событий, свидетельствующих об эволюции мировоззрения на исходе феодального периода. Среди наиболее почитаемых мыслителей, принадлежащих «Мэйрокуся», следует назвать Накамура Масанао (1822—1891) и Нисимура Сигэки (1828—1902). Оба они были рационалистами и участниками народного собрания, но следовали каждый своим путем. Накамуру можно скорее отнести к конформистам, подобно Фукудзаве Юкити: прежде всего он искал способ сплавить воедино культуры Востока и Запада, используя для этого конфуцианский способ мышления. Вернувшись из Европы, где он провел студенческие годы, Накамура издал в 1869 году переводы трудов Самюэля Смайла («Помоги себе сам») и Джона Стюарта Милля («На свободе»), оказавшие огромное влияние на японскую мысль того времени, и не только в пределах «Мэйрокуся». Эти произведения вдохновляли рабочих, способствовали распространению (особенно в студенческой среде) европейских идей о человеческой свободе. Накамура, испытавший определенное влияние христианства (в то время еще запрещенного в Европе), считал, что всякая вещь имеет свой предел, за исключением любви Божественной и человеческой. Он хотел бы, чтобы власть государства и даже императора была ограниченной, более того, утверждал, что император должен принять христианство, если он хочет, чтобы народ последовал за ним. Накамура Масанао первым в Японии в 1875 году отпраздновал Рождество. Он писал о своем горячем желании изменить сам характер японского народа, который, по его собственным словам, «высокомерен по отношению к подчиненным и рабски услужлив перед начальством, невежествен и неграмотен, предпочитает развлечения книгам, не выполняет своих обязательств и игнорирует волю Неба». Даже для нашего времени высказывание Накамуры кажется чрезмерно критичным и нелегко поверить тому, что оно исходит от японца. Для измене-

ния характера народа философ рекомендовал действовать постепенно, в два этапа, символами и сутью которых должны были стать Искусство (то есть наука и техника) и Учение (мораль и религия). При этом Учение все же подчинялось Искусству. Образование женщин и любовь к ближнему являлись, по его мнению, основой для создания нового типа мышления. Накамура Масанао также считал, что религиозная практика, христианская или буддийская (он пренебрегал синтоизмом), призвана устранить человеческие горести и заботы.

Совершенно иной была позиция Нисимуры Сигэки, ярого противника подражания Европе, одобрявшего национализм, склонявшегося к тому, чтобы считать исконно японский образ жизни наилучшим. В то же время он признавал, что конфуцианство имеет серьезные недостатки, исправить которые он надеялся благодаря использованию идей Запада. Но Нисимура считал, что Запад не принимает во внимание двух вещей, которые составляют достояние Японии: самоконтроль и практику. Кроме того, он упрекал европейцев в чрезмерном разнообразии философских школ, что затрудняло подход к пониманию западного типа мышления. Пытаясь преодолеть эти трудности, Нисимура приступил к поиску пути, подходящего именно Японии, не наследующего традиции конфуцианства и не связанного с западной философией; к поиску «морали», которую можно отыскать лишь в буддизме или в христианстве. В своей книге «Нихон дотоку-рон» (*О морали в Японии*), изданной в 1886 году, он требует освободить от занимаемых должностей «плохих министров», так как, «когда происходит упадок нравственности в стране и разум теряет цену, становится невозможным вернуть силу нации». Будучи убежден, что Япония, перенимая образ жизни и достижения западной цивилизации, не станет адаптировать их под себя, — а это грозит падением морали, — Нисимура советует хорошенько поразмыслить над сложившейся ситуацией и вернуться к ценностям, более близким Японии по духу, ибо только с их помощью можно вернуть стране «национальную» нравственность.

Закон 1875 года, ограничивающий свободу прессы, привел к расколу внутри «Мэйрокуся»; выпуск газеты «Мэйроку-дзасси» был прекращен и вскоре общество, целью которого была борьба со всеми проявлениями деспотизма и продвижение идей свободы, прекратило свое существование.

Борьба за права человека

С исчезновением «Мэйрокуся» интеллигенция фактически лишилась рупора, с помощью которого можно было выразить свое мнение. Правительство связало средства информации по рукам и ногам, а на свободу слова был наложен особый запрет. Тем не менее поток новых идей прокладывал себе русло, и многие государственные деятели признавали необходимость как можно быстрее и основательнее ознакомиться с политикой европейских стран. Принадлежа к тому типу людей, для которых привычнее действовать, а не строить теории, эти политики были скорее борцами, чем философами. Всё, или почти всё, что можно было сказать, уже было сказано членами «Мэйрокуся». Теперь необходимо было применить теорию на практике и бороться с абсолютизмом правительства, требуя прежде всего основных свобод и прав для народа. Эти идеи были широко поддержаны некоторыми политическими деятелями и газетами, такими, например, как «Рикуго-дзасси» (*Газета мира*), издатели которой вдохновлялись христианством и распространяли среди народа концепции, приблизительно определяемые как «предсоциалистические». Другие газеты, вроде «Тоёгакугэй-дзасси» (*Газета об искусстве и науке Востока*), находились под влиянием позитивизма и теории эволюции. Несмотря на различие точек зрения, все они ставили перед собой одну и ту же политическую задачу: добиться больших свобод для народа, что уже было ранее заявлено «Мэйроку-дзасси», хотя Като Хироюки в качестве предварительного условия для предоставления этих свобод называл принятие конституции, поскольку считал Японию не-

достаточно подготовленной для учреждения Народного собрания.

Но времена изменились, и люди вроде Итагаки и Уэки Эмори считали, вслед за Жан Жаком Руссо, что пришло время превратить человека в «свободное животное». Вскоре это положение превратилось в очевидную истину для всех. Новые переводы произведений западных философов, в особенности Джона Стюарта Милля, Спенсера и Руссо, заставили правительство в 1881 году при посредничестве императора пообещать предоставление конституции к 1890 году.

В этот период две известные газеты — «Йокогама Майнити симбун» и «Токио Нити Нити симбун» — вступили в дискуссию. Первая разделяла взгляды оппозиционных партий, вторая приняла сторону правительства. Споры велись не только по поводу того, стоит ли учреждать Народное собрание, но и по поводу того, кому должна принадлежать власть в этом собрании. «Майнити» писала, что принципом правительства должна быть Справедливость, а не воля отдельной личности (императора) и не народ, признанный ненадежной опорой, в то время как «Нити Нити» заявляла, что «единственный и бесподобный символ национальной японской политики» и суверенитета заключен только в лице императора, то есть государства. Хотя общественное мнение в целом (а это не весь народ, а только его образованная часть, что составляет едва ли 10%) разделяло позицию «Майнити», не соглашаясь с «Нити Нити», «Ёрон Синси» (*Общественное мнение*) высказывала свою точку зрения, согласно которой суверенитет должен соблюдаться одновременно и народом, и обществом. Като Хироюки, который поддерживал теорию о естественных правах человека в своих произведениях «*Синсэй Тайи*» и «*Кокутай Синрон*», пересмотрел ее в «*Дзинкэн Синтэцу*» (*Новая теория о правах человека*), написанной в 1882 году после знакомства с «Историей английской цивилизации» Беркли: «Я принялся работать над этой книгой, потому что пришел к выводу, что наши права — не подарок природы, а результат постепенной эволюции». Также предметом его размышлений являлось учреждение Народно-

го собрания, выбираемого всеобщим (но ограниченным, по крайней мере в первое время) голосованием. Эта книга немедленно вызвала огромное число опровержений, особенно со стороны Яно Фумио, Баба Тацуи и Уэки Эмори в 1883 году, считавшими себя идеалистами и частично испытывавшими влияние христианского идеализма, который чуть позже расправит крылья в Японии.

Некоторые члены «Мэйрокуся» не смогли устоять перед христианскими теориями, пропагандируемыми, как правило, в школах, основанных протестантскими миссионерами. Кое-кто из этого общества, например, инженер-агроном Цуда Сэн в 1875 году или первый японский статистик Сути Кодзи, принял христианство. Между представителями интеллигенции разгорались споры, начиналось сравнение христианских доктрин с конфуцианскими (среди прочего фигурировала тема сыновней почтительности) или буддийскими. Казалось, что христианство несло с собой немалую часть достижений Запада, и вскоре первая газета Японии христианского толка, «Мир», заменила для образованной публики канувшую в Лету «Рокумэй-дзасси». Изучение христианства стало всеобщей тенденцией, а выказывание заинтересованности этой конфессией — модой. Но все-таки глубинные причины этого увлечения были не столько метафизическими, сколько политическими. Хотя иностранные миссионеры использовали более или менее законные методы для обращения японцев в свою веру, иногда происходило некоторое давление на них. Так, в 1876 году в сельскохозяйственном колледже Саппоро, где преподавали химию, американский пастор евангелистской церкви Уильям Смит Кларк (1826—1886) заставлял своих учеников подписывать «клятву», которая была настоящей декларацией веры. Вероятно, японцам импонировала практическая сторона христианства, и, возможно, поэтому такие выдающиеся личности, как Ниидзима Дзё (1843—1890) и Уэмура Масахиса (1858—1925), с радостью приняли учение Христа.

Но, как всегда бывает в Японии, где мнения людей, несмотря на их одинаковое социальное поведение,

разведены по полюсам, новообращенные или те, кто симпатизировал христианству, вскоре разделились на три лагеря в зависимости от школы, к которой они принадлежали. В Кумамото придерживались христианства, окрашенного национальной тональностью, тогда как в Йокогаме больше склонялись к ортодоксии, а в Саппоро предпочитали более индивидуализированную форму христианства, следуя наставлениям своих пастырей.

Именно в среде подобных «христианских братств» зарождались мысли, касающиеся отношений Церкви и Государства и более метафизические идеи о том, где искать источник Истины. Характерным является и то, что большинство аргументов в пользу христианства, которыми оперировали новые приверженцы этой религии (а они активно публиковали свои работы), были взяты из произведений американских и европейских авторов, так же как и критика прочих западных писателей.

Увлечение христианством закончилось, когда потух интерес интеллигенции к борьбе за права людей (вскоре должна была быть принята конституция) и к политическим выступлениям. Напротив, тяга к вневременным ценностям, к духовности и морали стала увеличиваться. Потеря прагматизма образованными кругами вызвала у народа некоторое осуждение, отлившееся в форму реакции и приведшее к национализму, для которого все западное уступало исконно японскому.

Движение за «новую Японию»

К концу последней четверти XIX века японцы обнаружили, что ни мягкие шляпы, ни карманные часы не делают из них иностранцев: слишком уж велика разница между культурами Востока и Запада. Среди горожан нарастал постепенный отказ от иноземной культуры. Молодежь осознавала, что материальный достаток и технический прогресс не могут полностью удовлетворить ее стремления. Что касается экономической от-

сталости страны, то она была к тому времени довольно легко преодолена, ведь Японии не нужно было ничего изобретать, а просто требовалось идти вслед за Западом. Но в то же время она испытывала тайное желание доказать европейцам, что, отставая от них в техническом плане, в культурном она не уступает им ничем. Японская молодежь стремилась к самовыражению, к утверждению своей индивидуальности, а население страны в целом вновь вернулось к ценностям предков. Теперь, когда нечего было бояться возврата к феодализму, когда страна находилась на демократическом пути развития, и выборы (правда, имеющие некоторые ограничения) позволяли людям участвовать в политической жизни государства, можно было вновь обратиться к прошлому, даже самому недавнему, и заново открыть для себя великие достижения и произведения своей культуры. Люди, к какой бы нации они ни принадлежали, не могут долго оставаться отрезанными от своей истории без риска быть скомпрометированными ею: им нужны их корни, из которых будет вырастать дерево их судьбы. Программы школ и университетов включали изучение иностранной литературы, но студенты отдавали себе отчет, что им нужно и другое. Симадзаки Тосон (1872—1942) писал, вспоминая о своей молодости: «Это было время, когда мы познакомились со всем разнообразием европейской литературы. Невозможно было уследить за всем ее развитием. Мы, молодежь, были готовы заново воспринять наших классиков».

И действительно, начали вновь издаваться произведения эпохи Эдо, о которых забыли, считая их «феодалными» (то есть не соответствующими эпохе Мэйдзи): пьесы *Дзёрури* Тикамацу Мондзаэмона, романы Ихары Сайкаку, стихотворения Басё и многие другие. Их изучали с жаром, осознавая, что по многим параметрам они могут составить конкуренцию работам западных авторов. Люди стали улавливать разницу между тем, что было действительно японским, и тем, что таковым не являлось, но вместе с тем никто не думал отвергать поток культурных ценностей, исходящий от Запада. С возвращением литературы Эдо возникла тен-

денция к восстановлению старых жанров, таких как «никки», или путевые заметки, но на этот раз речь шла о путешествии по всему миру, а не только в пределах Японии. На эпоху Мэйдзи пришелся расцвет романов и новелл, в основе которых лежали народные восстания в конце правления Токугавы и которые, хотя и изобиловали жестокими подробностями, все же демонстрировали нечто вроде политической морали. Возрастало число тем, связанных с проблемами современности. Так, большую популярность приобрели рассказы о колдуньях или проститутках (возможно, это явилось реакцией на большую свободу, предоставленную к этому времени женщинам). В основу сюжетной линии фантастических новелл, рассказов и т. п. легли более или менее современные исторические события, такие как восстания крестьян, политические волнения и преступления, что указывает на нестабильность в стране накануне принятия конституции и заставляет вспомнить о том, что введение гражданских свобод прошло довольно болезненно. Но будущее рисовалось в светлых тонах, и постепенно жанры стали приобретать утопический характер, что видно в таких произведениях, как «Кэйкоку Бидан» (*Сказки о суверенитете*) Яно Рюкэя, «Кадзин но Кигу» (*Неожиданная встреча с двумя прелестными женщинами*) Сибы Сиро или «Сэттю-баи» (*Цветы сливы под снегом*) Суэхиро Тэттё, где действие происходит в античной Греции, Америке или Японии прошлых лет или в вымышленном будущем. Этот прием позволял описывать, не опасаясь цензуры, политические чаяния японского народа, его стремления, оттененные идеалистическими настроениями времени.

Переводы программных произведений Дизраэли, такие как «Эндимион» или «Вивиан Грей» (сейчас почти забытые), вызвали среди молодежи взрыв восторга, в основном потому, что эти книги были творением не просто романиста, но и крупного государственного деятеля, вложившего всю веру и весь пыл своей души в созидание и укрепление английской империи. Политические взгляды, выраженные Дизраэли в «Сибиле», где описывается английское общество во время про-

мысленной революции (Дизраэли делит его на «нацию богачей» и «нацию бедняков»), его заботы о национальной независимости и о внедрении романтических и религиозных концепций для сопротивления возраставшему материализму дали мощный толчок образу мыслей молодых японцев, которые обнаружили все причины для объединения народа под крылом императора, для усиления национального характера своей страны и для освобождения от той приземленности, которая была столь характерна для государственных деятелей прошлого. Газета «Кокумин но Томо» (*Друг народа*) стала выразителем этого горячего желания обновления, к которому рвалась молодежь Японии.

Люди, участвовавшие в реставрации императорской власти и одержимые идеей полной европеизации страны, мало-помалу уступили место представителям нового поколения, требовавшим не рабского подражания Западу, а истинного возрождения нации. Популярные писатели-романисты в своих произведениях раскрывали наиболее потаенные желания «молодых людей Мэйдзи». Они сами были молоды, эти авторы: Цубуги Сёё родился в 1859 году, Фтабатэй Симэй — в 1864-м, Одзаки Коё и Кода Рохан — около 1866 года. И это лишь несколько имен из целого списка философов, принадлежащих описываемой эпохе.

Передовая статья первого номера «Кокумин но Томо», увидевшего свет в феврале 1887 года, точно определила цели и стремления молодежи: «Мы, представители японской нации, считаем, что эпоха заслуживает того, чтобы серьезно ей заинтересоваться. Реформа по восстановлению императорской власти, определявшая жизнь нашего общества последние двадцать лет, должна быть продолжена. Стареющие люди постепенно уступают место молодежи новой Японии. Время разрушать старые установки и институты завершилось, и наступила пора созидания. На самом деле благосостояние нашей страны и ее будущего зависят от решений, которые мы примем сейчас». Это слова редактора газеты Токутоми Сохо, который в одной из следующих статей добавлял: «Этот возраст — возраст надежды. Именно поэтому мы говорим не столько об изменении

Японии, сколько о ее воскресении. В любом случае, старая Япония мертва. Япония сегодняшнего дня — это новая Япония». Он выступал против отживших обычаев, ведущих, по его мнению, к духовному разложению, а в классовой борьбе и в борьбе поколений он видел господствующий исторический фактор: только молодежь была способна внести обновление в область реформ так же, как и умонастроение народа. Что касается взглядов Токутоми Сохо на место Японии на мировой арене перед опасностью европейского колониализма, то, по его мнению, страна должна была помешать порабощению бедных народов Азии богатой западной цивилизацией.

Разгорались дискуссии, предметом которых была переоценка всего «азиатского» и «японского». Теперь Японию волновало не только собственное будущее, но и будущее всей Азии, в которой она, как наиболее промышленно развитое государство, заняла место защитника азиатской культуры от посягательств европейцев. Создавались многочисленные общества, такие как «Кэньюся» и «Миньюся», не только объединяющие молодежь, но и высказывающие новые соображения в газетах «Кокумин но Томо», «Ниппондзин» (*Японцы*) и в других, менее значимых, которые читали и с жаром обсуждали множество людей, особенно в городах, в университетах и в школах. Среди читателей было также немало женщин. Анализ политических и исторических событий, проекты реформ, изучение старых японских трудов и перевод иностранной литературы, различные суждения о произведениях искусства и о книгах, умеренный популизм и социализм — все было направлено на поиск нового, типично японского «духа», прежде всего «восточного» или «азиатского». Три работы Окакуры Какудзо (1862—1913), писателя и критика, считавшегося в Японии иностранцем (он свободно владел английским языком и создавал на нем свои произведения), подводят итог новым веяниям. В этих трех книгах — «Идеалы Востока», «Пробуждение Японии» и «Книга о чае» — писатель старается показать, что в некоторых областях жизни, особенно в культуре, Япония достигла высот, недоступных Западу:

«Япония — это музей культуры и цивилизации Азии. История японского искусства стала историей идеалов Азии».

Итак, «новая Япония» требовала не только обновления в литературе, искусстве политики, но равным образом обновления качества мышления. Происходила настоящая «духовная революция».

В области религии наблюдались свои изменения. Если в начале эпохи Мэйдзи буддизм едва ли не подвергался гонению, а предпочтение отдавалось синтоизму, ставшему государственной религией, то теперь буддизм вновь вошел в моду, поскольку являлся наследием азиатской культуры. Инуэ Тэцудзиро (1855—1944), известный писатель и философ, сделался одним из самых страстных его защитников и сторонником доктрин буддийских сект Сингон и Тэндай, «пан-рационализма» Гегеля. По мнению Миякэ Сэцурэи (1860—1945), учения Лао Цзы и Чжуан Цзы сближались с философией Шопенгауэра, так что в работе «Гаккан Тёкэй» (*Личные взгляды*), опубликованной в 1892 году, он попытался на основании этих работ создать оригинальную японскую философию. В это же время другой мыслитель, Ониси Хадзимэ (1864—1900), критикуя взгляды Миякэ Сэцурэи, старался приблизиться к Канту, утверждая, что христианство можно «японизировать» и в этом случае оно будет приемлемым, даже желательным, поскольку сможет вдохнуть в Японию новую духовность и мысль.

Однако все эти тенденции, проповедовавшие новое сознание, но пренебрегающие социальным и политическим аспектами жизни в пользу культуры, не могли долго существовать, потому что события на международной политической арене вынуждали обратиться к более насущным и актуальным проблемам. «Молодежь Мэйдзи» старела и внезапно обнаруживала, что столкнулась с суровой реальностью, что начинается война с Китаем, на которую в интеллектуальных кругах Японии, все еще ориентированных на исследования внутри страны, носящие скорее теоретический, чем прак-

тический характер, внимания обращали мало. Литература периода японско-китайской войны не отражает существенных изменений в образе мыслей. Лишь после завершения конфликта японское сознание пробудилось для своего рода интернационализма. Нельзя было ограничиваться рассуждениями о положении и о проблемах Азии, ведь присутствие европейцев заставляло все сильнее почувствовать, что Японии, несмотря на победу, не выжить, если она не станет сильнее в политическом и в военном отношении. Вот что сказал Такаяма Тогю (1871—1902), один из наиболее знаменитых философов своего времени: «Часть народа поверила в свои силы после победы в японско-китайской войне. Но на самом деле, это чувство происходит из патологического мышления, характеризующегося самопочитанием и ненавистью ко всему иностранному. И это прискорбно. Но в то же время благодаря этой войне японцы узнали географию Ляодунского полуострова, ознакомились с политической ситуацией на Дальнем Востоке и общими настроениями, преобладающими в мире. Они осознали, что народ-победитель сейчас куда более уязвим, чем это было раньше. Растаяла эйфория от победы, японцы пришли в ужас, задумались над положением вещей и над тем, каково место их страны в мировом пространстве. Из этих сомнений и родился “японизм”. Совершенно очевидно, что события в стране привели к своего рода национализму, так что кое-какие мысли Такаямы Тогю пересекаются с идеями Ницше: «Есть лишь два способа стать великим: первый — реализовать свое убожество, второй — свое величие... Чтобы остаться человеком и, вместе с тем, быть богом, надо поверить в собственное величие».

Социализм и культ государства

После японско-китайской войны 1894—1895 годов ухудшение социальных условий в Японии с каждым днем становилось все более очевидной реальностью. После промышленного роста, обусловленного увели-

чением числа заводов, производящих вооружение, и после обеднения рабочего класса, последовавшего за скачком цен, наступило разочарование, вызванное потерей того, что большинство японцев считали законной компенсацией за военные расходы. Повсюду в стране происходили движения рабочих, сопровождавшиеся забастовками.

Идеи социализма достаточно давно бродили в умах представителей молодой интеллигенции, а в 1881 году Кодзаки Хиромити в «Рикуго-дзасси» была изложена теория Карла Маркса. В это время социализм был мало известен в Японии, хотя отдельные писатели и философы, путешествуя за границей, собрали несколько работ на эту тему. Постепенно социалистические идеи укрепились в сознании людей благодаря различным статьям, время от времени публикуемым в литературных газетах типа «Кокка Гаккай-дзасси» (*Национальная академическая газета*) в 1888 году. Стали собираться общества, объединявшие тех, кто заинтересовался изучением философии социализма и возможностью решить с его помощью социальные проблемы Японии. Интересно отметить, что наиболее рьяные приверженцы этого учения появлялись среди христианской элиты, и первые собрания «социалистов» проходили в 1898 году в Токио в помещении, предоставленном унитарной церковью. Большинство членов этого общества стали позднее «духовными наставниками» движения социализма: Абэ Исоо, Катаяма Сэн, Котоку Сюзуй, а позднее — Утимура Кандзо, являвшийся главой газеты христианского толка «Токио Докурицу-дзасси» (*Независимая газета Токио*). Все эти объединения, так же как и те, которые возникали в крупных промышленных городах, всегда или почти всегда состоявшие из христиан или сторонников этой конфессии, одновременно вдохновлявшихся несколько романтическими идеалами в духе Байрона и гуманистическими идеалами христианства, довольствовались изучением теории и дискуссиями. Лишь когда социальные условия в Японии стали ухудшаться, они перешли от теории к практике. Несколько довольно робких попыток выразить социальный протест

вызвало открытие в Сайтаме в 1899 году квартала проституток, который «оскорблял личное достоинство трудящихся». Это привело к общепонскому движению против организованной проституции, и лишь после этого действия социалистов стали более четкими и заметными. В 1901 году на свет появилась социал-демократическая партия, но в тот же день полиция объявила о ее роспуске. «Социалисты» — интеллигенты во главе с Абэ Исоо создали «Социалистическое общество», голосом которого стал «Хэймин симбун» (*Народная газета*), основанная Котоку Сюсуй и Сакаи Тосихико в 1903 году. В это же время появляется «Антология социализма» Кодамы Кагаи, работа, еще окрашенная в романтические тона, что, впрочем, не спасло ее от цензуры. Несмотря на все препятствия, социалистические идеалы находили своих сторонников в эрудированных кругах, среди любителей поэзии, для которых поэтическая газета «Миодзё» (*Утренняя звезда*) — стала звездой путеводной. Большинство авторов, публикующих свои работы в «социалистических» журналах и в «Миодзё», были в то же время приверженцами романтизма, «французского» социализма, почитателями Лассалья, основателя социал-демократической партии в Германии. Лассалья и Байрона ставили выше, чем Маркса, о котором у большинства японских писателей было, по правде говоря, довольно смутное представление. Впервые в Японии стали возникать мысли о революции, но не о той, что произошла во Франции в 1789 году, а той, о которой говорил Байрон. Произведения Карла Маркса были запрещены, так что немногие сумели ознакомиться с «Капиталом». Японский социализм явно был более французским и христианским, чем марксистским. Различные тенденции, зачастую противоречившие друг другу, что неудивительно, если учитывать разнообразие источников, вдохновлявших писателей, проклюнулись в зарождающемся японском социализме. Сакаи Тосихико в своей статье, опубликованной в «Хэймин симбун», красочно обрисовал господствовавшее тогда смятение чувств и мыслей:

«У меня в голове безнадежно смешались традиционная верность японским правителям, мысли, навеянные

христианством, учение об эволюции и концепции утилитаризма. Я был абсолютно сбит с толку. Одни учения казались мне вполне согласующимися друг с другом, тогда как другие, казалось, вступали между собой в жесткое противоречие. Именно в этот момент я услышал зов социализма, который стал для меня тем, чем становится глоток воды для человека, умирающего от жажды... И в то же время, основываясь на своем социализме, я связывал воедино теории о правах людей и конфуцианство».

Что до Котку Сюсуй, то он, ознакомившись с работами западных социалистов, сделался убежденным демократом и учеником Накаэ Тёмина, произведение которого «Сансуидзин кэйрин Мондо» (*Вопросы и ответы о Государстве: беседа трех пьяниц*) оказало на него сильное влияние. Накаэ Тёмин (1847—1901) пришел к социализму через материализм, о котором он имел несколько устаревшие представления, сходные с представлениями энциклопедистов XVIII века во Франции. Накаэ Тёмин был идеалистом, проповедовавшим разоружение всех стран и даже одобрявшим падение государства, если это могло способствовать делу мира. Он противопоставлял «человека разумного», пацифиста герою-завоевателю, признавая в то же время, что невозможно рассматривать одного без другого, и обращая пристальное внимание на политические события в Европе и в Азии. Он нападал на способы ведения политики в Великобритании и Германии, потому что они, если это было необходимо для страны, могли привести к войне, то есть (по его мнению) к катастрофе, и жестко критиковал умонастроения, господствовавшие в Японии после победы 1895 года, утверждая, что они неизбежно завершатся империализмом. Однако после поездки в Америку, где он имел тесные контакты с анархистами, он кое в чем пересмотрел свои позиции и с тех пор ратовал за революцию. «Не существует, — писал он (незадолго до казни в 1911 году по подозрению в участии в заговоре против императора), — иного пути достичь цели социализма, кроме пути, предполагающего объединение трудящихся в прямом и решительном действии... ибо давлением на

парламент невозможно добиться настоящей социальной революции».

Принципиально иной была точка зрения Утимуры Кандзо (1861—1930), хотя он и не относился враждебно к взглядам Накаэ Тёмина. Кандзо полагал, что единственная философия, способная остановить войну и империализм, это философия христианства, основанная на любви ко всему миру и на пацифизме. Несмотря на свои убеждения, он разделял экспансионистские взгляды на благо Японии: «Если, подобно Аристиду, Цинциннату, герцогу Ву государства Чжу в Китае и другим доблестным мужам прошлого, мы желаем занять азиатский континент, чтобы прекратить войны, мы можем надеяться на осуществление великого принципа мировой державы».

Накануне Русско-японской войны среди социалистов наметились различия. В то время как Котоку придерживался бескомпромиссного пацифизма, христианин и патриот Утимура занял более гибкую позицию. «Я убежден, — писал он в 1903 году, — что, вступая в войну против России, мы вступаем на путь, ведущий к уничтожению Японии. Тем не менее, если народ хочет этой войны, для меня не является более возможным настаивать на обратном. Но мне кажется, что я предам свой долг патриота, не высказав того, что я думаю как философ...» Позднее он суммировал свои размышления в следующих словах: «Я почитаю и нежно люблю два слова, которые начинаются с буквы «J». Первое — Иисус (Jésus), второе — Япония (Japón)», повторяя идею, уже высказанную в своей книге «Сицубо то Кибо» (*Отчаяние и надежда*), опубликованной в 1903 году. Сторонник развития Японии с помощью технических средств и идей Запада, Утимура считал, что Япония — естественный посредник между христианской Америкой и буддийской Азией и что ее миссия — пробудить Китай и принести мир на Восток, даже если для этого она должна будет действовать как завоеватель: «Мы противостояем этому полю битвы в качестве спасителей Азии». Произнося это, Утимура был ближе к японскому идеалисту-христианину, чем к социалисту. Его взгляды широко разделял замечательный писа-

тель и оратор Киносита Наоэ, автор произведения большой значимости «Хи но Хасира» (*Искра пламени*). Сторонник «активной» теории социализма, он, кроме того, высказывал идеи, свойственные христианству. Уже в 1905 году, перед прекращением выпуска «Хэймин симбун», он предвидел отделение христианского социализма от социализма, основанного на историческом материализме. Этот раскол действительно произошел в 1907 году после Русско-японской войны. Но Киносита Наоэ утверждал, что следует не просто отказаться от чисто христианских мыслей, но изменить их так, чтобы объединить западные и восточные идеи. Это делалось с целью очистить умы молодых людей, очарованных идеалами социализма и отказывающихся от тезисов христианства, желающих прежде всего мира души, но между тем делающих все, чтобы быть добрыми патриотами, что на первый взгляд нельзя было примирить.

В этом хаосе чувств начала развиваться новая концепция «государственного социализма». До того времени интеллигенция игнорировала государство, реалии его жизни, чтобы посвятить себя более широким идеалам практически всемирного масштаба, но в то же время пренебрегала Японией и, таким образом, жила двойными страндартами. В адрес общественных деятелей слышались упреки в индивидуализме, и Исикава Такубоку писал: «Нас, молодежь эпохи Мэйдзи, воспитали быть полезными. Наша цель — улучшить состояние нового общества Мэйдзи, созданного руками наших отцов и старших братьев...» Итак, цель, казалось, не была достигнута, мнения разделились, и образовалось по меньшей мере три тенденции: национализм, социализм и индивидуализм, причем все это смешивалось с весьма противоречивыми по своей природе христианскими и конфуцианскими убеждениями. Этих тенденций придерживались не все. Индивидуализм был в большей мере присущ молодежи, занятой поисками собственной личности, социалистические взгляды разделяло меньшинство теоретиков, а «японизм» или национализм, не слишком популярный среди интеллигенции, воспринимался как стремление политиков,

находящихся у власти, удовлетворить нужды страны. Для этого они использовали поддержку народа и почти не соприкасались с философскими движениями образованных кругов или с более или менее метафизическими исканиями и сомнениями некоторых поэтов.

Критика Исикавы Такубоку в адрес молодой интеллигенции после событий Русско-японской войны была благосклонно воспринята народом. В одном из своих эссе он высказал то, что думало большинство людей: «Основы японского государства устойчивы и прочны. В этом отношении Япония превосходит все остальные страны». Подавляющая часть японцев продолжала мыслить, как в эпоху сёгуната Токугавы, категориями, определяющими отношения между индивидом и государством, и на идею незыблемости основ государственности ссылались при всех требованиях провести реформы в борьбе за права народа и принятие конституции.

В умах большинства японцев начала XX века (не считая приверженцев индивидуализма, социалистов-христиан и материалистов) государство строилось по подобию семьи, и с тех пор семейная мораль превалировала над моралью государства. Для того чтобы в этих двух институтах царила гармония, необходимо было, чтобы между ними существовало прямое «родство», которое обнаружилось в лояльности по отношению к императору (то есть к государству) и в сыновней почтительности внутрисемейных отношений. Эти два аспекта можно было примирить, свести воедино только через почтение к предкам (еще одна конфуцианская по происхождению концепция), которое объединяло все социальные уровни и институты, а оно, в свою очередь, несло уважение к истории и к мифам об основании Японии и Японской империи. Таким образом, в глазах большинства населения Япония представляла собой священной целостностью, неприкосновенной, нерушимой и всемогущей, символом которой был император.

После восстановления императорской власти в 1868 году эту концепцию переняло большинство движений, ратующих за обновление Японии. Особенно

значимое влияние на укрепление этой позиции оказал императорский указ об образовании, опубликованный почти одновременно с конституцией. Учебный план школ был везде одинаков, и для классных наставников не составляло большого труда сориентировать юные умы в нужном направлении. Особенно это касалось тех учеников (то есть большинства), которые не собирались продолжать учебу в университетах. По этому поводу после опубликования императорского указа один профессор из Токийского университета писал в 1891 году: «Наша родина — это страна, где все еще соблюдается почитание предков, а строительство семьи имеет совершенно особое значение. Власть, сила и закон проистекают из семьи. И само государство, таким образом, является как бы продолжением семьи». В другой статье, опубликованной в «Кокка Гаккай-дзасси», тот же самый профессор Ходзуми Яцука (1860—1912) добавлял: «Нет особой причины для обожания и копирования национальной политики какого-либо европейского государства... Наша традиционная религия, благодаря которой мы исправляем недостатки нашего социального устройства и которая предписывает почитание предков, объединяет нас в единую страну и в единое общество, возглавляемое основателем семьи-народа — Императорским Домом...»

Эти идеалы, в зачаточной форме существующие еще в XIX веке, вскоре были окончательно приняты как сами собой разумеющиеся. В 1904 и в 1911 годах под эгидой Ходзуми и еще нескольких членов правительства была начата подгонка школьных учебников, соответствующих новой тенденции к возврату национальных ценностей. Создается впечатление, что в этот момент японская интеллигенция несколько отошла от борьбы за права и свободы людей, чтобы погрузиться в изучение жизни как она есть. В глазах образованных японцев европейские философы приобрели еще большую значимость, чем раньше, и семена их идей упали на благодатную почву. Вместе с тем утомление, охватывавшее людей, выразилось в некоторой склонности к натурализму. В послевоенное время Япония была опустошена и «выжата», разочарована в своих ожиданиях и,

по сути, жаждала одного: мирной жизни. Но чтобы сохранить ее, необходимо было укрепить нацию. Стали сглаживаться идеологические противоречия, увлечение натурализмом постепенно иссякло. Писатели вроде Симадзаки Тосона, Нацумэ Сосэки (1867—1916), Мори Огай (1862—1922), Куникиды Доппо сами были сильно увлечены натурализмом предвоенного периода и проповедовали либо необходимость смирения и спокойствия, либо самоотречение. В произведениях Куникиды Доппо, например, в «Хиро» (*Усталость*) прекрасно говорится о таком существовании, в то время как в таких книгах Нацумэ Сосэки, как «Мон» (*Дверь*), воспевается смирение, покорность, которую можно определить, воспользовавшись формулой самого писателя: «Следуйте воле Неба, откажитесь от себя».

Тем временем другие писатели пытались соединить теорию и практику, указывали, подобно Танаке Одо, на необходимость наличия философии, способной выполнять социальную функцию, и исповедовали своего рода экспериментальный идеализм. Среди образованных кругов вспыхнул интерес к учению Дзэн. Как писал Нисида Китаро (который позднее стал лидером современной японской философской школы), больше не было необходимости ни знакомить Японию исключительно с идеями, пришедшими с Запада, ни подвергать критике саму цивилизацию как таковую, но появилась потребность объединить различные философские школы Запада на японский манер. Отныне философия должна была стать не просто предметом изучения, но практическим применением к повседневной жизни...

В отместку натурализм наградил своих последователей чувством пустоты и ненужности бытия, чувством, что не осталось больше никаких истинных ценностей, что жизнь не имеет иного смысла и иной цели, кроме смерти. Этот пессимизм и ощущение безысходности могли закончиться нигилизмом, но сознание включенности в социум, которым обладают все японцы, помогло избежать такой крайности и вернуло уверенность, что государство и император представляют собой высшую форму проявления бытия и власти. В конце эпохи Мэйдзи внутри интеллигенции возникли

самые разные течения мысли, приводящие к критике Императорского Дома и одновременно к консерватизму, отливающимся в форму ультранационализма.

Этот период подошел к концу в атмосфере волнения умов и душ, а своеобразной точкой стала казнь Котоку, обвиненного в предательстве. Мори Огай все еще стоял в оппозиции Нацумэ Сосэки и утверждал, что нравственность государства выше нравственности народа. Сосэки же считал наоборот.

Точка зрения Мори Огай завоевала популярность, и японский национализм, который до «дела о предательстве» не имел большого количества последователей, постепенно укреплялся. Он основывался на идее жертвования индивидом во имя коллектива и противостоял как западному «индивидуализму», так и восточному «чувству самопожертвования». Общее душевное состояние народа теперь напоминало настроение, господствовавшее во времена феодализма Бакуфу: по сути, японский менталитет ничуть не изменился, а просто приспособился к новой исторической реальности.

Религиозная эволюция

В течение почти всей первой половины эпохи Мэйдзи японцы пребывали в явном замешательстве, сбитые с толку нововведениями в области политики, торговли, техники и системы управления. Суровым испытаниям подверглись их религиозные убеждения. На протяжении всего правления сёгуната Токугавы воинское сословие, как правило, придерживалось философии конфуцианства, в то время как народ оставался верен местным богам, синтоизму или буддизму. Четкой разницы между этими двумя религиозными системами не существовало, а после того как с течением веков между ними возник определенный синкретизм, границы окончательно расплылись. Большинство буддийских храмов располагали зданиями, предназначенными для почитания богини Аматаэрасу, и наоборот. Жители деревень, не особенно разбиравшиеся в догматических тонкостях и следовавшие многовековым

обычаям своей страны, в равной степени поклонялись божествам синтоизма и буддизма, осознавая (но не очень ясно), что буддизм имеет больше отношения к жизни после смерти, в то время как боги синтоизма покровительствуют самым счастливым моментам земного существования человека и его трудовым будням. Между различными религиями возник своего рода *modus vivendi*, и никто не усматривал неудобства в том, что *буси*, или самураи, руководствовались собственными понятиями о нравственности, основанными на нормах конфуцианства. Впрочем, число религиозных установлений (вроде сыновней почтительности) и верований, пришедших вместе с таоизмом, в результате естественного процесса профанации подчинили себе всю повседневную жизнь и народную религию, так внедрившись в сознание и нравы людей, что стало невозможным определить, из какой религии пришло то или иное правило.

Религиозное чувство в Японии было довольно слабым, а уровень терпимости высоким, и японцы, не заботясь особо о нравственных или философских ценностях, принимали иноземные практики и обычаи при условии, что они не пойдут вразрез с уже существующими обычаями. За исключением приверженцев буддийской школы Нитирэн, принимавших только свою линию веры и полностью отрицавших христианство, большинство последователей буддизма и традиционной религии Японии, синтоизма, довольно безразлично относились к тонкостям теологии. Религия в этой стране не была принята со всеми догмами и со всей верой (в отличие от Европы) и не претендовала, за редким исключением, на монополизацию истины. Она состояла скорее из ритуалов, чем из философии, и полагала, что боги играют каждый свою роль в жизни человека: *ками* отвечали за благополучие людей как членов деревенской общины, семьи или рода и влияли на рождение человека; к буддийским божествам (которых объединяли под общим именем *хотокэ*) обращались в случае несчастья или смерти. Впрочем, довольно часто и *хотокэ* почитали с помощью обрядов, принятых в синтоизме, а с наи-

более почитаемыми *ками* ассоциировали некоторое число *хотокэ*, о сфере влияния которых не имелось четкого представления. «Эффективность» одних соединялась с «эффективностью» других к вящей пользе верующих. Разумеется, японские крестьяне осознавали определенные различия между этими двумя религиями, но скорее в материальном, чем в метафизическом плане: колокола были буддийскими, а бубенчики — синтоистскими; чтобы почтить *хотокэ*, ладони складывали вместе, а в честь *ками* хлопали в ладоши. К тому же большинство японцев, не считая последователей Нитирэн и христиан (да и то с этим можно поспорить), одновременно следовали двум культам, не усматривая в этом ни малейшего противоречия.

В течение всего периода правления сёгуната Токугава буддизм более или менее успешно боролся с почитателями конфуцианства с единственной целью: ограничить число монахов и храмов, а народ лишь добавлял к дедовским верованиям буддийские и конфуцианские мотивы, так или иначе навязанные им правителями.

Так, когда правительство в 1870 году публично выразило желание видеть, как японский народ возвращается к чистоте своей национальной религии, никто не выразил не малейшего удивления, не очень ясно представляя себе важность этого решения. Разве японцы не были достаточно ревностными последователями синтоизма, даже если многие из них и оказывали почтение божествам буддийского пантеона? Только начиная с 1873 года, когда правительство решило провести четкую грань между буддизмом и синтоизмом, народ начал волноваться. То, что было введено деление по рангу разных священнослужителей (*каннуси*) синтоизма, то, что их организовали в иерархию, никого не удивило. Но то, что с алтарей и из храмов снимали статуи божеств под предлогом «разделения религий», было другое дело: ведь люди привыкли молиться в определенных местах местным божествам, воплощением какой бы веры они ни являлись. Кроме того, новое деление территории на синтоистские «приходы» вызвало

серьезные возражения со стороны крестьян, так как они отказывались мириться с уничтожением их алтарей или их сменой на новые, признанные официально. Государство решило окончательно вырвать буддизм из синтоистских храмов в 1882 году, а некоторые особенно ревностные чиновники предлагали даже уничтожить буддийские храмы. Крестьяне взбунтовались, потому что не могли больше рассчитывать на буддийских монахов, чтобы провести церемонию похорон по всем правилам, кроме того, многие монахи, лишившись храмов, были вынуждены превратиться в обычных крестьян. Итак, чтобы избежать беспорядков и ввести новую политику, правительству пришлось в некоторых провинциях, например в Мацумото, разрешить похоронные ритуалы, которые часто перенимались из конфуцианства, поскольку синтоизм не имел подобных обрядов, специфически приспособленных к обстоятельствам. Действуя таким образом, правительство лишь утверждало обычай, уже введенный в княжествах крупными даймё, преследующими буддизм на подвластных им территориях и с почтением относящимися к конфуцианскому сёгунату... Позднее власти приложили все усилия, чтобы ввести синтоистские похоронные церемонии вместо буддийских.

Чтобы завершить разделение религий, некоторые буддийские праздники, например *Бон* (праздник, посвященный душам умерших), изменили так, чтобы они вошли в рамки синтоизма. Наконец, все люди были обязаны внести свою фамилию в список, составлявшийся при храме в том приходе, в котором они родились. Приход же предоставлял им печать, которая всегда должна была быть при себе. Эта мера была принята и с другими целями, не имевшими ничего общего с религией: во-первых, она была призвана облегчить перепись населения, во-вторых, ввести что-то вроде «удостоверения личности». Но это новшество не имело особой популярности, и в 1873 году его пришлось отменить. В действительности ни одна из антибуддийских реформ не была поддержана населением, демонстрирующим неподчинение официальным распоряжениям не из-за того, что японцы обладали такой уж

нерушимой верой в своих богов, но скорее из-за того, что это было посягательством на традиции. Закон, обязывающий регистрировать всех новорожденных в приходах синтоизма, всего лишь официально подтвердил давно существующий обычай, согласно которому ребенка представляли охраняющему божеству семьи или рода примерно месяц спустя после рождения, чтобы *ками* могли узнать его и защищать в течение всей жизни. Обряд повторялся, когда ребенку исполнялось три года, пять и семь лет, и эта традиция сохраняется в Японии и по сей день. Людей смущало иное: этот обряд, предназначенный для узкого семейного круга, правительство сделало обязательным и прилюдным. Кроме того, правом возглавлять церемонии, посвященные охранительным божествам, во время *мацури*, или местных праздников, обладали лишь несколько членов общины. Эти избранники составляли нечто вроде закрытых гильдий, а их права вызывали зависть. Но после новых распоряжений служение охранительным божествам стало доступно всем без исключения, что, разумеется, привело к конфликтам между членами общины, поскольку до этого времени эти религиозные гильдии всегда играли очень важную роль, особенно в делах, касающихся проведения праздников, или *мацури*.

Во время лихорадки реформ, направленных на преобразование внешней политики государства эпохи Мэйдзи, многочисленные религиозные праздники были забыты или заменены новыми, предложенными правительством. Но это было временным явлением, и большинство новых праздников просто добавилось к длинному списку традиционных фестивалей и *мацури*. Кроме того, определенные верования превратились в простые ритуалы, вроде утреннего приветствия солнца, которое японцы выполняли, поворачиваясь лицом к востоку и кланяясь. Сначала это был праздник Солнца, *Химацури*, но постепенно его значимость и глубокий смысл были утеряны, что привело к тому, что определенное число японцев просто сохранили привычку

смотреть на встающее солнце, что давало им эстетическое наслаждение, но не имело никакого религиозного подтекста. Даже сейчас в Японии еще живы сезонные ритуалы. В первый день нового года люди выходят на улицу и ждут, когда их жилище покинут «демоны прошлого года», и в то же время приветствуют появляющееся солнце. Во время восхождения на гору Фудзи — что является своего рода религиозным паломничеством — на ней обычно остаются на ночь, чтобы на середине склона застать рассвет и увидеть потрясающее зрелище, когда солнце выплывает из моря и облаков. В этом ожидании не осталось никаких мотивов, носящих религиозный оттенок; лишь несколько паломников, привязанных к традициям предков, могут сохранить прежние представления.

Крестьяне и городские жители часто объединялись в группы или общины (*ко*), чтобы вместе совершать паломничества к синтоистским святыням или к буддийским храмам. Самый знаменитый маршрут таких паломничеств вел к священным алтарям Исэ, посвященным богине солнца Аматэрасу. Когда правительство Мэйдзи стало поощрять эти паломничества в Исэ, количество странников резко возросло, так же как и цены на оказываемые им по дороге услуги. Вдоль всего пути к святыне множились гостиницы, принимающие не только верующих, но и простых путешественников. Паломничество, потеряв большую часть религиозного содержания, превратилось в приятную прогулку. Потребности в *ко* больше не было, и, хотя они не исчезли, прежней роли *ко* уже не играли. Стали исчезать многочисленные религиозные запреты, связанные, в частности, с ограничениями в употреблении тех или иных продуктов. До Мэйдзи эти запреты строго соблюдали большинство крестьян, но, когда нарушилась герметичность и цикличность их повседневной жизни, когда была введена всеобщая воинская повинность, а многие деревенские жители переселились в города, возможности придерживаться религиозных ограничений уже не было. Тем не менее продолжали жить кое-какие суеверия, но об их происхождении ничего нельзя сказать наверняка. Они примерно той же природы,

что и французское суеверие, утверждающее, что если трое людей одновременно прикурят три сигареты от одной зажигалки, то один из трех курильщиков умрет в течение года. Большая часть современных японских суеверий родилась в эпоху Мэйдзи, возможно, как своего рода замещение исчезнувших религиозных запретов. Например, нельзя произносить слово, означающее «четыре» (*си*), потому что оно созвучно слову «смерть». Даже сейчас в большинстве японских гостиниц нет комнаты под номером четыре. Это суеверие соответствует европейскому поверью, связанному с цифрой тринадцать. Немилость, в которую попал буддизм, и «огосударствление» синтоизма привели к ослаблению веры японцев в божества предков, а с развитием современной жизни, с миграцией широких масс населения уменьшилось и религиозное чувство: религия, став официальной, во многом потеряла доверие народа и сохранилась только как обычай. Как часто происходит в подобных обстоятельствах, началось увлечение магией, особенно среди низших классов населения. Возникли новые религиозные течения, многие из которых имели определенный успех и сохранились до наших дней. Среди всех проповедников того времени самым знаменитым стал крестьянин Накаяма Мики (1798—1887), который, утверждая, что был вдохновлен свыше, заложил основы новой религии Сэнри-кё, несшей в себе элементы синтоизма и конфуцианства. В своей книге «Кофуки» он с собственной точки зрения излагал миф о сотворении мира и человека. Накаяма Мики был также плодовитым поэтом — он создал тысячу семьсот одиннадцать стихотворений в стиле *вака* — и имел множество последователей. Даже в наши дни их число увеличивается благодаря усилиям миссионеров, и Сэнри-кё приобретает международное признание.

Но если официальные круги были не слишком расположены к буддизму, то народ, напротив, с почтением относился к божествам этой религии, и буддийские храмы никогда не пустовали. В 1895 году тысячи женщин пожертвовали своими волосами, чтобы сплести веревки, необходимые для того, чтобы воздвигнуть

главную балку центрального зала. Некоторые божества, ранее подзабытые, вновь стали объектом поклонения толпы, хотя неизвестно точно, было ли это увлечение пробуждением религиозного чувства или просто суеверием, поскольку граница между ними в Японии весьма призрачна.

Общее состояние духа, отсутствие истинной национальной религии, способной удовлетворить метафизические стремления определенной части населения, отсутствие сильной струи буддизма позволили христианству развиваться в Японии, тем более что в этом восточном регионе намечались преобразования на современный (европейский) лад. Если раньше в христианство обращались в основном крестьяне (и подвергались за это гонениям), то в эпоху Мэйдзи им заинтересовалась интеллигенция. Правительство не было больше вправе запрещать христианство, так как не могло теперь обвинять кого-либо в «делках с иностранцами», и обычай попирать ногами *фумиэ* (изображение христианского святого), чтобы заставить подозреваемого доказать, что он не состоит в христианской секте, был упразднен. Вначале христианство было лишь забавной диковиной для студентов: «Войдя в комнату К, я увидел Библию. До этого он часто цитировал мне изречения из священных книг буддизма. Но о христианстве мы еще ни разу не говорили. Я удивился и не удержался, чтобы не спросить о причине такого чтения. “Причина? Нет никакой причины!” — ответил он. Затем, спустя мгновение: “Такая уважаемая книга, естественно, что я читаю ее!” И он добавил, что, будь у него возможность, он охотно прочел бы Коран. Выражение “Коран или сабля” интересовало его в высшей степени». Но миссионеры несли свою проповедь только образованным классам, то есть тем, кто мог отправлять детей учиться в иностранные школы, и абсолютно естественно, что христианство имело относительный успех только среди интеллигенции, крестьян и рабочего класса, у которых не было тесного контакта с иностранцами.

Народ с трудом находил возможность сочетать некоторые исконные обычаи, такие, например, как культ

предков и богов-защитников или пришедшее из конфуцианства понятие сыновней почитательности, с требованиями христианской религии. Впрочем, в глазах большинства японцев официальный культ императора или японского государства не мог быть подчинен иностранной религии. Кроме того, многим было непонятно, как можно возводить до объекта поклонения казнь (распятие), которая одновременно казалась им кощунственной и болезненной, тем более что согласно древним понятиям смерть представляла собой нечто нечистое и противопоставлялась любви к жизни и природе, о чем постоянно говорил синтоизм. Эту несовместимость было трудно понять и принять. Люди чувствовали, что учение Христа мало их касается, и оно, по правде сказать, не оказывало особого влияния на японцев. Прижились только некоторые обычаи христианства, а до настоящей веры было далеко. В Японии стало считаться признаком хорошего тона выходить замуж в белом платье и фате (при том, что обычно в Японии белый цвет — цвет траура; но с этим можно было смириться, потому что девушка как бы облачалась в траур, покидая семью), даже если свадебная церемония не проходила в церкви. Эта тенденция жива и сегодня: недавно молодожены-японцы, не слишком привязанные к религии, проделали путешествие из Токио в Париж, чтобы получить (в протестантской американской церкви, поскольку католическая церковь не поддалась на уговоры совершить этот ритуал) благословение на брак, а также провести церемонию с органом и цветами. По возвращении в Японию эта молодая пара устроила свадьбу на традиционный манер в синтоистском святилище. В Японии свадьба — самый важный обряд, цель которого — получить помощь всех *ками*, так что могущество «своих» и иностранных божеств можно объединить, чтобы молодой паре досталось как можно больше счастья и удачи. Религия японцев от эпохи Мэйдзи до наших дней — это по большей части уверенность в том, что следует всегда полагаться на Небо, чтобы быть счастливым (точнее чтобы не быть несчастным) и получать благословения божеств, из какой бы религии они ни пришли.

ДОМ И СЕМЬЯ

Эволюция нравов

Само собой разумеется, что глубинная трансформация идей, произошедшая в народе и вызванная изменением государственного режима и европеизацией образа жизни японцев, сопровождалась изменениями в нравах и даже в обычаях. Вековые традиции остались в прошлом, на их место пришли другие; контакты между различными слоями населения стали более тесными, а новые виды транспорта и средств сообщения позволяли проводить такой широкий обмен информацией, который не был возможен еще несколько лет назад.

В живописи, литературе, архитектуре, в развлечениях также произошли коренные преобразования. Обучение молодежи, отношения между мужчиной и женщиной, самые важные вещи в жизни, так же как и самые пустяковые, претерпели глубокие изменения. Все, что относилось к «старой Японии», стали считать смешным, хотя прежние обычаи и новые привычки существовали бок о бок. Эти нововведения могли бы показаться почти естественными и малозаметными, если бы не поистине чудесная скорость, с которой они происходили. Внезапно после упорного отрицания всего иностранного началось увлечение всем, что исходило от Европы и Америки, а это с ног на голову перевернуло все представления о

прежних ценностях. Япония была околдована Западом. Европа и Америка с удивлением и некоторой долей юмора наблюдали за этим «господином Содэс'ка» (из-за привычки японцев заканчивать предложение этим словом, означающим «не так ли?»), который ради лакированных ботинок, сюртука и цилиндра пожертвовал деревянными сандалиями и национальной одеждой, дабы казаться «западным». В Америке же, так же как и в Европе, мода диктовала соблюдение некоторых японских традиций. Возрастал спрос на художественные изделия из Японии; ценились и более или менее обстоятельные сочинения, описывающие эту странную экзотическую страну, так отличающуюся от статичного Китая своей жадной войти в сообщество современных государств. Впервые азиатская страна заставила писать о себе в газетах и в журналах не только в рубриках, посвященных развлечениям и экзотике.

Японии требовалась информация о Западе, и уезжавшие за границу студенты, путешественники, коммерсанты и дипломаты щедро снабжали свою страну сведениями о всех сторонах жизни европейцев, сведениями, которые печатались в книгах и газетных статьях и которые чуть ли не с лупой просматривались учеными и государственными деятелями. За несколько лет Япония узнала все, что происходило за кулисами Уолл-стрит, в парижских салонах, в студенческой среде Германии и даже в лондонских джентри, в то время как европейцы и американцы не имели практически никакого понятия о повседневной жизни простого японского горожанина.

Преобразования в сельском хозяйстве и в сфере индивидуального производства, создание новой промышленности привели к изменениям в самом образе жизни и к появлению новых запросов. Стал иным даже способ питания, а это вызвало реформы в сельском хозяйстве и поставило страну перед необходимостью импортировать продукты. Позже Япония от этого отказалась. Чтобы развиваться дальше, новые отрасли промышленности должны были импортировать практически весь материал и первоклассное сырье. Возник

Император Мэйдзи.

Прибытие коммодора Перри в Йокогаму. 1854.

«Открытие» Японии.

Представители
посольской
миссии 1871 года.
Слева направо:
Кидо Ёситака,
Окубо Тосимити,
Ивакура Томоми,
Ито Хиробуми
и Ямагути.

Посольство
Ивакуры Томоми
в Америку
и Европу.
1871.

Сайго Такамори.

Ито Хиробуми.

Окубо Тосимити.

Ямагата Аритомо.

Императорский дворец в Киото.

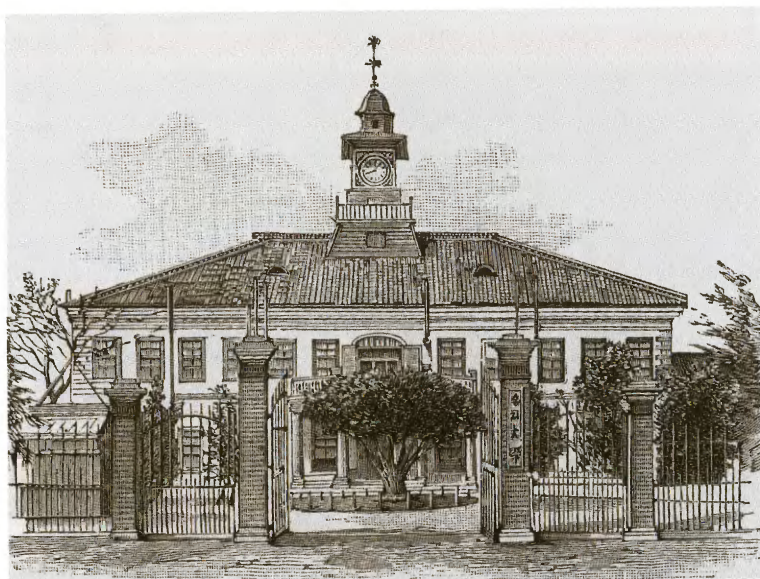
Замок даймё в Кумамото.

Первая гимназия в Токио.

Токийский университет.

Фукудзава Юкити.

Мори Аринори.

Нацумэ Сосэки.

Город Камакура. Гигантский бронзовый Будда.

Храм последователей религии Синто.

Храм в Нагое.

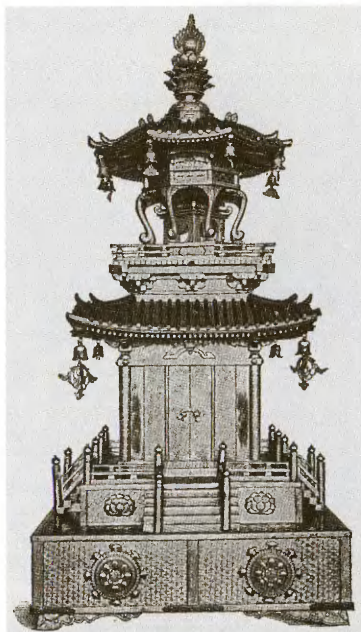

Храмвая роца в Асакусе.

Храм Асакусы.

Японский алтарь.

Буддийские бонзы во время вечерней молитвы.

Семья за молитвой.

Пагода в Токио.

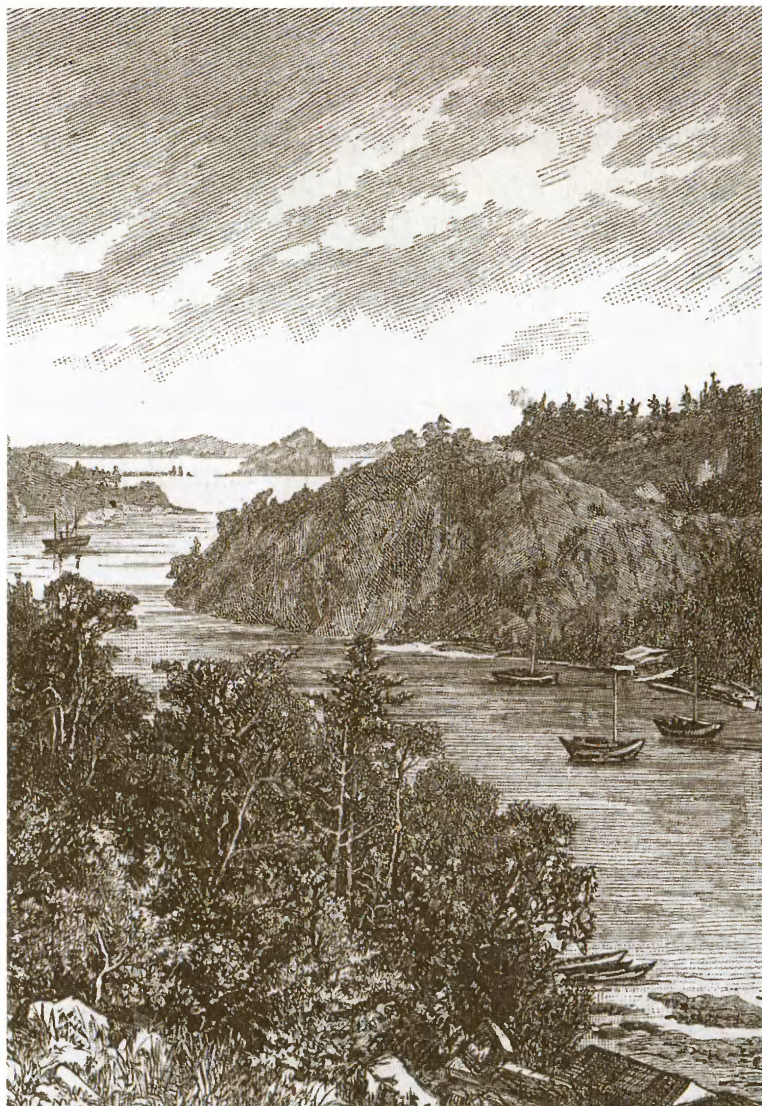
Плавучий мост через реку Ганда.

Бухта Нагасаки.

Предместье Осаки.

Рукав бухты Нагасаки.

новый класс торговцев, как частных лиц, так и компаний, специализирующихся на экспорте и импорте. Им за несколько лет удавалось сколотить громадные состояния. Ввоз тканей из-за границы и появление профессии ткачей привели к полному изменению привычек, касающихся одежды, так же как и семейного производства. Женщинам больше не надо было самим прясть и ткать коноплю, хлопок и шелк. Производство шелка, предназначенного на экспорт, стало полностью промышленной отраслью, в которой использовалась ручная работа женщин, что тоже было новшеством: до сих пор женщины в этой стране занимались хозяйством или полевыми работами. Жизнь в городах пульсировала, в них стекались крестьяне, бежавшие от тяжелого труда, от сомнений в завтрашнем дне и от нищеты, надеясь, что здесь прокормить себя будет легче. Незнакомое ранее состояние абсолютной свободы, когда каждый мог ехать, куда хотел, привело к смешению всех социальных слоев.

В то же время город стал огромным горнилом, где переплавлялись все категории населения. Изменились деревенские пейзажи. Вдоль рек и в долинах появились заводы с дымящимися трубами; поезда, передвигавшиеся с невероятной для японцев того времени скоростью, неслись из тихих маленьких поселений в шумные промышленные города, где здания строились по одному плану, улицы были прямыми как стрела, повсюду виднелись телеграфные и электрические столбы, а в дома были проведены водопроводные и газовые трубы. В небо поднимались серые клубы дыма от заводов и поездов. Прежнее спокойствие маленьких населенных пунктов сменилось грохотом и суетой. Янагида Кунио писал по этому поводу: «Я родился и вырос в эпоху Мэйдзи, и меня безмерно удивляла быстрота, с которой менялась жизнь, странно вообще, что старые обычаи еще не совсем исчезли».

Больше всего потрясло японцев преобразование, связанное с календарем. В девятый день одиннадцатого месяца пятого года эпохи Мэйдзи (1872) император решил ввести европейский календарь вместо лунно-солнечного, которым пользовались в Японии испокон

веков. Он объявил, что третий день следующего месяца будет 1 января 1873 года. Решение было принято, император удалился в личное святилище, чтобы провести обряд, извещающий о нововведении предков покровительствующую ему богиню Аматаэрасу. Он хотел знать, увенчается ли реформа успехом. Таков был обычай: каждый раз, когда император (или любой другой человек) должен принять важное решение, он сообщал об этом *ками* и предкам. К этому, как правило, прибегали, когда ожидалось какие-либо изменения в жизни семьи: рождение, свадьба или смерть.

Это простое событие было принято как должное горожанами, особенно купцами и теми, кто общался с иностранцами, но для крестьян оно явилось настоящей катастрофой. Все устои были перевернуты, традиционные даты не совпадали больше с новым летосчислением. Старая поговорка гласила, что «Луна появилась бы в последний день месяца, когда проститутки были бы верными женами, а курицы несли бы квадратные яйца». И вот пословица оказалась лживой: луна действительно появилась в последний день месяца. Кроме того, с новым календарем теперь не совпадали даты больших праздников, *мацури*, которые до этого приурочивались к фазам луны, и даты, отмечавшие начало сельскохозяйственных работ. В народе возникло смятение, а в части крестьян и упорное сопротивление: вероятно, из всех реформ переход на другой календарь был хуже всего принят японским обществом. Хотя новый календарь применялся в начальной школе, администрации, прессе и других средствах информации, люди с большим трудом отказывались от прежней традиции летосчисления, и к концу эпохи Мэйдзи более 50 процентов крестьян все еще не желали пользоваться новым календарем в повседневной жизни.

Язык считается самым важным достоянием народа, и было бы странно, если бы он не подвергся никаким изменениям. Каждый день в газетах и книгах появлялись новые слова, изобретаемые журналистами и писателями, желающими казаться «стильными» или переве-

сти концепции и понятия, аналогов которым в японском языке еще не существовало. Самым простым путем было приспособление иностранных слов к японскому языку, пользуясь при этом азбукой *катакана*. Но ограниченное количество звуков японского языка (пятьдесят начальных) не позволяло точно передать звучание и написание европейских слов. В итоге получался весьма приблизительный перевод: клуб — «курабу», такси — «такуси», butter («масло» — англ.) — «бата» и т. д. Иногда неологизм, возникший на основе иностранного языка, вместо того чтобы заменить уже существующее слово, просто добавлялся к нему для обозначения разновидности предмета. Так, парное коровье молоко по-японски называли «*гюню*», в то время как кипяченое молоко получило имя «*мируку*» (от англ. «milk»). Японский язык вобрал в себя огромное количество иностранных слов, которые постепенно совсем японизировались из-за того, что было невозможно адекватно передать их звучание и значение. Для многочисленных инструментов и предметов, являвшихся для Японии новыми, изобретались японские названия, заимствованные из английского или китайского языков. Швейная машина стала «*мисин*» как искажение слова «машина»; вилка и нож получили имена «*фокү*» и «*найфу*» (fork, knife); стакан стали называть «*коппү*» или «*гурасү*» (cup, glass); пиво — «*биру*» (beer); утюг — «*айрон*» (iron); европейский стол — «*тэбуру*» (table). Названия одежды также не остались неизменными: женская юбка превратилась в «*сукато*» (shirt), пуговицы — в «*ботан*» (button) и т. д. Подобным искажениям подверглись и названия животных: лев, который раньше именовался *сиси*, стал «*райён*» (lion), хотя мифический китайский лев продолжал называться *сиси*. Напротив, некоторые слова, обозначающие реалии западной жизни, получили японские эквиваленты благодаря использованию китайских иероглифов. Это такие слова, как «поезд», «телеграф», «велосипед», «демократия», «фотография», и т. п. Японский лексикон постоянно пополнялся, хотя вместе с тем исчезали слова, обозначавшие устаревшие понятия. Так, «*рампу*» (лампа) пришло на замену «*андон*» (светильник из бумаги), «*калан-*

да» (календарь) заменило «*рэки*» (старый японский календарь).

На лексические изменения влияло, помимо всего прочего, и общество. Например, формы личных местоимений для обозначения говорящего или того, к кому была обращена речь, варьировались до бесконечности в соответствии со строгими правилами этикета, зависящими от того, какой ранг занимал каждый из собеседников и какие их связывали отношения. Когда число социальных классов резко сократилось, а затем они вовсе исчезли, стало очень трудно узнать, как следует обращаться к человеку, которому предполагалось нанести визит. В сомнительных случаях вместо «я» или «вы» люди стали применять все более расплывчатые безличные формы, предпочитая нейтральное «считают, что...» вместо «я думаю, что...», чтобы случайно не допустить ошибки, используя неподобающее случаю личное местоимение. Кроме того, в употреблении вошли еще более туманные формулировки вроде *котира*, означающее буквально «эта сторона» и применяемое для обозначения себя или той группы, к которой принадлежал человек. Чтобы обратиться к собеседнику, прибегали ко все более и более эллиптическим формам, таким как *отаку* «ваш дом» вместо традиционного «вы». Очевидно, что наиболее желательной формой становилось использование скромных наименований, если речь шла о себе, и почтительных и напыщенных при обращении к собеседнику. В эпоху Бакуфу слуги заменяли «я» словом «боку», которое считалось неприемлемым для использования представителями среднего и высшего классов. Но в эпоху Мэйдзи слово «боку» вошло в моду (по крайней мере среди мужчин), хотя сейчас оно считается немного детским. Точно так же самураи, говоря о себе, использовали *сэсся* («я»), которое вышло из употребления вместе с исчезновением кодекса чести самураев, а привычной формой стало слово *ватакуси* (или *атаси* на языке для женщин). Более того, некоторые выражения английского языка, такие как *ту* (мой), стали использоваться как чисто японские. Так, *ту* превратилось в *май*, а словосочетание *ту боте* (мой дом) —

в *майхому*. Это «*май*» все чаще и чаще используется для того, чтобы избежать ударения на «я» как преувеличения собственной значимости.

Итак, с изменениями в обществе начались изменения в языке. Появилось большое количество новых слов-дуплетов, которые в целом обогащали язык, но и вели к растворению самобытности. Эта тенденция, не прекращавшаяся в эпоху Мэйдзи, примет почти катастрофические размеры после Второй мировой войны.

Население быстро росло, и кормильцам семей требовалась работа; с тех пор как земля по императорскому указу была перераспределена между теми, кто ее обрабатывал, у крестьян в собственности остались лишь небольшие надель. Миграция населения внутри страны и смешение социальных слоев привели к появлению категорий рабочих и служащих, отличающихся новым умонастроением; традиционные отношения между людьми претерпели глобальные изменения, например, почитание «господина» стало почитанием «начальника». Устранение отживших обычаев, замена их современными, согласующимися с условиями жизни в эпоху Мэйдзи стали всеобщим желанием. Для таких коренных преобразований, затрагивающих основы самого существования Японии, потребовались усилия и самоотверженная работа двух поколений, что не может не вызывать изумления и восхищения.

Домашний очаг

Семейную жизнь, какой бы она ни была, в какой бы стране она ни протекала, невозможно вообразить без домашнего очага. Дом — это место, где члены семьи объединены чувством общей близости, защищенности от всех жизненных невзгод, чувством принадлежности к одному источнику. В Японии сердцем дома всегда был очаг, где поддерживался огонь, считавшийся родственным солнцу. На протяжении эпохи Мэйдзи очаг, который использовали для приготовления пищи, для того, чтобы согреться в холодные зимние месяцы, и во-

круг которого собирались для ритуального бдения члены семьи, начал меняться. *Ирори*, или центральный очаг, играл роль, схожую с той, которую в наших загородных домах выполняет камин, с той разницей, что в Японии он находился посреди дома. Сверху над ним, довольно высоко, висел крюк для котелка, чтобы на небольшом огне можно было готовить пищу. Считалось, что именно в этом крюке, часто украшенном традиционными мотивами с изображением рыбы, обитает божество очага, покровительствующее всему дому. *Ирори* считался священным местом: было кощунством пренебрегать им или как-нибудь запачкать его. Он являлся, особенно для деревенских жителей, источником всяческого тепла и света. Огонь в нем постоянно поддерживала супруга хозяина или сноха, а гасили его только в особых случаях, например при соблюдении траура. После 1882 года, когда широко распространились спички, эта нудная обязанность начала терять значение, а иногда о ней и вовсе забывали: постепенно бог огня лишился значительной части своего могущества.

По вечерам вокруг очага члены семьи собирались для ужина и ритуального бдения, причем за каждым было закреплено определенное место, соответствующее его рангу. Зимой вокруг *ирори* для большего тепла расстилали *футон* (ватное одеяло или тюфяк).

Но с появлением спичек и переносных фарфоровых жаровень (*хибати*) каждый мог при желании иметь свой очаг, который легко было перенести в свой угол. Больше не нужно было ни собираться вокруг *ирори* на ночь, ни участвовать в бдениях, чтобы продлить день, а затем заснуть возле успокаивающего и приветливого пламени. Древесный уголь, которым раньше пользовалась только аристократия, чтобы поддерживать огонь в маленьком очаге во время чайной церемонии, стал доступен всем (сначала в городе, позднее в деревне) после того, как общинные земли превратились в частные. Из-за дороговизны древесины уголь стал основным продуктом, используемым для разжигания и поддержания огня. Разделение главного очага на несколько второстепенных произошло благо-

даря фарфоровым жаровням и довольно быстро привело к перепланировке жилища: просторная комната в центре дома, посреди которой находился *ирори*, превратилась во множество маленьких комнат, разделенных ширмами (*фусума*). Теперь стало проще уединиться в своем углу и согреться, поместив *хибати* или жаровню под низкий стол, накрытый тканью, и поставив на него ноги. Это изобретение, получившее имя *котацу*, вскоре появилось во всех домах. С этого времени принимать гостей и даже готовить себе еду можно было независимо от других членов семьи.

Ничего не значащее на первый взгляд появление *хибати* привело к распаду традиционной групповой формы семьи и к развитию индивидуализма, поскольку каждый человек отныне мог вести отдельную жизнь. *Ирори*, чаще всего представлявший собой большой деревянный квадрат, покрытый железом, перед которым на своем привычном месте сидел глава семьи, все еще находился в особой комнате, но уже не играл роль центрального очага. Прогресс принес с собой уменьшение значимости *ирори* и бога огня. Хотя масляные светильники, накрытые каркасом, обтянутым промасленной бумагой, были известны в течение долгого времени, ими пользовались только горожане и богачи. В деревнях же довольствовались слабым светом *ирори* и площадками, наполненными маслом, куда был погружен фитиль. Появление светильников с рапсовым маслом и керосиновых ламп позволило улучшить домашний быт; яркий свет этих ламп, удобных для переноса, проникал в самые темные уголки дома. Вечерами школьники и студенты занимались при этом свете в своих комнатах. Кухню отделили от главной комнаты, а все более частое использование угля позволило заменить *ирори* печью из огнеупорной глины (*ситирин*), расположенной в смежной комнате. Свет отныне давали новые масляные светильники или керосиновые лампы.

Прежний закон сёгуната, запрещавший крестьянам строить многоэтажные дома, был отменен, и теперь каждый мог планировать свое жилье, как сам того пожелает. В домах появилось больше комнат, да и высота здания увеличилась. Чердаки, ранее использовавшиеся

для разведения гусениц-шелкопрядов, теперь использовались как жилые комнаты.

Но все же только зажиточные люди могли позволить себе построить дом в соответствии с собственными вкусами; простые крестьяне по-прежнему придерживались образца, принятого в каждом регионе, во-первых, из-за того, что так было дешевле, во-вторых, потому, что в этом случае крестьяне могли построить его сами, иногда с помощью бродячих плотников. Из города в деревню возвращались учителя, студенты, служащие и т. п.; они не хотели жить в традиционном доме, не соответствовавшем их привычному образу жизни, так что вскоре в деревне появились многоэтажные дома городского типа, полностью меняющие облик поселения.

Как правило, пол в домах покрывали только соломенные циновки, на которые усаживали гостей и которые свертывали, когда они не были нужны. Только во дворцах и в богатых домах циновки никогда не убирались. С течением времени материалы стали более доступны, и вот уже возможность постоянно застилать пол перестала быть привилегией одного класса. Эти циновки, после того как их перестали сворачивать, стали называться *татами*. Они постепенно становились все шире и шире, до тех пор, пока не достигли ширины циновок во дворцах, — ширины, которая сохраняется до сих пор. Появились ватные подушки в наволочках из ткани, которые сначала предлагали почетным гостям, а позднее стали использовать в повседневной жизни. Кроме того, ажурные перегородки, затянутые прозрачной бумагой, также стали принадлежностью жилищ простых людей, а не достоянием благородных домов. Бумага, которую в эпоху Мэйдзи стали производить промышленным способом, значительно подешевела. Дома стали более светлыми и лучше проветривались, вокруг них теперь часто ставили *сёдзи* (прозрачные ширмы), защищавшие от дождя и ненастья. Стеклообразные окна, которые импортировали в Японию (собственное производство началось только в 1903 году), были все еще слишком дорогими для простых крестьян и даже для большинства горожан.

Менялись крыши. В основном их настилали из соломы, укладывая ее под большим углом, чтобы с нее стекала вода и не задерживался снег. До эпохи Мэйдзи крестьянам запрещалось использовать черепицу (кроме того, это был очень дорогой материал), и черепичные крыши можно было увидеть только на домах благородных семей, на монастырях или храмах. В городах же применение черепицы было более широким из-за того, что ее использование снижало риск возникновения пожара. Когда же запрет на ее использование крестьянами сняли, а производство этого материала выросло, черепичные крыши стали появляться не только в городах, но и в деревнях.

В провинции изменения происходили довольно медленно, поэтому и внешне дома также менялись медленно. Лишь обеспеченные люди могли позволить себе построить вместо традиционного дома с наклонной соломенной крышей «городской» деревянный дом с более плоской крышей, сложенной из черепицы, снабженный *фусумой* и *сёдзи*, с полом, покрытым *татами*. Из-за того что на землях, превратившихся из общественных в частные, было все труднее собирать камыш, применяемый в строительстве, крестьяне стали использовать черепицу или менее дорогое листовое железо. Традиционные стропила, выдерживающие вес бамбука, стеблей камыша или риса, обрушивались под тяжестью черепицы. Кроме того, сильно затруднял строительство угол наклона крыши. Перед крестьянами встал выбор: либо покрывать крышу черепицей и тогда менять полностью ее конструкцию, либо брать вместо соломы доски, покрытые листовым железом или цинком. Последний вариант казался более выгодным, на нем и остановились. Это изменило не только внешний облик деревень, но и условия жизни населения. Солома (хотя ее приходилось часто менять) не только защищала от непогоды, но и от холода или жары. Напротив, железная или цинковая кровля, хотя она и была прочной и служила укрытием от дождя, не спасала от холода и жары. Отсюда возникла необходимость разделять большую общую комнату на несколько отсеков с помощью раздвигающихся ширм и

навешивать потолки. Возможность отдельно обогреть каждую такую комнату переносными жаровнями и освещать их масляными светильниками или керосиновыми лампами значительно упростила обустройство сельских домов. Лишь на кухне не делали потолка, чтобы дым от плиты поднимался к кровле. *Ирори* сохранялись только как своего рода реликвия, символ бога огня, а не как источник тепла и света. Когда внутри дома началось разделение на комнаты, в помещении было еще очень темно. Необходимо было удвоить количество деревянных ставней (*амадо*) с помощью прозрачных перегородок и даже вставлять в стены новые *сёдзи*.

Пол на кухне, которая теперь была отделена от жилых комнат, как правило, представлял собой утоптанную землю, которую в некоторых регионах покрывали гранитными плитами. Но гранит был дорогим материалом, и крестьяне предпочитали цементный пол с тех пор, как этот вариант стал доступен почти каждому. Кроме того, цемент использовали для того, чтобы выкладывать полосу, окружающую дом, предотвращая, таким образом, размывание почвы под стенами.

Жизнь в деревне стала совершенно иной, чем прежде. Новые материалы дешевели и получали все более широкое распространение. Крестьяне, по природе недоверчиво относившиеся к тому, что предлагала современность, если это вторгалось в священную область традиций, решались на строительство нового дома, использование новых достижений и т. п., только следуя примеру тех, кто, вернувшись из города, каким-либо образом внес изменения в собственное жилище. В последние годы эпохи Мэйдзи стекло в оконные рамы вставляли только на севере страны, где холода были слишком сильными, чтобы пользоваться бумажными *сёдзи*. Да и то жители использовали стекла с некоторым скептицизмом и осмотрительностью: они были дорогими и легко бились. И очень долгое время только окна в комнате для приема гостей были застеклены.

В городах долгое время существовали дома, предназначенные для солдат, ремесленников, служащих.

В эпоху Эдо их часто отделяли гипсом, а крышу покрывали черепицей, чтобы снизить риск возникновения пожара. Подобные строения в деревнях и вокруг замков были деревянными с соломенной крышей. Они, как правило, строились в один этаж, а внутри пространство делилось на отдельные помещения. Общая крыша покрывала эти «квартиры», выстраивающиеся вдоль улиц и разраставшиеся в городах в начале Мэйдзи, чтобы обеспечить жильем огромный приток населения. Удобства также были общими, иногда на двадцать квартир приходилась только одна ванная комната, и жители делились на группы, чтобы набрать воды, искупаться, отправиться на поиски древесного угля, иногда даже приготовить пищу или присмотреть за детьми, пока их родители работают. Как правило, эти квартиры принадлежали важному человеку, который для своих съемщиков являлся *ояката*, и в них поселялись люди, принадлежавшие одной профессии или приехавшие в город из одной провинции, что в некоторой степени позволяло сохранить атмосферу их родного края. Но эти бараки, плохо оборудованные и построенные из огнеопасных материалов (то, что их покрывали гипсом или слоем земли, не меняло дела), часто становились добычей пламени, а их обитатели, использующие открытые жаровни и масляные светильники, находились в постоянной опасности, особенно если случалось землетрясение или тайфун. Жильцы совершенно не ощущали себя владельцами квартир, не слишком о них заботились, жили в них по большей части временно и, если несчастный случай все же происходил, просто хватали свои вещи и убегали, не пытаясь даже бороться с огнем — через некоторое время можно было отстроить дом заново, а это было заботой хозяина, не жильцов. Такое отношение к вещам можно встретить и в современной Японии. К своей собственности относятся чрезвычайно бережно, но общественное добро не слишком ценится. Речь ни в коем случае не идет об умышленной порче, но, в общем, то, что окружает японца, заботит его мало. Можно с легкостью представить себе, что крупные города вроде Токио и Киото в описываемую эпоху были

довольно грязными, и муниципальные службы по уборке города были далеко не такими организованными и эффективными, как в наши дни...

Первые дома в европейском стиле появились только в начале XX века, хотя в эпоху Мэйдзи уже возводили общественные и административные здания из камня и кирпича. Рядом с убогими лачугами выросли построенные по линейке вдоль улиц дома зажиточных ремесленников и торговцев, кое-где перед ними можно было увидеть небольшой сад или просто одно-два деревца, которые сажали не столько для красоты, сколько для пользы. Только самые богатые могли позволить себе разбить сад с чисто эстетическими целями. Чтобы хоть как-то восполнить недостаток зелени, каждый домохозяин обзаводился одним-двумя «миниатюрными садами» (*бонсай, бонсэки*), которые, в большей или меньшей степени, напоминали ему о родных местах в деревне.

Чтобы избежать превращения мегаполисов в сплошное скопление зданий без единого дерева, власти занялись устройством парков и начали программу по озеленению городов, в основном занимаясь этим на землях, ранее принадлежавших крупным феодалам. Так, в 1873 году в Токио был разбит парк Асакуса, а в 1903 году — Хибия.

Кое-где оставались здания в восточном стиле, построенные правительством, а не частными лицами. Последние особо не стремились нарушать облик дома, заменять *татами* на стулья и вставлять окна со створками. В целом архитектура жилых помещений в течение всего периода Мэйдзи осталась практически прежней, если не считать типов зданий, описанных выше. Но зато государственные службы, стремящиеся к европеизации и к привлечению новых министров и служащих, с энтузиазмом принялись усваивать образцы западной архитектуры. Фундамент первого здания европейского типа был заложен в 1861 году, то есть задолго до эпохи Мэйдзи, французским инженером, который вместе с тридцатью двумя техниками и специалистами прибыл для строительства двух литейных

цехов для производства оружия. Год спустя англичане, чтобы не отставать от французов, построили в Эдо современное здание для размещения в нем одного из отделов своего посольства. Стены его были деревянными, а крыша черепичной, и вскоре после завершения строительства здание погребено в пожаре, устроенном ксенофобами. Зато в Йокогаме, представлявшей собой в ту пору крошечный рыбацкий поселок, дома европейского типа стали появляться одно за другим. Первыми современные здания там построили англичане и американцы, за ними потянулись и другие, желавшие превратить этот маленький порт в современную гавань. С 1867 года компания Симидзу по плану европейских и американских архитекторов принялась возводить там многочисленные здания.

В Эдо после прихода к власти императора Муцухито государственные службы вынуждены были за неимением лучшего размещаться в старых домах, принадлежащих даймё и сёгунату, в ожидании того времени, когда иностранные специалисты, приглашенные в Японию, построят для них более благоустроенные здания. Монетный двор был закончен в 1868 году; в 1871 году компания Мицуи построила деревянное пятиэтажное здание банка, куда почти сразу же въехал Национальный банк Японии. В 1872 году, после проведения первой линии железной дороги Токио — Йокогама, в районе Симбаси, вскоре ставшим цветущим деловым центром (каковым он и остается по сей день), появился вокзал. С этих пор программа строительства, принятая правительством, непрерывно расширялась, чему немало способствовали архитекторы, прибывшие из всех стран Европы и Америки. Этим, кстати, объясняется огромное разнообразие стилей. При строительстве первых административных зданий мало считались с окружающей средой и с климатическими условиями страны, поэтому работать в этих помещениях было иногда просто невозможно. По мере того как появлялись кабинеты для служащих, возникала новая категория людей, ведущих новый образ жизни. Работающие в этих кабинетах чиновники считали своей прямой обязанностью обставлять помещение

столами и стульями и пользоваться ящиками для хранения документов. Служащие сменили традиционную одежду на европейскую, переняли (правда, не без некоторого отвращения) западные привычки, которые, по их мнению, делали их более «современными». Мало-помалу они стали вести двойную жизнь, превращаясь на работе в европейцев, а дома оставаясь японцами. Они не смешивали эти две линии поведения, но поочередно следовали им, накладывая, таким образом, разные цивилизации друг на друга. Эта манера поведения, наблюдающаяся до нашего времени, все шире и шире распространялась в городах и даже в деревнях, где строились административные здания на западный лад; и по мере того как множились государственные службы, увеличивалось количество служащих и чиновников. Поскольку частных предприятий также становилось больше, а они, в свою очередь, строили здания под офисы в европейском стиле, тысячи людей, работающих там, вынуждены были вести эту двойную жизнь, совершенно переворачивающую устоявшиеся традиции.

Даже в самом Токио правительство Мэйдзи было серьезно озабочено проблемой пожаров и предпочитало строить кирпичные дома, чтобы уменьшить эту опасность, поэтично именуемую «цветы Эдо». В 1873 году между Кёбаси и вокзалом Симбаси была построена первая улица, полностью состоящая из кирпичных домов. Она была названа в честь находившегося здесь же Монетного двора, известного также как Гиндза. Эта улица длиной в семьдесят метров имела тротуары и была обсажена деревьями. Но надежды правительства не оправдались, и здания, построенные по проектам англичанина Уотерса, быстро опустели, поскольку не соответствовали потребностям населения. Тогда в них разместили увеселительные заведения, бары и несколько частных школ. После японско-китайской войны 1894—1895 годов облик Гиндзы начал меняться.

В 1912 году в конце эпохи Мэйдзи в Японии была предпринята серьезная попытка реконструкции зданий, прежде всего в крупных городах. Власти снова разрешили строительство деревянных домов, поняв,

что дома европейского типа не приспособлены к климату и не могут быть использованы в качестве офисов. В 1912 году в Токио насчитывалось более трехсот тысяч деревянных домов, всего шесть тысяч кирпичных, около двадцати тысяч зданий, покрытых гипсом и две тысячи каменных строений. Город больше был похож на скопление деревень, а не на столицу. Наибольшее число каменных и кирпичных домов было сосредоточено в центре города между Симбаси и Кёбаси. Местная газета в 1894 году так описывала этот оживленный квартал: «Торговцы в Нихомбаси работают в домах с плохим освещением, покрытых гипсом, и придерживаются устаревших взглядов на предмет торговли. Поэтому этот квартал с его темными домами в старинном стиле сохраняет колорит Эдо и ностальгию по этому времени...»

Действительно, многие в Нихомбаси еще жили в традиционных домах. Но вместе с тем торговцы и люди сходных с ними профессий обставляли одну комнату в западном стиле, со стульями и со столом, чтобы принимать в ней гостей и клиентов и в то же время сохранить во всем остальном доме привычную хозяевам уединенность. В крупных городах дома быстро разделились на две части: одна, «западная», предназначалась для приема гостей, другая, выполненная в традиционном стиле, представляла собой жилые комнаты. Сама жизнь японцев, таким образом, распалась на два пласта: внешний и внутренний. В то же время некоторые богачи пытались сплавить стили, строя совершенно новые дома с мраморным входом, винтовыми лестницами, европейской ванной и т. д., украшенные картинами и статуями. Кое-где имелись даже банкетный и бальный залы, камины в нескольких комнатах, как, например, в доме, принадлежащем Сибусава Эйити, описание которого поместили в «Токио Нити Нити симбун» от 24 июня 1888 года. Помимо всего прочего, обеспеченный хозяин позволил себе устроить винный погребок.

Но все же эти огромные здания, где японский стиль, смешиваясь с западным, часто образовывал довольно-таки безобразное сочетание, были редкостью. Клод Фарьер приводит описание одного из таких домов — сало-

на маркизы Ёрисаки из Нагасаки: «Будуар парижанки, очень элегантный, очень современный, и ничем не примечательный, если бы он не находился в 3000 лье от Монсо. В нем ничего не напоминало о Японии. Даже национальные *татами* — циновки, более плотные и мягкие, чем любое другое покрывало, — были заменены коврами из тонкой шерсти. Стены были обтянуты шелковыми тканями в стиле помпадур, а на окнах — застекленных окнах! — висели шторы дамасского полотна. Вместо классических квадратов из рисовой соломы или из темного шелка — стулья, кресла, диван. Большое пианино занимает целый угол, а напротив входной двери в зеркале времен Людовика XV отражаются (и это никого не удивляет) желтые мордашки *мусумэ* (по-японски — «девочка»), а вовсе не маленьких француженок».

Необходимо уточнить, что это описание только зала для приемов. И автор далее добавляет, что в целом дом маркизы Ёрисаки был обставлен в традиционном стиле. Это ясно указывает на то, что японцы, даже будучи сильно увлечены европейской модой, все же чувствовали себя не в своей тарелке, если обстановка была для них непривычной.

Богатые семьи, жившие в домах западного типа, сохраняли тем не менее одну или несколько «японских» комнат и всегда заботились о том, чтобы был построен *кура* — маленькое здание из земли и гипса, с толстыми стенами, без окон, но с массивной дверью, где хранились наиболее ценные вещи. Таким способом многие поколения японцев спасали свое имущество от пожаров и землетрясений, и благодаря этому до нас дошли бесценные произведения искусства, которые иначе неминуемо погибли бы в огне «цветов Эдо», во время войны или природных катастроф. Даже сегодня некоторые частные дома и административные здания не обходятся без *кура*.

Большинство представителей среднего класса обустроивали одну из комнат на европейский лад, чтобы придать некоторый лоск своей повседневной жизни. Эта традиция жива и по сей день, и нередко наравне с современными строениями из бетона и цемента можно увидеть традиционные дома, в которых всего лишь одна комната обставлена на западный манер.

Как правило, внутри жилище почти ничем не украшали — этого требовал обычай. Только *токонома*, нечто вроде алькова, имела довольно нарядный вид. В ней находилось несколько предметов искусства, букет, составленный в традиционной манере (*икэбана*), *какэмоно* в классическом стиле и образец каллиграфии. В городах кое-кто из числа утонченных интеллектуалов, гордившихся своим тонким вкусом, занимался коллекционированием картин, ширм и прочих произведений искусства, которые хранились в *кура* и демонстрировались хозяином только друзьям и знатокам. Торговцы и простолюдины, ремесленники и хозяева лавок часто вешали на стены своих домов или магазинчиков образцы цветной ксилографии, так называемые *укиёэ*, которые к концу эпохи Эдо стали очень популярны и высоко ценились. Эти цветные изображения раскрашивались при помощи трафаретов и отпечатывались вырезанными из дерева брусками. На них были изображены прекрасные женщины (*бидзин*), исторические сцены или события современности. Стоили они очень дешево, а иногда появлялись в приложениях к газетам. Эти *укиёэ*, часто имевшие огромную художественную ценность, презирались образованными людьми как «рисуночки», годящиеся только для развлечения народа. К 1880 году «лубочными картинками» стали интересоваться европейцы, и их цена резко поднялась. *Фурудогу*, или торговцы антиквариатом, разыскивающие повсюду старинные произведения искусства, заметили интерес европейцев и принялись с жадностью собирать *укиёэ* для продажи. Некоторые из этих эстампов, особенно подписанные именами великих мастеров Утамаро или Хиросигэ, настолько высоко ценились европейцами, что те, не колеблясь, выкладывали огромные суммы до пятидесяти сэн, что было по тем временам баснословно высокой ценой. Те из японцев, кто владел подобными сокровищами, без особого сомнения продавали их *фурудогу*. Спустя довольно долгое время японские коллекционеры тоже начали искать *укиёэ*. Подобным образом были признаны произведениями искусства *инро*, или «коробочки для

лекарств», и *нэцкэ*. Последние обычно представляли собой прелестные маленькие фигурки со сквозным отверстием, с помощью которых к поясу кимоно прикреплялись приборы для курения. Европейцы, жадные до экзотических сувениров, которые они привозили домой из Страны восходящего солнца, охотно покупали все *нэцкэ*, какие могли найти. Когда сигареты заменили собой громоздкие курительные приборы, японцам больше не нужно было носить с собой этот аксессуар, поэтому они, не придавая никакой значимости этой «безделушке», продавали ее иностранцам. Торговцы антиквариатом сразу же поняли свою выгоду и занялись поисками этих сувениров, так что цены на них резко выросли. Когда же японские ценители искусства заметили, что эти *нэцкэ* могут представлять собой большую художественную ценность, было уже слишком поздно, и самые красивые из них, как и *укиёэ*, оказались вывезенными за границу, в Европу и в Америку.

В «европеизированных» домах было принято с максимальной точностью воспроизводить все западные обычаи и стиль. В комнатах для приема гостей вешали акварели или картины, написанные маслом, — этой работой стали заниматься некоторые японские художники, копируя западную манеру письма. Но это новое веяние распространялось довольно медленно, и японские коллекционеры предпочитали, как и их предки, хранить свои сокровища в *кура*, под надежной защитой от огня и грабителей, лишь скупо украшая *токоному* несколькими любимыми произведениями. Даже в конце Мэйдзи в редком доме стены были увешаны картинами. Гораздо чаще вместо этого на видном месте красовался диплом в рамке.

Японская семья

Понятие семьи в Японии сильно отличается от такового в Китае и Европе, где семью составляют родители, дети, дедушки с бабушками и некоторые более далекие родственники. Хотя кровное родство всегда

существовало в Японии, понятие семьи отнюдь не сводится к нему одному. Существует по меньшей мере три концепции семьи, в соответствии с которыми человек принадлежит к сельской общине, к городской общине, к придворной знати или к военному сословию. Та, которая имеет с нашим, то есть с европейским, представлением о семье больше всего точек соприкосновения, была принята среди придворной знати и глав кланов. Представители придворной знати (*кугэ*) практически все являлись предполагаемыми потомками одного императора: либо прямыми, либо принадлежавшими к боковым ветвям генеалогического древа. Все они составляли привилегированное сословие и, нося разные имена, надеялись, что когда-нибудь именно их род получит верховную власть. Иногда эти семьи так разрастались, что отдельные (наиболее отдаленные) их члены становились просто жителями своей страны без каких-либо привилегий, хоть и продолжали гордиться своим именем. Представители одного рода изначально были, вероятно, жителями одной и той же деревни и выполняли коллективную работу. Позднее их владения накрывали целое княжество, на первое место выходила община самураев, и понятие рода менялось. Жители одной деревни не обязательно принадлежали по рождению к одному клану, в него могли вступать члены другого, и такая смена рода стала обычным делом. Население региона попадало под власть одного главы рода. С приходом нового правления Мэйдзи кланы были распущены, и все чаще и чаще люди меняли деревни, княжества и занимались в деревенских общинах ремеслами, о которых раньше приходилось только слышать. Итак, крестьянская община включала в себя не только кровных родственников, но и тех, кто занимался одной и той же работой. Отсюда следует, что «деревенская семья» была скорее социальной группой, чем семьей, ограниченной общими предками и включающей в себя «слуг» и «клиентов». Японское слово *маки*, когда-то относившееся к одной линии или к группе племен, постепенно потеряло первоначальное значение и стало применяться для обозначения тех, кто занимался одним и

тем же делом, независимо от того, были ли они родственниками или нет, или же представителей одной деревенской общины. Вначале крестьянин, обрабатывающий землю, мог довольствоваться помощью жены и детей. Но когда эти земли, принадлежавшие многим членам «семьи», расширились, появилась необходимость в посторонней помощи. Чужие люди, участвующие в тех же самых работах, что и «семья-ядро», были приняты в род и стали его частью. Чем больше человек включала в себя семья, тем более разнообразной становилась ее деятельность и тем более номинальной — верность главе «семьи-ядра», который одновременно являлся главой всего рода. Только религиозные церемонии позволяли членам рода собираться время от времени всем вместе, для того чтобы воздать почести своему главе. Коллективный труд (во время строительства мостов, дорог, храмов или святилищ), требующий большого количества рабочих рук, также объединял весь клан. Таким образом, японская семья была более многочисленной, чем семья, связанная кровными узами. Она являлась прежде всего группой людей, объединенных общими интересами, где каждый разделял успехи и неудачи в коллективной работе.

Одним словом, традиционная крестьянская община держалась на основе общего труда. Внутри нее тенденция к индивидуализму была еще очень сильна. Кроме того, очень сильной была и семейная солидарность на уровне сотрудничества для работы, которая идеологически была ориентирована на сохранение *status quo*.

Такие слова для обозначения семьи, как *кабанэ, сэй, удзи, мёдзи*, употреблялись в основном среди аристократии и до 1870 года не употреблялись простолюдинами. Последние использовали своего рода имена *дзокумё, цусё*, к которым часто прибавлялись обозначения очередности появления на свет ребенка: *таро* (первый сын), *дзиро* (второй сын), *сабуро* (третий сын) и т. д. Женщинам давали «цветочные» имена или имена других предметов, вызывающих положительные эмоции, которым всегда предшествовал префикс «О», выражающий почтение. И лишь женщины благородного происхождения использовали суффикс «-ко»

(ребенок). Но после Реставрации в народе быстро распространилась привычка прибавлять этот суффикс к именам всех молодых девушек, несомненно, чтобы подчеркнуть, что классового различия больше не существует. Поэтому сегодня большинство женских имен в Японии оканчиваются на *-ко*: Ёко, Сацуко, Мизэко, Масако, Рэйко и т. д.

Но у японцев возникали иногда, особенно среди буржуазии, военного сословия, художников и представителей интеллигенции, особые имена с особым значением. Детское имя (*ёмё*) молодые люди носили до тех пор, пока не достигали возраста взрослого мужчины (этот возраст варьировался от одиннадцати до пятнадцати лет). Имелись еще прозвища (*адзана*) или псевдонимы (*го, хаймё, гого, гэймё*), которые зависели от профессии человека, например, от того, был ли он литератором, поэтом, актером, художником. Существовали почетные имена, дававшиеся посмертно (*окуррина*), и имена, обычные для буддистов (*хамё, каймё*). И, конечно же, многие японцы имели «тайное имя» (*нанори, дзисумё*), которым пользовались лишь в особых случаях и которое, по сути, и являлось настоящим именем.

В 1870 году вышел указ, согласно которому каждый должен был выбрать себе фамилию (*мё*), и большинство людей приняли ту, которая была известна в том месте, где они жили или работали. Этимологически «мё» означает «поле, возделываемое сообща группой людей». И каждая такая группа носила коллективное имя, чаще всего связанное с наделом земли, полем, деревом, ручьем и т. д. Когда эта группа оставляла надел и перебиралась на новый участок земли, она также меняла и имя в соответствии с этим новым участком. Фамилия, таким образом, означала только потомков одного общего предка, а общину объединяли земельные отношения.

Фамилия, принятая в 1870 году, отражала не суть семейных отношений, а скорее принадлежность к относительно ограниченной социальной группе. Эта фамилия могла быть названием местности, где жил и работал человек, или фамилией покровительствующе-

го ему человека, хозяина (для слуги) или начальника (для воинов), а иногда монахи принимали в качестве фамилии название своего храма. Отсюда следует, что эпоха Мэйдзи не изобретала новых имен-патронимов, но пользовалась большим числом уже существовавших, обозначавших более или менее важные социальные группы людей, что прекрасно иллюстрирует чувство, которое испытывают японцы, принадлежащие к одной рабочей группе и ставящие общие интересы выше «семейных», как они понимаются нами. Это одна из важнейших характеристик японского общества, в котором чувство принадлежности к социальной группе по работе сильнее, чем принадлежность к «семье». Только женщины, не так активно участвовавшие в общественной жизни, имели несколько отличное представление о семье, основанное больше на отношениях между родителями и детьми, чем на отношениях мужа и жены.

Это хорошо иллюстрируется выражением «*ОЯКО*», которое буквально означает «отношения родителей—детей». Этимологически оно подразумевало участие в работе, часто семейной, но эта концепция была расценена как менее важная, поскольку *ояко* могло объединять слуг или людей, не имеющих кровного родства, а также «усыновивших» их людей. Глава такой рабочей общины воспринимался как отец (*оя*), а остальные члены группы — как дети (*ко*). Поэтому в японской семье различают отца и детей «по рождению», а также «приемных» детей и «отчима», хотя все они носят одно имя.

Б. Чемберлен говорит, что такое усыновление было принято не только для того, чтобы избежать вымирания семьи и как следствие исчезновения культа предков, но также для того, чтобы контролировать ее рост. Так, человек, имевший больше детей, чем он был в состоянии содержать, мог «одолжить» одного или нескольких бездетному другу. Усыновив кого-нибудь, можно было оставить ему наследство, и это было самым простым способом, потому что отпадала нужда составлять завещание на имя чужого человека. Торговец мог «усыновить» главного клерка, чтобы у того появился личный интерес к торговле. В свою очередь, клерк «усыновлял»

сына своего начальника, прекрасно понимая, что должен будет уволиться, когда его «сын» вырастет и сможет заменить своего отца; «усыновленный» же клерк получал взамен определенную сумму денег и мог либо уволиться, либо продолжать работать, как раньше. Если у клерка был сын, то сын начальника мог, в свою очередь, «усыновить» его. Таким образом, в истории управления предприятием чередовались одни и те же имена. Кроме того, очень часто отец «усыновлял» зятя, и тот принимал имя отчима. Это было особенно распространено, если у супругов не было собственных сыновей. В течение некоторого времени после восстановления императорской власти усыновление часто использовалось, чтобы избежать службы в армии, поскольку если сын был единственным, то его освобождали от военной обязанности. Поэтому родители часто предлагали усыновить сына кому-нибудь из друзей, не имеющих детей.

Благодаря этому обычаю усыновления у «родителей» могло быть огромное количество детей, носивших их имя, но по рождению принадлежавших другим семьям. Это осложняло отношения между людьми, но сплачивало их в группы, имеющие общих родителей (*ояката*), к которым они испытывали уважение и которым были верны до конца жизни. До сих пор в современном японском обществе заметен след подобных семей: часто к главе предприятия его подчиненные относятся как к *ояката*, а он, в свою очередь, принимает их как *коката*, то есть своего рода усыновленных детей. Поэтому в наших глазах отношения начальник—подчиненный окрашены в некий оттенок семейственности. Можно провести аналогию с европейским Средневековьем, когда у крестного отца могло быть несколько крестников. Хотя эта тенденция ослабла в период модернизации Японии из-за новых условий существования общества, она довольно сильна и в наши дни.

Как в городах, так и в деревнях существовал обычай устраиваться на работу к тому, кто происходил родом из того же региона страны. Молодые люди вдалеке от родителей и родных мест почти всегда старались со-

здать там, где работали, группы под покровительством *ояката*. В начале эпохи Мэйдзи для молодого человека, приехавшего в город из деревни, было почти невозможно найти приличное место, если ему не покровительствовал такой *ояката* (обычно выходец из той же провинции), который играл роль заботливого отца. Некоторые рабочие коллективы сильно разрастались, особенно если покровитель был влиятельным человеком. К тому же это способствовало расширению семьи каждого из работников, которые были связаны между собой зависимостью от общего *ояката*. «Отец» и «дети» образовывали «большой дом» (*хэя*), имя, которое иногда давалось главе предприятия и которое до сих пор употребляется борцами сумо по отношению к своему наставнику. Поскольку большинство этих покровителей объединялись, либо чтобы разделить сферы работы, либо по финансовым или политическим соображениям, они также составляли нечто вроде конфедерации профессионалов, известной под именем *обэя* («большой дом»). Именно *обэя* стояли у истоков первых синдикатов, в которые входили начальники и рабочие одной профессиональной ветви.

Это «чувство семейственности» или скорее «групповой менталитет» запрещали отдельному человеку иметь мнение, отличное от мнения своего *ояката*, в противном случае ему грозило исключение из группы. От него не требовалось кривить душой, он просто должен был передать свою ответственность лидеру группы, и это объясняет, почему сейчас средний японец с таким трудом берет на себя инициативу даже в самых простых вопросах без того, чтобы не посоветоваться с начальником и коллегами.

Практически полная зависимость членов группы друг от друга и от *ояката* сильно искажила игру в демократию в эпоху Мэйдзи. Каждый *коката* голосовал лишь по прямым указаниям тех, от кого он зависел. Поэтому могли формироваться большие избирательные группы, что позволяло кандидатам (*ояката* или *обэя*) знать заранее с большой точностью число голосов, поданных за них. Это отношение «*ояката* — *коката*» до сих пор мешает развитию демократии.

У каждого покровителя был, в свою очередь, собственный покровитель, так что совокупность *ояката* и *коката* образовывала нечто вроде пирамиды, на вершине которой находились наиболее влиятельные члены каждой *обэя*, они же, как правило, — политические деятели, занимавшие важные посты в правительстве. Собрание образовывало нечто вроде партии (тогда этого термина не существовало), основание которой (*коката*) лишь отражало взгляды *ояката* и, следовательно, наиболее влиятельных *обэя*. Нечего и говорить, что каждый *ояката* считал себя (и считался) заботливым отцом своих подчиненных и всячески помогал им с работой. Зачастую он даже обеспечивал их жильем и выдавал им одежду. Но он также мог удерживать часть их зарплаты (особенно часто это случалось в начале Мэйдзи), считая это естественным. Это неизбежно должно было привести к злоупотреблениям, так что общественные власти забеспокоились и установили определенный размер зарплат, что значительно уменьшило влияние *ояката* в экономическом, но отнюдь не в моральном (и в политическом) плане. «Протеже» все еще были безмерно преданы «покровителям».

Такое положение вещей привело к постепенной замене настоящей (кровной) семьи большими «семьями на работе», состоявшими из коллектива. Лишь в самых глухих деревнях, где подобную систему не признавали и даже презирали, все осталось по-прежнему. Часто случалось так, что крестьянин, вернувшись в деревню после того, как узнал нищету и голод, работая на заводе в городе, оказывался отвергнутым собственной семьей как «чужой», как паразит. К нему относились как к человеку, который только и знал, что потреблять, ничего при этом не производя, что усугубляло бедность крестьянской общины.

С освобождением земли и устранением кланов их члены не были более привязаны к земле и, следовательно, к «рабочему коллективу» (выражение заключено в кавычки, поскольку оно не соответствует европейскому), и могли оседать там, где им хотелось. Те, кто не имел покровителя, или те, кто пытался взлететь на собственных крыльях, могли использовать единст-

венную возможность — устроиться рабочими на завод (поскольку для иного вида деятельности требовалось иметь образование) или же искать отношений «*ояката* — *коката*». Рабочие жили в нищете, работа, которую они выполняли за смехотворно низкую зарплату, была крайне тяжелой. Люди, нанимавшиеся клерками или прислугой, почти всегда попадали в зубчатые колеса отношений зависимости от своих хозяев. Те, кто чувствовал, что в силах вынести подобную жизнь или изначально имел небольшие сбережения, прилагали все усилия, чтобы воспользоваться этим преимуществом и даже иногда жили в некотором достатке. Другие, более многочисленные, периодически возвращались в свои деревни и проводили там некоторое время, пока не приходила пора вновь идти в город на поиски работы. Чрезвычайно жесткая конкуренция делала текучесть рабочей силы очень высокой и вынуждала людей, если они хотели выжить, соглашаться на самую низкую зарплату. Это постоянное блуждание рабочих из города в деревню и наоборот привело к созданию нового типа общества — общества индустриальной эпохи, когда в отношениях между людьми произошли кардинальные перемены. В то время как в самых отдаленных поселениях еще более или менее функционировала старая система, в городе возникла тенденция к созданию «деревень», которая спланировала выходцев из одного региона под покровительством все тех же *ояката*. Крестьяне, с трудом привыкшие к городской жизни, стали собираться в группы в одних и тех же кварталах, на одних и тех же улицах, делили одни и те же бараки и оказывали помощь таким же, как они, выходцам из деревни.

Особняком стояли богатые предприниматели, которые могли позволить себе отправлять детей в школу префектуры и заботиться об их дальнейшем обучении. Получив диплом, они оказывались перед выбором: работать в городе за неплохую зарплату и, в свою очередь, становиться *ояката* или же возвращаться в родную деревню и вести там праздное существование, нанимая рабочих для возделывания полей. Некоторые отказывались обрабатывать землю и становились чиновника-

ми или учителями начальной школы. В любом случае они образовывали семью городского типа, не зависящую от коллективного труда в общине. Женщина сидела дома и не занималась работой вне его, а кровное родство считалось единственно приемлемым. Такие семьи часто вменяли себе в обязанность принимать родственника из деревни и «покровительствовать» ему, приглашать младшего брата, приехавшего в город на учебу, содержать родителей. Все это в значительной мере ослабляло их покупательскую способность и, следовательно, их благосостояние.

Хотя прямого влияния европейских традиций и образа жизни на традиционную японскую семью не наблюдалось, она начала распадаться, уступая место семье западного типа. Это было не очень заметно, потому что групповое мышление не исчезло: оно просто видоизменилось, и муж, единственный, кто зарабатывал деньги, восстанавливал на работе семейную «группу» с отношениями взаимозависимости, которых не было дома. Эта группа представляла собой теперь нечто более абстрактное, чем прежняя «семья на работе». Она скорее была социальной группой, где значимость кровной связи была очень невелика. Можно обнаружить глубокие следы этого группового мышления в современном торговом и индустриальном обществе Японии, проявляющиеся в ношении сотрудниками униформы, знака компании, в практике совместного времяпрепровождения и т. п.

Таким образом, японская городская семья эпохи Мэйдзи, так же как и современная семья, делает акцент не столько на отношениях между супругами, сколько на отношениях между родителями и детьми, которые более эмоциональны, чем отношения мужа и жены. Мужчина, в сущности, представляет собой внешний, «социальный» элемент, зависимый от «рабочего коллектива» и относительно неустойчивый, в то время как замужняя женщина, воплощающая домашний очаг, будущее детей и безопасность престарелых родителей, больше участвует в жизни семейной группы, состоя-

щей почти исключительно из бабушек с дедушками, родителей и детей.

Эта небольшая семейная группа представляла собой экономическое объединение потребителей и не более того, тогда как в предшествующие годы (среди народа) это были производители благ. Замужняя женщина оставалась опорой дома и заменяла теперь главу семьи, которым всегда был мужчина. В период Мэйдзи это старое понятие семьи как «рабочего коллектива» постепенно разрушалось одновременно с изменениями, охватывающими все общество; авторитет отца семейства перешел к матери, которая стала играть роль главной хранительницы очага, чьей основной целью являлась забота о родственниках, о благосостоянии семейного бюджета и образовании детей. Мужчина более не пользовался уважением как «глава рода», но только как отец и «производитель материальных благ», обеспечивающий семью. Зато в этом отношении мать, которая никак не участвовала в производстве благ, стояла значительно ниже его. Между отцом и матерью существовала очень четкая разница в том смысле, что мужчина символизировал «внешнее», «оболочку», а женщина — «внутреннее», «суть». В широком смысле мужчина представлял собой тягу к Западу, а женщина — японский консерватизм. Отсюда два образа жизни, фактически две культуры, «мужская» и «женская», которые, не смешиваясь, дополняют друг друга.

Отношения между мужчинами и женщинами чаще были связаны с экономическими соображениями, чем с чувствами, тем более что брак зачастую заключался при посредничестве *накодо* (сват или сваха), по инициативе родителей или *ояката*. Браки по взаимной склонности молодых людей, распространенное явление в деревнях в предыдущие годы, в городах эпохи Мэйдзи встречались редко, считались чем-то ненормальным и, по общему мнению, могли кончиться очень печально. Свадьба была, в сущности, созданием нового социально-экономического союза, а для чувств в нем оставалось мало места. Значимым событием считалось только рождение ребенка, особенно мальчика, которое скрепляло этот союз. Без-

детные пары вызывали сочувствие соседей и в какой-то степени выпадали из общественной жизни.

Таким образом, в Японии эпохи Мэйдзи общество, претерпевшее глобальные изменения, составляло по меньшей мере три типа семей: городская семья; социально-экономический союз, наследуемый старой аристократической семьей, в которой женщина воплощала собой домашний очаг; деревенская семья — «рабочий коллектив», в котором все члены являлись производителями благ. Последняя категория являлась семьей социопрофессионального типа, состоявшей из более или менее крупных групп, включающей всех, кто выполнял в общине какую-либо работу, независимо от того, были ли эти люди связаны между собой кровным родством или нет. Следовательно, отношения между людьми зависели от их ранга и положения в обществе, которые навязывали каждому определенное место в социальной, семейной или профессиональной группе. Тот, кто не мог влиться в какую-либо из этих групп, вынужден был примкнуть к низшему слою пролетариата, представителей которого практически не считали за людей и нещадно эксплуатировали.

ЯПОНЕЦ КАК ЛИЧНОСТЬ

Восприятие себя как личности

Понять японца очень сложно. Японец эпохи Мэйдзи не слишком отличается от японца предыдущих времен. Но почему и когда он стал тем, чем стал? Является ли человек чем-то большим, нежели результатом положительного и отрицательного опыта предков, конечным продуктом всей цивилизации, чьи корни уходят в почву прошлого его родной страны? Кроме того, современный японец еще меньше отличается от своего соотечественника, жившего в период Мэйдзи. Его чувства несколько не изменились, и в глубине себя он ощущает неразрывную связь с традициями Японии (то есть с тем, что составляет характеристику и сущность этой цивилизации). Абсолютное приятие современной техники, повлиявшее на его внешнее поведение, никак не отразилось на внутреннем мире, то есть на его понимании вещей как «внешних» по отношению к самому себе и к их субъективному ощущению.

Мы уже убедились в том, что манерой поведения мужчина-японец кардинально отличается от женщины-японки: в жизни коллектива у них абсолютно разная экономическая значимость и социальная роль. Если женщина социально более свободна, чем мужчина, то это означает, что она может избежать ряда обязанностей, накладываемых социопрофессиональной

группой. Мужчина же по рукам и ногам стянут ремнями этих обязанностей и долга: никто ему ничего не должен, но зато он должен всем. С самого рождения он начинает выплачивать долги, и это — единственное его право, данное ему от природы. Живя в обществе, он имеет долг перед императором и нацией, родителями, *ояката*, наставниками, начальниками, *коката*, детьми, другими членами семьи, подчиненными. Что касается женщины (разумеется, речь идет только о замужней женщине, так как лишь в этом случае она «существует для общества»), то ее обязанности распространяются лишь на ее родителей и родителей мужа, детей и, наконец, собственно на мужа и слуг, если таковые имеются. Что касается «долгов», то единственно значимый из них она имеет перед мужем. Неженатый молодой человек начинает приобретать вес в обществе, когда вступает в «рабочий коллектив». Молодая женщина обычно также занимается каким-либо трудом, но общество воспитывает ее и занимается ее образованием лишь для того, чтобы сделать из нее почтительную супругу и примерную мать семейства. Это ее основная роль.

Мужчина же — прежде всего производитель благ, составляющий часть группы, объединения на работе, социума. Простора для инициативы мало, он сам не слишком стремится занять ответственную должность, его устраивает место, предоставляемое группой. В качестве отдельного индивида он имеет небольшую ценность, если только не достигает определенной известности или положения общественного руководителя. Его уважают только как производителя благ, о чем уже говорилось выше, но не как потребителя (после последней войны положение немного изменилось). Это расходится с ситуацией в странах Запада, где «потребители» благ имеют большое преимущество перед их производителями.

Как только мужчина в Японии достигал пенсионного возраста (обычно в шестьдесят лет) и автоматически переходил в разряд потребителей, он немедленно терял всякую социальную значимость. Молодежь выказывает уважение возрасту (этого требует конфуцианская традиция), но членами социаль-

ной группы производителей старики больше не являются, и единственное право, которое им остается, — это возможность спокойно умереть, принимая заботы родственников. В социальном же отношении они становятся иждивенцами. Их почитают, с ними советуются (однако этим советам можно и не следовать), отмечают их дни рождения и избавляют от тяжелой работы. Это отношение к старикам, характерное для японцев прошлых веков, усилилось в период Мэйдзи из-за роста населения и огромных экономических трудностей, с которыми боролись семьи, чтобы выжить. Оно сохраняется кое-где в деревнях и среди некоторых пластов городского населения, в основном у молодых мужчин, для которых старость означает конец деятельной жизни. Старик или тот, кто вышел на пенсию, становится «немогущим», и законы не могут здесь ничего изменить: это факт. Они больше не входят в группу производителей, они изолированы от жизни и потеряны для общества. Кроме того, они становятся обузой. Этим объясняется огромное количество самоубийств, совершаемых не только пожилыми людьми (среди которых были и весьма известные люди), но и молодыми, теми, кто потерял (или по тем или иным причинам не смог найти) свое место в обществе. Действительно, индивид как таковой практически не может существовать в японском обществе, традиционном или современном — не суть важно.

Но наше знакомство с повседневной жизнью японцев поверхностно и не затрагивает бесчисленных ее нюансов. Описанное выше положение дел применимо в период Мэйдзи к основной массе населения: крестьянам, служащим, рабочим, ремесленникам. Представители же образованных кругов общества выходили иногда за эти жесткие рамки и, хотя сами должны были выполнять разные обязанности и обязательства (*он, гири, гиму*), имели возможность избежать негативных сторон и последствий некоторых из них.

Здесь необходимо коснуться той паутины обязанностей и долга, в которой намертво запутывается каждый японец. В Японии различают три вида своеобразных приказов или обязательств, которые управляют

жизнью каждого жителя этой страны и о которых необходимо иметь представление, если есть желание хоть немного разобраться в причинах того или иного поведения японцев. Форма «он», относящаяся к основным понятиям этики, требует, чтобы кто-либо (не важно, кто), получающий услугу («милость») от кого-либо или от общества, был безоговорочно поставлен в положение должника. Обязанности, которые, таким образом, получает человек, являются либо пассивными (*ко-он* — милость императора плюс то, что человеку дается от рождения — *оя но он*, или милость родителей, *нуси но он*, или милость, полученная от вышестоящих, *си но он*, или милость, полученная от наставника, учителя и т. д.), либо активными (*гири* или *гиму*). Тот, кто предоставляет эти милости, называется *ондзин*.

Гиму касается всех обязательств человека перед *ондзин*. Это неоплачиваемый долг, тяготеющий над каждым японцем с самого рождения: долг перед государством, перед обществом, перед семьей, перед учителями, которые ему помогают. Различают *тю*, то есть вечный долг перед императором, государством и Японией, и *нимму*, то есть обязанности по отношению к вышестоящим. *Гирри* — это «долг поведения», жестко регламентирующий манеру поведения каждого не только по отношению к обществу, семье и вышестоящим, но и по отношению к самому себе. Суть его в том, чтобы «не потерять лицо», то есть не совершить того, что может оказаться предосудительным и задеть честь семьи или имени (профессиональная ошибка, нарушение обещания, ошибка при выплате долга, не оказание взаимной услуги, неуважение к себе и т. д.). Это то, что ставит человека на определенную социальную ступень, то поведение, которого ждут от него окружающие.

Тот, кто пренебрегает строгим соблюдением этих *он* (*гири* или *гиму*), автоматически становится «асоциальным» и нередко исключается из общества как чужеродный элемент. Что касается современности, то эта паутина обязанностей отнюдь не исчезла, но ее рисунок становится все более размытым, и признаются многочисленные отступления от жестких норм. Но в

тот период, который мы рассматриваем, обязанности и долг соблюдались со всей строгостью. Люди, которые работали не по найму, и представители интеллектуальной элиты, ведущие немного иной образ жизни, чем рядовые японцы, ни в коей мере не избежали всех хитростей этикета, но сумели свести к минимуму последствия пребывания в этой неволе, сумели отстоять право на собственное мнение и на то, чтобы всегда оставаться включенными в активную деятельность. Разумеется, те, кому посчастливилось избежать ига группы, или те, кто эти группы возглавлял, могли в какой-то степени пренебрегать рамками *он*. Здесь таится одна из причин, по которым реформы Мэйдзи не были выражением воли народа (она в любом случае не могла быть выражена, даже если бы народ этого захотел), но проводились «сверху» теми, кто не был опутан сетью обязанностей, мог мыслить самостоятельно и принимать на себя инициативу. Этим объясняется огромная роль, которую сыграла элита, то есть абсолютное меньшинство, в социальных преобразованиях. Демократизация, изначально направленная на то, чтобы завоевать для Японии почетное место среди наций и дать свободу ее народу, стала только помехой. На самом же деле все реформы были проведены силами горстки политических деятелей, подчинявшихся интеллектуальной элите. Чтобы создать для себя иллюзию, будто они думают самостоятельно, эти люди безуспешно пытались (и им для этого требовалось мужество) с грехом пополам приспособить философские, религиозные и политические идеи Запада к японской действительности. Во второй главе мы рассмотрели, каким образом эти идеи эволюционировали в период Мэйдзи. Народу — производителю благ, выполняющему свое предназначение в обществе — оставалось только следовать прямым указаниям «сверху», принимая реформы и удобства, предлагаемые им (конечно, когда их не навязывали). Врожденное любопытство японцев, тяга ко всему новому и некоторый снобизм привели к тому, что западные обычаи перенимались, по крайней мере в начале описываемого периода, со слегка наивным энтузиазмом. Капиталистическая система довольно дол-

го предшествовала демократизации страны, которая принесла действенные результаты только после Второй мировой войны. Но все же старые обычаи не были окончательно отброшены и, если какие-то из них исчезли, большая часть осталась наряду с нововведениями. Японцы не могли отказаться от этой радости сердца, от того, что составляло их традиционное «искусство жить».

Накопление, наслоение самых разных традиций и устоев присуще японской цивилизации с самого начала ее возникновения. Оно и сегодня придает Японии особую оригинальность и создает, вероятно, самую наполненную культуру, какую только можно себе представить. В самом начале японской истории было принято и ассимилировано влияние Китая, в период правления сёгуна Токугавы эта разнородная смесь устоялась, так что в стране к началу периода Мэйдзи появился настоящий слиток старых обычаев, в котором с трудом можно было отличить исконно японские элементы от заимствованных. Идеи и технические достижения Запада были добавлены не к разнородному сплаву, в котором они растворились, как можно подумать, но к цельному блоку, который принимал только самые необходимые добавления.

Ребенок в Японии

Изменения в японском обществе начались в период Мэйдзи и длились до Второй мировой войны. После ее окончания в стране произошли последние важные изменения, затронувшие внешнюю сторону жизни и ее условия, но мало отразившиеся на поведении людей. И в повседневной жизни они, как и раньше, продолжали соблюдать обычаи, причем некоторые из них уходили истоками во тьму веков. Медицина и гигиена, несмотря на применение западных технологий, редко покидали стены городов и очень медленно внедрялись в жизнь людей.

В начале эпохи Мэйдзи врачи в Японии были редкостью, и крестьяне предпочитали в соответствии с

обычаем полагаться на молитвы и заклинания для лечения от болезни, а не обращаться к врачу, использующему непонятные им средства.

Традиционная медицина процветала среди всех слоев населения, и, несмотря на усилия государства ввести новые способы лечения, в Японии существовала инстинктивная неприязнь к врачам-иностранцам, эффективность метода которых не была освящена обычаем. Это одна из причин, почему детская смертность в период Мэйдзи оставалась такой же высокой, как во время правления сёгуната. Хотя правительство, встревоженное этим обстоятельством, прилагало невероятные усилия, чтобы уже в начале эпохи Реставрации провести вакцинацию против оспы, условия жизни в городах и деревнях были настолько тяжелыми (исключение составляли лишь избранные слои общества), что это не позволяло улучшить ситуацию. Вакцинация сократила число смертей от оспы, особенно среди детей младшего возраста, но не могла решить ни проблему, связанную с плохим питанием и несоблюдением правил гигиены, которая часто становилась причиной выкидышей, ни проблем послеродовой лихорадки и других болезней, которые угрожают матери и ребенку.

В деревнях, где нищета была просто ужасающей, детская смертность была связана, помимо всего прочего, с многочисленными убийствами новорожденных, совершаемыми из чисто экономических соображений. В начале эпохи Мэйдзи количество детоубийств резко сократилось, чему немало способствовали новые законы, но все же детская смертность все еще была крайне высокой. Беременные женщины почти никогда не обращались за консультацией к врачу, но зато к их услугам были разнообразны поверья, меняющиеся от провинции к провинции. Так, например, следовало питаться определенным образом и произносить определенные заклинания, чтобы роды прошли благополучно. Предписывалось облегчать появление на свет младенца призыванием *ками* и молитвой богам, особенно *ками*, покровительствующему роду (его часто символизировал простой камень), чтобы они защитили ребенка. К этому каменному идолу обращали мо-

литвы, начиная с пятого месяца беременности, так же как и молитвы к *Эбису*, одному из семи божеств удачи (*Ситифукудзин*) японского фольклора. Камень-*ками* полагалось ставить на алтарь на седьмой день после рождения ребенка. К моменту родов женщине выделялось особое место (в богатых семьях — отдельный домик, построенный специально для этого случая), где она жила в течение месяца после родов. При родах присутствовала акушерка, которая не только умела их принимать, но и присматривала за новорожденным, приобретая, таким образом, особый статус по отношению к ребенку, которому она помогла появиться на свет. Всю свою жизнь тот должен будет почитать ее и оказывать ей всяческое уважение. Эти акушерки были, как правило, старыми матронами, которые слыли кем-то вроде «жрец в миру» или добрых колдуний, пользующихся особым благоволением богов. Когда у матери не было молока и она не могла сама кормить младенца, на помощь приходила одна из соседок и становилась кормилицей. Даже если эта услуга была временной, ребенок все равно должен был всегда помнить о ней. Как мы видим, он «обрастал» разного рода долгами с самого рождения.

Как только ребенок появлялся на свет, ему давали немного риса, предложенного до этого *ками* рождения в качестве подношения, а также воды, чтобы запить этот рис. Затем, в соответствии с обычаем, этот рис ели мать и как можно большее количество людей. Спустя какое-то время после рождения ребенка в семье проводили очень важную церемонию представления младенца божеству семьи или рода, сопровождающуюся посещением деревенского святилища. Обычно она происходила на тридцатый день после рождения, когда мать могла наконец покинуть свое одинокое жилище и сама представить ребенка богам. Его щипали, чтобы он заплакал и богиня, услышав его голос, могла его узнать. Но перед этим обычай требовал выбрить ребенку голову на седьмой день, оставив только маленькую прядь волос. Эту процедуру, которую часто проводила сама мать, повторяли до того момента, когда ребенок достигнет школьного возраста (то есть до се-

ми лет). К несчастью, выполняли без соблюдения правил гигиены, бритвы были сомнительной чистоты и никогда не дезинфицировались, поэтому почти все дети страдали экземой, поражавшей кожу головы и образующей коричневую корку. Эти раны не лечили: в народе считалось, что они только укрепляют здоровье ребенка. Уродливые корки исчезали сами, когда детей переставали брить.

Малышей отнимали от груди очень поздно, некоторых — в четыре-пять лет. Как только они начинали делать первые шаги, на лбу им чертили знак сажей, взятой из очага, или краской для губ; в этом знаке японские и китайские иероглифы означали «большой» или «собака». Также ребенка заставляли перейти маленький мостик через ручей, веря, что это отвратит от него зло и принесет здоровье. Под подушку клали фигурку, изображающую щенка (*ину-харико*): собака считалась защитником детей и символом охраняющего божества. В разных частях страны были свои обычаи, но все они имели целью обеспечить ребенку долгую жизнь, так как считалось, что до семи лет его охраняют боги. Его окружали постоянными заботами как родители, так и члены общины и соседи, позволявшие ему делать все, что заблагорассудится, и не мешающие ему ни в чем, чтобы не обидеть *ками*, воплощенного в ребенке.

Маленькие дети почти все время проводили на спине матери, занимающейся своими делами с этой ношей. Их защищал и удерживал широкий *хаори*, сделанный из куска ткани. Если мать не могла носить ребенка, это делала его старшая сестра или соседская девочка. Многих иностранных путешественников удивляли встречи с женщинами и девушками, к спинам которых были привязаны дети. Ребенка никогда не оставляли одного. Даже когда он спал в своей корзине, заменяющей колыбель, в то время как родителей не было дома, пожилые люди охраняли его сон, и это считалось их обязанностью. Если по тем или иным причинам никто из домочадцев не мог этого сделать, побыть с младенцем просили соседей. Повсеместно можно было видеть, как маленькие девочки шагают в школу с ребен-

ком на спине — своим братом или сестрой или просто с соседским малышом.

Как только ребенок в Японии начинает ходить, он, подобно всем детям, начинает играть, сначала внутри дома (где нет почти никакой мебели, поэтому ему ничего не угрожает), потом — на улице, но всегда под присмотром кого-нибудь из старших. Игры у маленьких японцев очень простые и мало отличаются от игр их сверстников из других стран, а игрушек очень мало, и поэтому ребенок довольствуется тем, что находит вокруг себя: куском дерева, камнями, иногда ненужными предметами из домашнего обихода. Настоящие игрушки перепали ему только по большим религиозным праздникам: маски танцоров Кагура или Но, маленькие флейты или барабаны. Иногда для детей из тряпок и дерева мастерили кукол, но этот обычай практиковался только в нескольких княжествах, в основном на севере Японии, где долгими зимними вечерами родители вырезали для детей таких кукол, называемых *кожэси*, у которых не было ни рук ни ног. Мальчикам дарили деревянные сабли, с которыми они играли в самураев, девочкам — лоскуты материи, из которых они пытались сшить кимоно. Кроме того, в качестве игрушек использовались глиняные или деревянные фигурки богов из японского фольклора, например, Дарума*, в пустых глазницах которого полагалось нарисовать один зрачок, когда загадываешь желание, а второй добавить, когда это желание исполнялось. Но с приходом западных обычаев и традиций в Японию пришла мода на игрушки, изготовленные специально для детей. «Сёсукэ увидел на другой стороне улицы человека лет тридцати с целой шапкой черных волос на голове, который сидел прямо на земле, скрестив ноги по-турецки, и, крича «Сюда! Сюда! Развлечения для детей!», надувал огромный каучуковый шар. Увеличиваясь в размерах, шар превращался в Даруму с нарисованными тушью глазами и ртом. Сёсукэ был совершенно

* Дарума (Бодхидхарма) был буддийским монахом, жившим в Китае в VI веке. Легенда гласит, что он предавался медитации, повернувшись лицом к стене, в течение девяти лет. Из-за этого ему отказали глаза и ноги.

околдован: если и дальше дуть в этот шар, он ведь так и будет расти! Человек поставил Даруму на кончик своего пальца, и Дарума послушно застыл в равновесии. Затем, стоило ввести в шар тонкую деревянную трубочку, похожую на зубочистку, как он внезапно сдувался».

Так в Японии родилось производство игрушек для детей, изготавливаемых по западным образцам. Игрушки стали появляться и в народе, причем по очень низким ценам, и очень скоро в распоряжении детей оказались бумажные змеи, волчки, заводные игрушки, а также различные сувениры (*миягэ*), которые теперь продавались в различных святилищах и которые привозили из паломничеств. В этом отношении модернизация страны была с восторгом воспринята детьми всех сословий, всегда тянущихся ко всему новому, и вскоре механические игрушки произвели в Японии настоящий фурор. Предприятия, занимающиеся их выпуском, проявляли большую изобретательность и в начале XX века начали экспортировать свой товар в Гонконг, Сингапур и даже в Америку, где он был встречен с большим любопытством, поскольку на нем значилось «Изготовлено в Японии».

Тем временем дети занимались не только традиционными играми вроде жмурок, «полицейских и воров», игр с мячом, прятки, хороводов и считалок, но и придумывали новые, что свидетельствовало об изменении нравов. Дети не преминули отметить, что, например, европейцы или те, кто им подражает (а их было очень просто узнать по одежде), носят часы в жилетном кармашке. И вот, заметив на улице такого важного господина, они с непосредственностью, присущей детству (кроме того, им неведома была сеть обязанностей и норм поведения, связывающая взрослых по рукам и ногам), подбегали к нему, чтобы спросить, который час. Но перед тем как задать вопрос, дети устраивали игру в загадки, пытаясь заранее определить, какой формы, размера и цвета будут часы. Как только господин извлекал часы из кармана, ребята окружали его, чтобы как следует рассмотреть предмет спора. Тот, кто оказывался ближе всех к истине, выигрывал. Это развлечение было очень популяр-

ным в середине периода Мэйдзи. Даже сегодня иностранца иногда окружает стайка детей и вежливо спрашивает по-английски: «*Который час, сэр?*» — с таким видом, словно их в самом деле интересует время. Но это — просто игра.

Детям предоставляли необычайную свободу (впрочем, так дело обстоит и сейчас), относились с большой снисходительностью ко всем их выходкам, что позволяло им быстро развиваться, приобретать независимость и оригинальность мышления — качества, которые школа, куда дети начинали ходить в возрасте семи лет, быстро пресекала.

Самое большое развлечение детям доставляли местные праздники. Родители охотно позволяли подросткам выполнять ритуалы, особенно те, которые имели религиозный характер и традиционно отмечали месяцы и времена года. Среди этих больших праздников самыми значимыми были праздник третьего дня третьего месяца (*хинамацури*), праздник кукол, во время которого маленькие девочки приглашали подружек «на чай», угощали кукол, рассаженных на покрытом красной тканью возвышении и изображавших императора, императрицу, придворных и музыкантов; праздник пятого дня пятого месяца (*гогацу-сэжу*) был посвящен мальчикам; среди прочих можно назвать также праздник двойных звезд (*танабата*), праздник хризантем и другие. И родители, и дети охотно в них участвовали. Малыши переодевались в праздничные кимоно, исполняли песни и танцы, соответствующие празднику. Дети постарше ходили по улицам и продавали пирожные, свечи и сувениры, чтобы заработать несколько сэн. Они с наслаждением играли в буддийских или синтоистских спектаклях, сопровождавших каждый праздник. Кроме того, им доставляло большую радость помогать родителям в подготовке к торжествам, связанным с наступлением Нового года. В деревнях и даже в отдельных городских кварталах собирались группы детей, которые под предводительством самого старшего или самого бойкого устраивали разные игры или стучались в дома, чтобы их угостили сладостями:

когда в доме праздничный обед, никто не откажется выделить ребенку несколько пирожных. Так, играя, маленькие японцы способствовали закреплению праздников и ритуалов, в сакральное значение которых их родители не верили, но которые продолжали соблюдать, чтобы не лишать детей удовольствия.

Как только ребенок достигал возраста семи лет, то есть с того момента, когда он должен был стать полноценным членом общества, отношение родителей и других взрослых к нему кардинально менялось: наступило время учиться, а этот процесс неизбежно сопровождался наказаниями и запретами. Перед эпохой Мэйдзи почти всегда единственными учителями ребенка были его родители либо, если семья была богатой и знатной, монах или старый слуга. Это образование носило прежде всего практический характер: необходимо было ввести ребенка в мир традиций, познакомить с правилами поведения, соответствующими его социальному статусу, побудить его следовать обычаям и научить ремеслу или искусству, которым занимались родители (профессии в то время, как правило, передавались по наследству). Так было в начале эпохи Мэйдзи, но позже число школ стало постоянно возрастать и их посещение стало обязательным. Образование детей разделилось на домашнее, которое давали родители, и на школьное, носившее более теоретический характер. Но посещение школьных занятий не было регулярным: дети нужны были дома, чтобы помогать родителям в поле, а на тех, кто жил в городах, ложились домашние обязанности и зачастую помощь родителям в торговле. Они постоянно следовали примеру родителей и остальных взрослых, им волей-неволей приходилось жить в их обществе, и взрослые наставляли их, порой весьма грубо, на путь истинный. Детей очень рано приучали к работе и к различным обязательствам, и эта наука часто сопровождалась выговорами. Они должны были приобретать понятие о том, как нужно приветствовать человека по всем правилам вежливости и вести себя в точности как взрослые, во всем следуя

традиции. После семи лет детей переставали холить и лелеять и обычные проявления нежности становились редкими: нужно было, чтобы ребенок научился контролировать проявление эмоций, особенно на людях, и вел себя достойно. Объятия и поцелуи остались в прошлом, и от детей требовали вежливого и учтвого поведения. Мальчиков учили гордиться тем, что они мужчины, а девочки усваивали скромный и почтительный тон.

Школа уделяла больше внимания теории, чем практике, и открыто презирала национальные обычаи, которые считала не соответствующими духу современности. Но о природном антагонизме между «светским» учителем и «консервативным» населением речи не шло, скорее проблемой являлось незнание местных традиций. Учителя часто уходили в отдаленные регионы и занимались тем, что прививали своим воспитанникам дисциплинированность и отрывочные сведения из современных наук. Поэтому очень быстро дети, как и взрослые, вставали перед необходимостью увязывать две различные линии поведения: одна, чисто традиционная, управляла жизнью в семье, другая, современная, — в школе. Негативная сторона этого разделения заключалась в том, что дети стали считать обычаи своей страны вредными для прогресса и даже не пытались делить их на «хорошие» и «плохие». Это привело к тому, что некоторые из них, когда выросли, выпали из старой семейной системы. Но зато посещение школы научило их грамотности и познакомило с техническими и научными достижениями современности. Такие дети становились самыми образованными в своей семье, где часто ни родители, ни бабушки с дедушками не умели читать и писать.

К концу эпохи Мэйдзи школ стало так много, что даже самые отдаленные от города деревни не обходились хотя бы без одного класса. Почти все японцы моложе сорока лет умели писать и читали газеты. По данным официальной статистики, к 1903 году более чем в двадцати семи тысячах начальных школ обучались дети от семи до двенадцати лет, и одиннадцать ты-

сяч учителей преподавали более чем пяти миллионам учеников. И это — если не считать многочисленных негосударственных учебных заведений. Достаточно сказать, что посещение школы, по крайней мере начальной, стало всеобщим.

Что касается средней школы, то в ней училось гораздо меньшее количество детей, отчасти потому, что ее посещение не было обязательным, отчасти потому, что родители не имели средств, чтобы оплачивать обучение в ней. Так что большинство деревенских детей и детей из рабочих кварталов городов, получив начальное образование, бросали школу, чтобы посвятить себя работе в поле или обучению профессии у своих родителей. Дети рабочих или те, чьи родители не имели земельного участка, шли работать на завод, где им поручали наиболее неквалифицированную и монотонную работу. Лишь некоторые семьи могли позволить себе отправить детей в среднюю школу, находящуюся в ближайшем городе, и в этом отношении, конечно, детям горожан было куда легче. Образование, которое давали колледжи, почти всегда становилось в оппозицию к традиции, и ученики колледжа, естественно, начинали предпочитать новые идеи старым, что усиливало расхождение во мнениях между родителями и детьми, между практическим знанием, предписываемым первыми, и теоретическим, которому учили преподаватели. Вынужденные подчиняться в школе строгой дисциплине, учащиеся колледжей часто пренебрегали своим долгом по отношению к родителям, а их поведение вне школы нельзя было назвать образцовым, к большому горю родителей и старшего поколения вообще. Но, с другой стороны, юноши и девушки, приезжавшие в родную деревню на каникулы, привозили массу новостей и побуждали родных пользоваться теми или иными достижениями техники, которые широко использовали в городе, но о которых в деревне ничего не знали. Таким образом, из города в самые отдаленные деревни перетекали элементы западной культуры, что подготовило даже наиболее реакционно настроенные умы к принятию новых зако-

нов и новой системы администрации. Кроме того, благодаря школьной молодежи происходило своего рода взаимопроникновение традиционной и современной культур, что приносило огромную пользу как городу, в который постоянно стекались молодые люди, составлявшие интеллектуальный потенциал Японии, так и деревне, куда школьники приносили новые идеи и достижения науки. В деревне те, кто был вынужден бросить учебу, считали совершенно естественным следовать поведению и образу мыслей счастливых, продолжавших обучение в городе. Так что деревенская молодежь всегда была в курсе того, что происходит в культурной жизни страны и в среде городской буржуазии.

Часто встречались молодые люди, которые желали продолжить обучение, не бросая при этом своих занятий. Они доставали книги и проводили вечера в своей комнате за чтением и учебой, при дымном свете масляной или керосиновой лампы, и, поскольку китайские и японские иероглифы очень трудно разбирать, многие из них платили за образованность сильной близорукостью. Типичное для Европы начала XX века (и до Второй мировой войны) представление об образованном японце как о человеке в больших круглых очках идет именно отсюда, и вызвано оно тем, что в студенческие годы большинство японцев портили себе зрение, сидя над книгами при плохом освещении. Молодые люди всех слоев общества прекрасно понимали, что хотя бы без минимального образования им ни за что не добиться лучших условий жизни, к чему все они или почти все (а их семьи, возможно, еще более страстно) стремились. Времяпрепровождение у *ирори*, когда взрослые и дети собирались вокруг очага и слушали древние истории и впитывали старые традиции, осталось в прошлом; отныне каждый член семьи, а молодые особенно, могли уединиться и заниматься своими делами. Только старики остались верны своему месту у *ирори*, где они спрашивали друг друга, покачивая головой, куда приведут Японию все эти нововведения.

Подросток

В Японии прежних времен каждая деревня обладала определенной административной и финансовой автономией. Обычай требовал, чтобы молодые люди от семнадцати до двадцати пяти лет объединялись в своего рода ассоциации под предводительством самого старшего из них. До сих пор по всей Японии во главе различных обществ стоят самые старшие, пусть и не всегда самые достойные, и это помогает избежать зависти и интриг. Иногда эта традиция доставляет определенные неудобства, поскольку пожилые руководители порой оказываются неспособными к выполнению своих обязательств. Но все решения принимались только после предварительного обсуждения, и это помогало избежать серьезных ошибок. Подобный метод до сих пор применяется в управлении даже в крупном производстве.

Группы молодежи под надзором взрослых выполняли крайне важные задачи, такие как организация праздников, помощь старым или больным людям, борьба с пожарами и особенно функции полицейских. Таким образом, молодым людям очень рано прививалось чувство коллективной ответственности и уважение к традиционным ценностям. Прием в группу сопровождался ритуалом, немного похожим на обряд приема в скауты в Европе, во время которого кандидаты должны были продемонстрировать свое мужество и решительность. В принципе вся деревенская молодежь подходящего возраста составляла подобные общества, и иногда верхняя планка поднималась до тридцати пяти лет. Внутри групп также существовали свои возрастные категории, и практически всегда власть принадлежала старшим. Функции полиции (но не органов правосудия), которые они выполняли, придавали им большой вес в деревне или в тех городских кварталах, где они жили. Таким образом, вовлеченные традицией в подобные группы (*вакасу*) молодые люди чувствовали, что они как-то уравнивают общество взрослых (то есть тех, кто уже имеет собственные семьи), хотя и подчиняются ему. Они очень гордились своей значимос-

тью и выполняемой ролью, ведь благодаря им в общине царил порядок, и официальным властям приходилось крайне редко прибегать к помощи настоящей полиции.

Но наступили иные времена, и положение дел начало меняться. Армия и полиция стали предметом заботы государства, и вскоре в каждой деревне появились полицейские, одетые в униформу и призванные поддерживать порядок, — полицейские, зачастую происходившие родом из далеких чужих провинций. Поэтому редко случалось так, что новые стражи порядка знали обычаи той местности, где несли службу, и в деревнях, представлявших собой закрытые системы, их считали пришлыми. Из-за этого официальные полицейские стали не слишком удачной заменой молодежи, чьей основной задачей было следить за порядком. Но *вакасу* исчезли не сразу. Поскольку они не имели ничего общего с официальными властями и их существование было узаконено лишь обычаям, насильно лишённые своей функции, они восстали против общества. Группы молодежи, прежде поддерживавшие порядок, выродились в банды, которые кичились тем, что нарушают закон и сеют хаос. Кроме того, в некоторых случаях новые административные единицы возникали из-за слияния нескольких деревень под единым административным надзором, и *вакасу* возбуждались примитивным чувством соперничества. Домики для чайной церемонии превратились в штаб-квартиры этих «ничемных типов», как назвал их Нисимура Сигэки в своей книге «Нихон Дотоку-рон» (*О японской этике*), опубликованной в 1886 году. Но вскоре волнения прекратились, стали создаваться новые молодежные организации, которые преследовали разные цели (изучение новых веяний, идей, наук и сфер их применения) и состояли, как правило, из студентов. Увеличение числа школ и колледжей способствовало исчезновению бывших *вакасу*. Молодой двадцативосьмилетний учитель Ямамото Такиносукэ из Хиросимы попытался реорганизовать старые молодежные объединения, установив для них новую мораль и поощряя обмен мнениями между группами по примеру АХМ (Ассоциации хрис-

тианской молодежи), созданной в Токио по инициативе американских пасторов. Филиалы АХМ появились во всех крупных городах начиная с 1880 года. Власти признали эти ассоциации и даже поощряли их создание, видя в них превосходное средство для распространения новых идей в народе. К 1910 году насчитывалось более восьмидесяти двух официально признанных организаций.

Но в большинстве деревень все еще существовали молодежные объединения старого типа, и между ними и властями (если не сказать полицией) возникали конфликты. Всеобщая воинская повинность развалила наиболее активные ассоциации, и вскоре они полностью исчезли.

Но дух принадлежности к группе слишком глубоко засел в сознании молодых людей и требовал сплочения и организованности. Поэтому почти повсеместно с одобрения правительства создавались «ассоциации по продвижению культуры», вступая в которые молодые люди не играли какой-либо активной социальной роли, но посвящали себя культурной деятельности. Благодаря этим новым объединениям многие обычаи и праздники избежали забвения.

Но и здесь сохранялся былой дух *вакасу*: чтобы вступить в организацию, претендент должен был с честью выдержать разнообразные физические испытания, варьировавшиеся в зависимости от региона, и дать торжественную клятву соблюдать устав. Принятый в ассоциацию молодой человек надевал символическую набедренную повязку — *фундоси*, носил с собой набор для курения табака и мог с полным правом участвовать вместе с остальными членами в деятельности группы. Вопрос о работе на благо деревни или о выполнении функции полиции уже не поднимался, молодые люди занимались только разнообразными науками и организацией традиционных праздников и *мацури*. Даже в наши дни можно видеть, как члены этих молодежных объединений, одетые только в *фундоси* и с головами, обернутыми кусками белой ткани (*хатимаки*), несут на плечах огромные паланкины во время проведения ритуальных процессий *мацури*.

Эти изменения в деятельности и в целях молодежных организаций привели к тому, что внутри них стали вестись философские беседы и диспуты. Школьники и учащиеся колледжей считали, о чем уже было упомянуто, старые обычаи Японии недостойными внимания и даже с некоторым презрением относились к историческому прошлому страны, предпочитая проводить время за изучением западных цивилизаций, материального прогресса и технических новинок. Задачей новых молодежных объединений стало сгладить эту тенденцию к пренебрежению национальными ценностями. Юноши должны были соблюдать старые ритуалы, что усиливало сплоченность их коллектива и решимость сохранить обычаи любой ценой. Таким образом, несмотря на то, что, казалось, молодежь в эпоху Мэйдзи отошла от традиционных представлений, она все же продолжала следовать наиболее ценным обычаям Японии. Нам это кажется несовместимым и противоречивым, но для Японии это в порядке вещей. И мы должны сказать спасибо этим организациям за то, что в период духовного беспорядка, царившего тогда в стране, они сумели сохранить крупные религиозные праздники, или *мацури*, которыми мы можем наслаждаться сегодня.

Чувство коллективизма было все еще живо, особенно если дело касалось совместной работы, так что временно в городах и деревнях то и дело на короткое время воскресали «рабочие коллективы». Молодежь, посещавшая школы и колледжи, стремилась утвердить свою независимость и продемонстрировать свои лучшие качества. Это было возможно только через успехи в учебе. Отсюда яростное стремление, которое и в наше время толкает молодых японцев на «подвиги» в школах, колледжах и университетах. Занятия отнимали все больше и больше времени, и молодые люди стремились работать сами по себе, а ассоциации, вначале кипевшие жаждой деятельности, становились все более спокойными и, чтобы лучше быть принятыми социумом в целом и государством в особенности, постепенно перенимали все взгляды правительства, которые, по их мнению, давали стране единственный шанс

встать на путь прогресса. Студенты с каждым днем все глубже осознавали, какую важную роль предстоит им сыграть в судьбе нации, не как группам времен *вакасу*, а как отдельным личностям.

Государство покорно служило честолюбию молодежи и ее участию в «культурных обществах», чтобы поддерживать проводимую политику. Особой благосклонностью пользовались те, кто изучал право, поскольку именно оно могло в будущем обеспечить студенту блестящую карьеру. Затем следовала медицина, за ней — технические специальности. Определенное число молодежи увлекалось и литературой, поскольку она помогала выразить тонкую гамму эмоций, но в то же время ее считали «вчерашним днем культуры» по сравнению с «серьезными» занятиями, полезными и практичными.

В отличие от своих западных сверстников японская молодежь игнорировала занятия спортом. Крестьяне ежедневно укрепляли тело, занимаясь тяжелым трудом, а юноши из класса самураев часто увлекались верховой ездой, упражнениями с саблей или луком, что зависело от того, какую школу боевых искусств предпочитал клан. Сумо в это время считалось скорее традицией, а не собственно видом спорта, и если этот род борьбы сейчас пленяет толпы японцев, то потому, что обряд был превращен в спектакль и, как и прочие виды спорта, сделался предметом спекуляции. Сегодня сумо просто зрелище, а религиозное значение его почти полностью утрачено. Если ежегодный обычай взбираться на вершину Фудзи по крутым склонам в течение долгого времени существовал среди мужчин всех возрастов (женщины не допускались к подъему на Фудзи), то он был не просто альпинизмом, а выполнением особого ритуала. Также и представления, устраиваемые юношами во дворе святилища, когда они поднимали огромные тяжелые валуны, являлись ритуалом, призванным выяснить, расположены ли *ками* к этим молодым людям. Как и в большинстве других стран, в Японии физическая сила высоко ценилась не с точки

зрения эстетики, но потому что считалось, что сильный молодой человек пользуется особым покровительством богов. Поэтому к местным силачам относились как к людям, которым помогают невидимые высшие силы. В рыбацких деревнях между рыбаками каждый год устраивалось что-то вроде лодочных гонок, и общины, поддерживающие команды гребцов, могли довольно точно предсказывать свое будущее и будущее рыбаков. Кроме того, ныряльщики, соревнующиеся в выносливости, выясняющие, кто дольше всех сможет задержать дыхание под водой, и достающие водоросли со дна моря, также в действительности выполняли религиозные ритуалы. В древней Японии ни одно из действий человека нельзя было рассматривать иначе, как в связи с судьбой общины, и незаурядные физические данные использовали исключительно для того, чтобы предсказывать будущее не только одного человека или группы, но общества в целом. Это напоминает нам о том, что спорт когда-то являлся ритуалом, более или менее связанным с религией.

Европейское понятие спорта пришло в Японию из Америки одновременно с понятием об индивидуальном соревновании. Здесь, как и во всех областях человеческой деятельности, предполагающей «модернизацию» японской жизни, пример был подан или навязан, что называется, сверху. По приказу Министерства образования с 1880 года в институтах в качестве новой дисциплины была предложена игра в теннис, а позднее, когда сотрудники министерства совершили ознакомительную поездку на Запад, появился необходимый инвентарь и тренеры по этому виду спорта. В 1884 году был создан специальный институт, который пропагандировал игру в теннис в школах. В университетах, особенно в токийских, становился все более распространенным бейсбол, и вскоре была сформирована студенческая команда, которая в 1905 году в дружеском матче сразилась с американскими бейсболистами из Стэнфорда. И хотя она потерпела поражение, популярность ее после поездки в Соединенные Штаты увеличилась. Она привезла из-за границы новые обычаи, связанные с этим видом спорта: оркестр на стадионе,

группы поддержки со слоганами и ношение особой формы. Учащиеся женских университетов с восторгом отнеслись к новой игре, и вскоре Япония наводнилась школьницами и студентками, красовавшимися в кепках той команды, за которую они болели. Помимо бейсбола и тенниса в конце эпохи Мэйдзи японцев захватил лыжный спорт и альпинизм, так что правительство приглашало французских, австрийских и шведских тренеров, открывавших спортивные школы. Плавание получило распространение довольно поздно за неимением бассейнов, хотя в былые времена, до Реставрации, самураи относились к нему с большим уважением. Только после 1900 года, когда в школах появились команды пловцов, правительство решило включить этот вид спорта в школьное расписание. Первый бассейн был построен в Токио в 1907 году для выставки промышленных достижений, проходившей в парке Уэно.

Но все же, несмотря на все усилия правительства привить интерес к спорту, молодые люди, закончив учебу, бросали его, поскольку считали частью учебной программы, а не развлечением.

Несколько иначе обстояло дело с боевыми искусствами, пережившими несколько десятилетий забвения. Всплеск интереса к ним — это прежде всего огромная заслуга Кано Дзигоро, который сумел приспособить традиционную технику школ военных искусств к требованиям современных видов спорта и основал в Токио Кодокан, ставший впоследствии Меккой для поклонников *дзюдо*, появившегося из *дзюдзюцу* (джиуджицу), разработанного самураями. Что касается старинной практики *дзюдо* или искусства владеть саблём, составлявшего часть обучения всех самураев, то она выжила только благодаря членам городской полиции, сохранившим эту традицию (поскольку сами они по большей части были потомками самураев), чтобы лучше выполнять свои обязанности.

Новые условия жизни, небывалая ранее подвижность социальных классов полностью изменили отно-

шения между мужчинами и женщинами. Традиционно в деревне молодые люди и девушки жили отдельно, но в сельскохозяйственных областях из-за проводимых совместно сельских работ общение между полями было более тесным. Родители бдительно следили за детьми, чтобы те не нарушили запрета или традиции в выборе пары или общении со своей пассией. С развитием образования молодые люди пересмотрели взгляд на отношения с представительницами прекрасного пола и начали отдаляться от обычаев. Со своей стороны девушки, всегда сурово охраняемые родителями и наставниками, с некоторым ужасом взирали на невиданную прежде свободу, которую проповедовали им молодые люди, особенно горожане. В провинции, в деревне традиции были все еще сильны, но молодежь пользовалась большей свободой, так что для будущих супругов близость задолго до свадьбы не являлась чем-то из ряда вон выходящим. В городах возможность встретиться предоставлялась чаще, но родительский надзор был строже, а викторианская мораль правила бал. В деревне, например, во время работы, юноши и девушки автоматически оказывались под присмотром взрослых. В городах же они могли гораздо легче завязывать знакомства, да и сплетни разносились с невероятной скоростью. Поэтому там свирепствовали самые строгие нравы. В одной из песен того времени молодая девушка жалуется, что на нее показывают пальцем, после того как она всего-навсего поговорила с молодым человеком:

*Мое имя срывается с их губ подобно дождю,
Хотя между нами не было ни капли любви.*

Такое строгое разделение между юношами и девушками, более жесткое в городе, чем в деревне, воспринималось всеми как необходимость.

Перед призывом в армию, когда молодые люди могли в любой момент покинуть дом, им казалось совершенно безрассудным жениться; также и студенты считали глупостью обзаводиться семьей, не закончив учебу и не найдя работы.

Никому не хотелось оказаться в армии. Для самих призывников это означало столкновение с незнакомой жизнью в бараках и расставание с теми, с кем они привыкли общаться и работать; для родителей, помимо всего прочего, — потерю рабочих рук в семье. Поэтому многие старались любой ценой избежать военной службы, как правило, прибегая к способу «усыновления» бездетной парой, который был описан выше. Только после победы над Китаем молодые люди и японцы в целом стали понимать те преимущества, которые принесет стране сильная и дисциплинированная армия. С этого времени отношение к военной службе начало меняться, и сейчас быть призывником считается очень почетным. Кроме того, молодые люди без высшего образования приобретали в армии опыт коллективной жизни и возможность учиться: они возвращались в родную деревню, окруженные неким ореолом величия и считались достойными полного доверия. Уход в армию для многих молодых крестьян означал возможность отправиться в город, путешествовать, встречаться со своими сверстниками, принадлежащими к разным слоям общества, обмениваться с ними мыслями и, наконец, приобрести жизненный опыт. Постепенно, особенно после событий Русско-японской войны, народ привык к необходимости военной службы и понял ее пользу. Все больше молодых людей выражали желание служить в армии, хотя в период, когда Япония еще не одержала блистательные победы, они придерживались антимилитаристских настроений, исключая тех, кто принадлежал к старинным семьям военных. Вернувшись со службы, они чувствовали себя более уверенно и готовы были к созданию семьи. Женились они на девушках, которых выбирали родители или *ояката* через посредника (*накодо*), как того требовал обычай. Иногда, если служба затягивалась, помолвленным разрешалось завязывать переписку, но, разумеется, под контролем родителей.

Жизнь в казармах с другими солдатами ни в коей мере не разочаровывала призывников. Они давно привыкли к «домам для молодых» в деревне или в городе,

где работники спали все вместе. В то время как наименее обеспеченные радовались тому, что государство оплачивает все их расходы, что не нужно беспокоиться о завтрашнем дне и что можно научиться разным полезным в практическом отношении вещам, другие, более сознательные, прилежно проходили офицерские курсы.

С появлением милитаризма, направленного скорее не на победу, а на самосовершенствование и желание принести пользу обществу, окрепли и молодежные организации, целью которых отныне стало помогать семьям тех, кто ушел в армию, а также посылать солдатам предметы, которые могли быть полезными для них. Создавалось много организаций такого типа, где молодежь занималась ремеслом, чтобы производить необходимые для солдат вещи. Во время войн роль таких обществ становилась колоссальной, да и сейчас они поддерживают связь с теми, кто ушел в армию, помогают им морально. Эти организации молодежи выполняют важную патриотическую роль и поддерживают воинский дух солдат.

Что касается молодых девушек, то здесь происходили практически те же самые перемены. Обычай требовал, чтобы в деревне, а затем и в городе девушки объединялись в группы под руководством старших. Тринадцати-четырнадцатилетние девочки имели обыкновение после работы собираться за шитьем или прядей хлопка или конопли. В подражание юношам, они спали в своих «женских домах», где проходила их жизнь в коммуне, отличная от жизни в семье. По мнению родителей, участие в таких обществах позволяло дочерям приобрести навыки общественной жизни и услужливость. Между «мужскими» и «женскими» домами не было жесткого разделения, и юноши и девушки часто встречались, но только группами, так как считалось непристойным, если молодой человек один направлялся в дом к девушкам. Браки в деревне заключались с согласия родителей и обеих общин, что позволяло вести спокойную жизнь и избегать скандалов. Разумеется, без посредника или посредницы дело никогда не обходилось, но их роль была чисто символической.

ческой. На самом деле во время многочисленных встреч группами молодые люди успевали завести знакомство и даже встречаться (с согласия групп). В большинстве случаев удавалось избежать соперничества и зависти. В некоторых провинциях обычай даже разрешал молодым людям иметь сексуальные отношения до свадьбы: «обрученные», с согласия родителей и групп, могли вместе провести ночь либо в доме девушек, либо в доме, принадлежащем паре, с которой они были дружны. Но этот обычай постепенно исчез. Особенно нежелательным — «непристойным» — его объявили в городе, к огромному горю молодых девушек, считавших, что эта традиция позволяла легче найти мужа на свой вкус.

Свадьба

В Японии древних времен, так же как и в Японии, повернувшейся к западной цивилизации, свадьба являлась самым важным событием как для девушки, так и для молодого человека, поскольку она знаменовала собой их официальное включение в общественную жизнь. Она приобретала еще большую значимость оттого, что не считалась делом сугубо индивидуальным, как это могло иногда показаться, но событием, затрагивающим жизнь семьи и социальной группы. Молодые люди, входившие в объединения юношей и девушек и участвующие в коллективных работах, имели возможность познакомиться и оценить друг друга. Формальности, связанные со свадьбой, ощутимо менялись в зависимости от региона и провинции, так же как и обычаи и обряды. Число тех, которые были менее значимыми, чем сам обряд, постепенно сокращалось.

В большинстве случаев молодые люди, решившие пожениться, виделись довольно часто. Случалось, что молодой человек, признанный родителями и обществом как жених девушки, проводил ночь в ее обществе, и это считалось свадьбой, столь же действительной, что и официальная церемония. В некоторых провинциях севера и северо-востока будущий муж подтверждал

свою решимость жениться на избраннице, работая на будущих тестя и тещу и живя в их доме от двух до пяти лет. После такой проверки родители молодых людей устраивали праздничный обед, на который приглашали огромное количество гостей. Во время обеда молодожены и их родители, а за ними и все гости пили *саке*. Эта простая церемония, позднее ставшая официальной, служила своего рода подтверждением брака. Молодой супруг все еще не считался главой семьи, он должен был какое-то время жить в доме тестя и тещи. Теоретически он не имел права поселиться отдельно со своей женой до тех пор, пока ее родители не передадут ему право быть главой семьи. В других провинциях право на собственное жилище давалось с рождением ребенка, поскольку он скреплял брачные узы. В некоторых регионах страны не юноша, а девушка навещала возлюбленного в его доме и иногда оставалась на ночь. Родители молодого человека сопровождали его, когда он принимал решение жениться и, обращаясь к семье девушки, прямо говорили: «Слышали, что вы хотели бы видеть вашу дочь членом нашей семьи. Мы хорошо о ней позаботимся». Девушка выполняла какую-то работу для семьи своего будущего мужа, и их отношения протекали, как обычно. В благоприятный день, подсканнанный звездами, устраивалась свадьба, на которой собиралась вся деревня и сообщество пила ритуальный *саке*. Подобные формы брака, основанного на «обмене работами», были более чем обычным явлением в Японии эпохи Эдо и вплоть до настоящего времени соблюдаются в деревнях.

В семьях представителей военного сословия девушка обычно просто переселялась в дом молодого человека до того, как факт свадьбы был официально признан обеими семьями. Но этот вид брака, который часто происходил по взаимной склонности молодых людей, не означал, что муж или жена будут работать на родителей своей второй половины. Семьи воинов не занимались ручным трудом, и женщины этого сословия посвящали себя управлению хозяйством. Только к середине эпохи Мэйдзи установилась традиция (прежде всего в городах) объединять семьи, чтобы по-

знакомиться с избранником или избранницей сына или дочери и помочь со свадьбой. После традиционного праздничного банкета молодые жили отдельно в своем доме.

В благородных семьях военной аристократии будущие супруги познакомились только перед свадьбой. Когда родители молодого человека подбирали для сына невесту, они нанимали *накодо*, который и занимался поисками подходящей девушки (то есть находящейся с женихом на одной социальной ступени и обладающей безупречной репутацией). Наконец ее находили, и, заручившись согласием родителей, *накодо* старался подыскать подходящий случай, чтобы во время праздника или на прогулке жених увидел свою нареченную: если по каким-то причинам она его не устраивала, свадьбу можно было отменить. Тогда *накодо* искал другую девушку. Но отказ был редким явлением: обычно в вопросе поиска невесты молодой человек полностью доверялся родителям или *ояката*. Постепенно церемония бракосочетания, ранее бывшая только простым признанием союза общиной и группами, стала приобретать все большую значимость и проводилась практически на европейский манер. Свадебный наряд стал более продуманным, сочетающим в себе традиционные и западные элементы вроде белой фаты и платья со шлейфом, что на бессознательном уровне символизировало жертвоприношение. Выбор невесты *накодо* должен был зависеть от нескольких определяющих моментов: от того, к какому классу принадлежит невеста, от степени обеспеченности ее родителей. *Накодо*, зная вкусы молодого человека или девушки, делал все от него зависящее, чтобы удовлетворить их. Чтобы назначить дату свадьбы и узнать будущее супругов, обращались к астрологии: к примеру, женщине, родившейся в год «огненной лошади», было весьма непросто подобрать мужа, так как бытовало поверье, что она «сживет (букв. «съест») мужа со свету». Человек, родившийся в год Крысы, должен был искать свою вторую половину, родившуюся в год Дракона, Быка или Обезьяны. Кроме того, церемонию бракосочетания следовало проводить в благоприятный день недели, который

вычислялся с помощью традиционного календаря. Лучшим временем года для свадьбы считалась осень.

С резким увеличением числа деревенских общин и по мере того как возрастало значение женской работы вне их, группы, объединяющие девушек, быстро исчезли. Японки не могли выбирать мужа в общине с согласия членов других групп и должны были полагаться на своих родителей и *ояката*. Роль *накодо*, к помощи которого прибегали только высшие классы, становилась все более важной среди всех слоев населения, даже среди крестьян, и девушка постепенно потеряла всякое право выбирать супруга, подчиняясь воле родителей и иногда даже не видя того, кого они для нее нашли. Модернизация Японии в эпоху Мэйдзи оказалась невыгодной для пар, которых женили против их воли и без какой-либо взаимной склонности, что противоречило прошлому, когда молодая девушка была относительно свободна в выборе супруга.

После свадьбы молодая жена отнюдь не становилась хозяйкой домашнего очага, напротив, семья мужа считала ее кем-то вроде рабыни. Особенно часто эта ситуация возникала среди представителей буржуазии. Что касается народа, то у деревенских жителей все-таки преобладало чувство здравого смысла и сохранялись старинные обычаи, позволявшие каждому пользоваться максимальной свободой, даже если человек оказывался зажатым в какие-то рамки. Но после Реставрации, когда свобода стала достоянием каждого, большинство людей изъявили желание подражать духу и манерам некогда правящего класса, то есть классу военных, даже если сами они ничего не смыслили в военном деле. Нравы самураев сильно отличались от нравов прочих людей. Самурай, пропитанный предписаниями конфуцианства, часто притеснял жену; муж считался неоспоримым главой семьи и рода. У крестьян же жизнь регулировалась коллективной работой, и отношения между членами этой группы или между членами разных групп гармонично управлялись местными обычаями. С началом общественных преобразований, проводимых правительством, люди практически бессознательно стали перенимать обычаи своих

бывших господ. Все более важным становилось положение главы семьи, а значение супруги отодвигалось на второй план. В то время как в традиционном обществе супруги находились на равных правах, в обществе эпохи Мэйдзи жена социально потеряла свою независимость и авторитет. Удивительно то, что преобразования этого периода во имя равенства и независимости всех и каждого привели к такому странному результату: положение женщины в обществе заметно ухудшилось. Следствием этого явилось то, что некоторые девушки, не желая выходить замуж за нелюбимого, убегали от собственных родителей, а те, кто считал свою жизнь в браке неудачной и был выдан замуж против воли, кончали с собой в уверенности, что судьба не несет им ничего хорошего. Но все же большинство японок покорно принимали свою участь, навязанную выбором родителей, и погружались в безрадостное существование.

В старые времена пары подбирали крайне тщательно во всей общиной и разводы случались редко, хотя если супруги решали расстаться, то никаких препятствий для этого не возникало. Напротив, в эпоху Мэйдзи количество разводов резко увеличилось, муж под тем или иным предлогом мог настоять на разрыве, например, если жена не родила ему сына или если он считал, что она никак не может привыкнуть к своему новому положению. Супруга могла надеяться на то, что станет хозяйкой дома только в том случае, если по прошествии долгих лет повинения она своим поведением устроит мужа и его родителей.

Но следует конечно же сказать, что имелись многочисленные случаи, когда женщины приобретали завидное положение именно благодаря супругу, особенно если речь шла о семьях аристократов. Здесь *накодо* был незаменим, ведь выбор невесты осуществлялся с особым тщанием и растягивался иногда на целые месяцы, чтобы как следует изучить характер будущей супруги и то, насколько она подойдет мужу. В этом случае брак имел больше шансов стать удачным, особенно если семья была богатой и имела возможность нанять для молодых прислугу, облегчив тем самым участь жены.

В течение всей эпохи Мэйдзи существовало по меньшей мере три «вида» семейных пар: «традиционные», отношения между которыми строились на взаимном уважении и даже на любви, чаще всего встречались среди крестьян и самураев, занимающихся сельским трудом; семьи аристократии и самураев высшего ранга; наконец, «современные» семьи, распространенные в среде городской и деревенской буржуазии, последователей и сторонников нового режима. Таким образом, социальные классы выражали себя через семейные отношения.

Эти типы супружеских пар одновременно существовали в течение всей эпохи Мэйдзи и встречаются иногда и в наши дни, что зависит от провинции, в которой живет семья, или от степени ее «европеизации» и «осовремененности». Некоторые молодые люди из деревни отказывались от посредничества *накодо* или же соглашались на его услуги, но только для того, чтобы соблюсти ритуал. Среди низших слоев населения и крестьян все больше распространялось убеждение, что девушке следует предоставить полную свободу в отношении выбора жениха, и если она находит своего избранника достойным, то они просто начинают совместную жизнь без каких-либо предварительных церемоний. Когда пройдет некоторое время, девушка знакомит своего молодого человека с родителями, чтобы получить их одобрение и назначить день проведения свадебного обряда. Обычно он состоит из праздничного обеда, за которым собираются члены обеих семей, а молодожены обмениваются тремя ритуальными чашами *сакэ*, которые они должны три раза осушить (*сансанкудо*), чтобы брак был прочным. Что касается регистрации брака, то это делали позже без соблюдения каких-либо формальностей.

В городах и в среде буржуазии, претендующей на то, чтобы быть «современной», свадьбы, устраиваемые *накодо*, превратились в жестко соблюдаемое правило, а прочие формы брачных отношений с некоторым презрением были отнесены к разряду «устаревших». Тем более что американки, заводив знакомства с которыми считалось тогда хорошим тоном, рьяно осуждали

добрачные отношения между мужчинами и женщинами, уподобляя их проституции. Церемония бракосочетания стала нарочито роскошной, предназначенной для того, чтобы продемонстрировать свое богатство, а не для того, чтобы служить залогом счастливой жизни молодоженов.

Эта новая форма брака, где взаимным чувствам супругов придавалось мало значения, все прочнее входила в моду у представителей новой буржуазии. Но жителям деревень она совсем не нравилась. Особенно насторожились женщины, которым вовсе не хотелось, чтобы кто-то распоряжался их судьбой. Но чаще всего эта мода просто игнорировалась: молодые люди продолжали ухаживать за девушками, как и раньше, и, если их избранница сама того хотела, могли свободно провести вместе с ней ночь. Конечно, и речи не шло о том, чтобы юноша приходил к девушке каждую ночь, если она была против. Этот обычай ни в коем случае не приводил к распущенности, как бы в это ни хотели верить добродетельные дамы из Ассоциации христианской молодежи и прочих обществ подобного толка, поскольку родители и молодежные организации подвергали жесткой критике того, кто позволял себе одновременно ухаживать за несколькими девушками или соблазнять одну за другой. Существовало негласное правило, обязывающее юношей и девушек, имевших сексуальные отношения, непременно пожениться и обзавестись детьми. Очень редко, когда по тем или иным причинам эти планы не осуществлялись.

Но в городах эта сексуальная «полусвобода» была негативно истолкована нравоучителями нового поколения, которые почти все принадлежали к семьям самураев, придерживающихся конфуцианского учения и испытывающих сильное влияние христианства. Ее заклеямили как «разврат», и многие мыслители того времени высказывались против этого крестьянского обычая, проповедуя викторианскую мораль, господствующую тогда в странах Запада, и открывая, таким образом, путь для институтов брака, характерных для предков. «Она не выбрала, какого рода союз следует заключить: отправить дочь в чужой дом в качестве жены

ее избранника или принять ее мужа в собственный дом», — писал о своей героине, вдове, имеющей только одну дочь, Нацумэ Сосэки в книге «Кокоро».

Подвижность общества способствовала исчезновению (или по крайней мере снижению популярности) традиционных браков. Раньше молодые люди обыкновенно навещали друг друга или встречались в одной деревне, в одном районе или в группах, более или менее связанных проведением религиозных праздников. Союзы заключались всегда среди представителей одних и тех же классов: крестьян с крестьянами, торговцев с торговцами, самураев с самураями и т. д. Но в случае с высшими классами, особенно среди самураев, было довольно сложно найти партнера, принадлежащего к тому же классу, родом из той же деревни или района. Молодые самураи, которые хотели жениться, были вынуждены искать невесту в других регионах страны. Если они не имели возможности путешествовать (что случалось часто), то приходилось прибегать к услугам *накодо*, так что у молодого человека зачастую не было возможности ухаживать за девушкой или даже самому выбрать себе супругу. Этим занимались его родители и *накодо*. В день свадьбы девушку приводили в дом к свекру и свекрови, где особая церемония освящала брачный союз. Этот вид брака, считаемый «правильным», в эпоху Мэйдзи был широко распространен среди представителей других классов до тех пор, пока принадлежность к одному сословию не перестала быть непременным условием для создания семьи. Такое положение вещей не слишком способствовало созданию гармоничного союза; *накодо* же, исходя иногда из личных интересов, не всегда оказывал ту помощь, которую от него ждали. В соответствии со старой системой, которой еще придерживались в деревнях, молодая жена не обязана была жить под бдительным присмотром свекрови, а вот муж часто поселялся у тестя и тещи. Молодая супруга становилась хозяйкой дома только после смерти собственной матери. В «современной» системе жена, выбранная *накодо* и матерью жениха, находилась в зависимости от свекрови, которая часто злоупотреб-

ляла своей властью и поручала ей наиболее неприятную работу, относясь к ней как к служанке. Жена становилась прислужницей в собственном доме и рабыней мужа с одобрения его матери; что бы она ни делала, все было не так. Кроме того, любви между супругами не было, разве что за редким исключением. Муж искал развлечений на стороне и, если позволяло финансовое положение, содержал любовницу, что считалось совершенно нормальным. Молодая жена хозяйничала в доме под ревностным присмотром свекрови, которая лишь иногда позволяла выходить ей одной.

Этот новый вид брака, принятый простолюдинами из желания казаться современными, внес новые элементы в семейную жизнь. В то время как при традиционной форме брака невеста вносила только личное приданое, для брака на западный манер требовалось, чтобы приданое было как можно более богатым и разнообразным. Родители, имевшие нескольких дочерей, иногда совершенно разорялись, пытаясь достойно выдать их замуж. Церемония, когда-то просто скреплявшая союз молодых людей и объединявшая две семьи, теперь признавалась официальной частью свадьбы и стоила очень дорого. Часто *накодо*, на которого ложились основные хлопоты, признавался «непредставительным», и поэтому его должен был сопровождать другой человек, которого выдавали за *накодо* и который должен был встречать приглашенных. Этот обычай жив до сих пор.

Но хотя новая разновидность брака становилась все более распространенной, многочисленные обычаи старины никуда не исчезали. Так, например, сохранялась традиция наносить визит родителям невесты женихом в сопровождении *накодо*, что символизировало времена, когда жених должен был жить в доме родителей нареченной до официальной свадьбы. Сильно усложнилась процессия, которая сопровождала во время свадьбы жену до дома мужа. Девушка покидала (иногда навсегда) родительский дом и знакомую обстановку. «В день свадьбы девушка была одета в белое. Это цвет вдовства и знак того, что она мертва для собственной

семьи. После ее ухода из дома в нем подметали полы, словно после выноса мертвеца». В городе, где жили молодые, приходилось за высокую цену снимать банкетный зал, в котором собирались не только члены семей, но также огромное количество гостей и знакомых. Семьи жениха и невесты влезали в долги, стараясь достойно справиться со свадьбой и не «потерять лицо». Этот обычай так прочно сросся с японской действительностью, что создавались даже специальные организации, занимающиеся вопросами аренды помещений и проведения самой церемонии, включающей за заранее установленную цену обслуживание гостей, свадебное меню, *сакэ*, небольшие подарки, которые было принято преподносить гостям по окончании обеда, цветы и даже платье для новобрачной.

Расторжение брака было делом куда более легким, чем его заключение, но, как мы видим, развод редко происходил в деревенских семьях, где у женщины были практически равные права с мужчиной. Кроме того, эмоциональная связь, существующая между супругами, уменьшала вероятность развода. С приходом новых форм брака все изменилось. В начале эпохи Мэйдзи было зафиксировано большое число разводов среди молодых пар, принадлежащих к буржуазным кругам. В первые годы брака молодые женщины терпели жестокое отношение со стороны мужей и свекрови. Не собираясь ждать, пока муж предложит развод, они первыми шли на этот шаг, просто возвращаясь к своим родителям и позже посылая кого-нибудь к мужу, чтобы уладить все личные дела.

Положение женщины в обществе

На Западе в конце XIX — начале XX века было распространено ложное представление о положении женщины в Японии. Вина за это ложится на самих японцев: большинство романов и новелл, *укиёэ* и картин того времени изображали женщину как тихое, робкое существо, чрезвычайно сдержанное и подчиненное во всем мужу. Этот образ имеет право на

существование, но ему соответствовало не так много японок. Такое представление было справедливо прежде всего по отношению к представительницам городской буржуазии. Мы видели, что буржуазия, стремясь копировать порядки правящих классов прошлого (то есть военного сословия, исповедовавшего конфуцианство), приняла одну из форм брака, характерного для самураев, и относилась к женщинам с некоторым презрением. Согласно конфуцианской морали, женщина должна была полностью посвящать себя заботам о родителях мужа, собственно муже и о детях, так что на жизнь для себя у нее уже не оставалось времени. Но такая ситуация была характерна для семей самураев высшего ранга, где женщина занималась тем, что управляла хозяйством мужа при помощи многочисленного штата прислуги.

Но среди других классов общества, крестьян и *тёнин* (жителей городов) все было по-другому. В деревне женщины наравне с мужьями участвовали в производстве. Они также отвечали за домашнее хозяйство, поддержание огня в *ирори*, посевные работы, рассаду риса, веяние и помол пшеничных зерен. Также очень часто они занимались огородом и живностью. Во время жатвы они наравне с мужчинами участвовали в полевых работах. Нередко женщины занимались продажей излишков урожая и заключали сделки. Разведение шелковичных червей и все, что было с этим связано, находилось только в их ведении. Поэтому, когда в Японии появились первые промышленные прядильные фабрики, возникла необходимость привлечь к производству огромное количество женщин, так как только они знали все тонкости этого ремесла. В рыбацких деревнях значимость женщин была ничуть не ниже значимости мужчин. Когда мужья уходили в море, на женские плечи ложилось все домашнее хозяйство, а также экономическое управление делами деревни. Кое-где в деревнях женщины даже устанавливали подобие матриархата. Большую часть времени женщины в рыбацких поселках занимались продажей рыбы. Способность женщин к торговле признавалась всегда, и в этом деле мужчины предоставляли им полную свобо-

ду. Даже в городах владельцами лавок торговцев и ремесленников почти всегда были женщины. Их мужья предпочитали общаться с клиентами на некотором расстоянии, и если намечалась серьезная сделка, всегда предпочитали, чтобы ею занялась супруга. Жена ремесленника помогала ему в работе. Действительно, женщины из народа были чрезвычайно активны и, что противоречило устойчивым представлениям европейцев о японской женщине, им не были присущи ни робость, ни «забитость», даже если они скрупулезно следовали правилам хорошего тона, принятым в обществе.

Многие женщины весьма успешно занимались торговлей и зачастую выказывали больше смелости в этом деле, чем иные мужчины. Среди них особенно выделяются имена Кайфу Ханы (1831—1917) из Токусимы, которая изобрела способ ткачества крепона, названный *авасидзира* (он успешно продавался не только в Японии, но экспортировался в Корею, Китай и в азиатские страны юго-восточного региона); или Оура Окэи (1828—1884), наладившей торговлю чаем с иностранцами в Нагасаки и приобретшей такую известность, что генерал Грант во время своего визита в Японию пригласил ее подняться на борт своего судна.

Но все же на публике женщины вели себя очень скромно, даже те из них, кто занимался торговлей или военным делом, подобно Накано Такэко (1847—1868), в совершенстве обращавшейся с *нагината* (алебарды), отличившейся в сражении у замка Цуруга в Исэ, где она и погибла вместе с сестрой Юко и матерью. Почти во всех случаях, когда семья появлялась на публике, на первом плане был мужчина, и именно ему доставались все почести и поздравления. Женщины спокойно принимали этот обычай, который, как им было хорошо известно, помогал их мужьям сохранить лицо, ведь истинным главой дома, за которым всегда оставалось последнее слово, кто ведал расходами и кто в конечном счете управлял семьей или предприятием, — были именно они. Женщина, казавшаяся такой мягкой, приветливой и покорной в обществе, дома часто вела себя властно и главенствовала над всем. И вся Япония была поражена, когда

императрица однажды появилась вместе с императором на вокзале Симбаси, чтобы попрощаться с ним, когда он отпраивлялся в путешествие — раньше этот поступок расценивали как пренебрежение женской скромностью.

Японская писательница Эма Миэко в своей книге «Хида но Оннатати» (*Женщины Хиды*) описывала мать семейства, живущую на ферме в префектуре Тояма:

«Я сознавала, что эта женщина, с ее простой манерой поведения, ее активностью и деловитостью, обладала невероятным чувством собственного достоинства, которое так сложно описать. Дело было не только в безупречной манере держать себя, но в каком-то “традиционном” благородстве, присущем Матери клана. Сидя в спокойной и бесстрастной позе, она была поистине прекрасна».

Эта женщина, перешагнувшая рубеж пятидесятилетия, не только заботилась о свекрови и свекре, которым было больше восьмидесяти, но и контролировала работу сына и невестки, помогала им воспитывать детей, в то же время заправляла всем хозяйством на ферме.

Такой тип японской женщины все еще встречается в деревнях и среди представителей среднего класса. Те японки, которые работали вне дома, имели очень сильный характер и были склонны скорее к практической деятельности, чем к умствованиям. Конечно, их способности к философии или к учебе были ничуть не ниже, чем у мужчин, ведь насчитывалось большое количество поэтесс и писательниц, вроде Мацуо Тасэко (1811—1894), творившей под псевдонимом Кинно Басан и прославившейся лирическими произведениями (среди которых «Мацу но Хомарэ», «Мияко но Цуто»), или Вакаэ Ниоко (1835—1881), являвшейся учительницей императрицы Сокэн, или же Ёсано Акико (1878—1942). И это лишь несколько имен из длинного списка. Но в большинстве своем женщины были слишком заняты домашним хозяйством и другими заботами, чтобы уделять время самообразованию. Это была привилегия тех, кто принадлежал к высшим классам, кто имел свободное время, «свободную» профессию или занимался вопросами религии.

До того как в стране начали распространяться школы, немногие из жительниц деревень, даже из тех, кто считался «современными», могли похвастаться умением читать и писать. Все образованные женщины принадлежали к высшим слоям общества или являлись буддийскими монахинями, и их было не так уж и много. С 1872 года женщинам разрешили посещать уроки в школе. Матери надеялись, что их дочери получат лучшее образование, чем они сами, хотя суть этого женского образования сводилась в основном к практическим знаниям, необходимым для ведения домашнего хозяйства. У замужних женщин оставалось мало времени на посещение занятий, и часто элементарным навыкам чтения и письма их обучали собственные дочери. Отмена запрета на женское образование не слишком увеличила число тех, кто воспользовался этим, и только к 1890 году родители стали отправлять в школу всех девочек. И все же мало кто из них продолжал учебу после завершения начального образования. Умение читать и писать казалось им совершенно необходимым не столько для личной культуры, сколько для управления семейными делами, особенно теми, которые касались семейного бюджета, для чтения специально выпускаемых женских газет, в которых печатались кулинарные рецепты, советы по кройке и шитью, шелководству и т. п. Немногих из читательниц этих газет интересовали политические события, так что о них и вовсе не писали. Но зато публикуемые романтические истории и сказки с неприменной моралью в конце питали их воображение в редкие часы досуга. Иногда молодым девушкам было сложно присутствовать на всех школьных занятиях, и случалось так, что ученицы приходили на уроки, неся на спине маленького брата или сестру, поскольку посещение школы ни в коем случае не освобождало их от домашних обязанностей. Так что часто их образование оставляло желать лучшего. Только в 1905 году, после того как в Японии, пережившей две войны, условия жизни изменились в лучшую сторону, девочки стали приходить на занятия более или менее регулярно. Во время войн женщины, разлученные с мужьями,

братьями или сыновьями, должны были вести с ними переписку, чтобы сообщать новости из дома об урожае, о состоянии семейного бюджета, о здоровье родных. Те, чьи мужья были грамотными, не хотели, чтобы письма им читали посторонние люди. Поэтому приходилось учиться чтению самостоятельно, а для этого следовало посещать школу. Пожилые или очень занятые женщины просили своих детей учить их. В японском языке помимо иероглифов существует слоговая азбука (*хирагана*). Ее нетрудно выучить, поэтому и сегодня четырех- пятилетние японцы могут читать простые тексты, записанные с помощью *хираганы*. Но для того, чтобы в письменном виде выразить свои мысли, необходимо умение пользоваться заимствованными из Китая иероглифами, изучение которых может занимать гораздо больше времени.

Что касается женщин из аристократических семей, то они довольно рано начали учиться грамоте и были первыми, кто начиная с 1872 года стал отправлять дочерей в школу. Некоторые из них хорошо успевали и могли продолжить занятия в колледже, но поступать в университеты им было разрешено только с 1901 года. Следует отметить, что задолго до этого времени некоторые японки из благородных семей очень продвинулись в самообразовании. Освоив чтение и письмо, они с помощью преподавателей приступали к изучению иероглифов и классических японских произведений. Не меньшее внимание они уделяли искусству. Так в Японии появились талантливые поэтессы, знатоки по части составления композиций из цветов (*икебана*), проведения чайной церемонии (*та-но-ю*) или искусные танцовщицы. Те, кто происходил из военных семей, занимались военным искусством, каллиграфией и живописью.

Общество охотно позволяло женщинам свободно изучать традиционные формы культуры, но если дело заходило о достижениях западной цивилизации, более ориентированных на науку, то в этой сфере доступ к знаниям был для женщин не то чтобы запрещен, но дозволялся только в определенных и узких областях: гинекологии (первая японка-гинеколог Кусумото Инэ

(1827—1903), использующая западную методику, была дочерью Франца фон Шибольда), педиатрии или уходе за детьми грудного возраста. Часто женщины, принадлежавшие к благородным семьям, но ограниченные в средствах, должны были зарабатывать себе на жизнь и открывали детские сады, а самые образованные — школы для девочек. В 1882 году насчитывалось около двадцати пяти тысяч учительниц, что составляло 3 процента от всего числа школьных учителей. Некоторые учительницы самостоятельно или при помощи преподавателей продолжали свое образование и достигали порой очень высокого уровня и составляли штат преподавателей в женских университетах. В 1899 году была открыта медицинская школа для девушек, но она не имела еще университетского ранга. Наконец, появились многочисленные женские учебные заведения и вечерние курсы, обучающие искусству живописи, музыки, составления букетов и т. д.

Только к 1890 году женщины начали постоянно работать на заводе. До этого девушки работали на прядильных фабриках эпизодически или сезонно, в зависимости от желания, и не являлись квалифицированными работниками. Начиная с 1890 года прядильные фабрики стали организовываться по более рациональному принципу, чем раньше, так что в этой отрасли возникла острая потребность в квалифицированных кадрах. Женщины охотно отзывались на это актуальное для них предложение, и вскоре они уже составляли 90 процентов от всего штата рабочих. Другие профессии стали им доступны позже. Так, только в 1899 году женщины смогли работать телефонистками. Предполагалось, что женщины должны работать в помещениях, куда мужчины не имели права входить, и занимать должности, которые не требовали непосредственного общения с клиентами. Ситуация изменилась лишь к 1903 году, когда женщинам было позволено продавать билеты в кассах железнодорожных станций, а в 1907 году в некоторых административных учреждениях — занимать должности, ранее предназначенные исключительно для мужчин. Тем не менее большинство рабочих мест, которые занимали женщины, считались ис-

точником временного заработка, а замужняя женщина могла лишь изредка совмещать какую-либо работу со своими семейными обязанностями. До конца эпохи Мэйдзи общественное мнение по этому поводу делилось на два противоположных лагеря.

Для девушек без образования было не так много вариантов устроиться на работу. Тем, кто должен был зарабатывать на жизнь (а после двух войн таких женщин, потерявших сына или мужа-кормильца, было много), приходилось наниматься прислугой или нянями в богатые семьи, работать на заводе или в мастерской. Несмотря на свое желание повысить уровень образования, чтобы найти лучшую работу, времени на это у них не оставалось, к тому же учебники и само обучение стоили относительно дорого.

Среди женщин, вынужденных работать, часто встречались вдовы, к повторному замужеству которых общественность относилась неодобрительно, хотя формально ничто не запрещало им вновь вступить в брак. Но если в деревне это случалось довольно часто из-за того, что вдовам нужно было как-то управляться с сельскохозяйственными работами, то в городе повторное замужество вдовы было редкостью, и, чтобы выжить, им приходилось идти работать на завод или на прядильную фабрику.

Женщина и любовь

В Японии любовь не составляла непременный ингредиент брака и не являлась условием счастливой жизни супругов. И здесь также существовало заметное различие между простыми жителями деревни, горожанами и аристократией. Как мы уже видели, в деревне молодые люди выбирали спутника жизни, руководствуясь собственными предпочтениями, и брак по любви был там делом обычным. Но в городах, где бал правила пуританская мораль, а свободные отношения между юношей и девушкой встречались гораздо реже, чем в деревне, на брак по любви смотрели как едва ли не на извращение. Супруг или супруга выбирались по другим

соображениям, таким как финансовое состояние, общественное положение и т. д., и именно от этих факторов, а отнюдь не от чувства, зависело счастье молодоженов. Дружба, взаимное уважение, нежность были призваны заменить минутную вспышку любви, озарившую начало отношений, если таковая, конечно, имела место. Цель свадьбы в Японии того времени — не удовлетворение собственных эгоистических желаний, но создание семейного очага, рождение детей и установление союза, который призван был сплотить две семьи или две социальные группы; любовь же оставалась делом второстепенным. Случалось, что любовь все-таки возникала между супругами позже, но в действительности этому чувству уделялось мало внимания. Конечно, молодые люди питали идеалистические мечты, окрашенные в романтические тона, тайно (и чаще всего платонически) влюблялись, но им и в голову не приходило строить отношения с любимым человеком вне брака. Очень редко влюбленные становились мужем и женой, потому что на их пути встречалось множество препятствий в виде семейных требований и «приличий». Часто даже случалось так, что пара, которой не позволяли соединиться, совершала совместное самоубийство (*дзунси*) или же с собой кончал один из отчаявшихся влюбленных, что становилось предметом обсуждения и подкрепляло романтическое воображение молодых женщин. Желание физической близости, присущее всем живым людям, можно было легко удовлетворить на стороне. Вплоть до появления западных умонастроений и христианской морали к проституции ни в коей степени не относились как к чему-то позорному, скорее как к необходимости, приистекающей, с одной стороны, из естественных потребностей человеческой природы, а с другой — из жестокости жизни. На жрицу любви смотрели как на женщину, занимавшуюся одной из множества профессий, и не более того. Ее уважали так же, как и остальных, и иногда, если позволяли способности и статус, она занимала почетное место в обществе.

Большинство проституток происходили из бедных деревенских семей, которые вынуждены были продать

дочь в публичный дом, чтобы расплатиться с долгами. Случалось и так, что девушка из почтенной, но ограниченной в финансах семьи занималась проституцией, чтобы собрать старшему брату деньги на учебу. Люди не видели в этом ничего преступного и даже восхищались такой жертвой.

В зависимости от степени способностей и красоты девушка, проданная в публичный дом, становилась либо *дзёро*, простой проституткой, живущей в особом квартале (*юри*), либо *гейшей*. Но и среди *дзёро* существовали различные категории, и *агэ-дзёро*, или профессиональные проститутки, отличались от *мисэ-дзёро*, то есть тех, кто занимался проституцией, не будучи зарегистрирован как представительница этой профессии. *Мисэ-дзёро* также делились на четыре категории в зависимости от своего образа жизни. Только настоящие знатоки своего дела принимались в *юри*. С наступлением вечера они надевали роскошные наряды, наносили изысканный макияж и собирались маленькими группами в помещениях, отделенных от улицы решеткой, чтобы прохожие могли за ними наблюдать, а родные — навещать их. Согласно отчету, в Японии к концу эпохи Мэйдзи насчитывалось около пятидесяти тысяч официально зарегистрированных *дзёро* и более восьмидесяти тысяч не занесенных в списки (в основном *мисэ-дзёро* низшего класса), и это не считая *гейш*, численностью около тридцати тысяч, составлявших совершенно особую категорию. Помимо проституткок и *гейш* в Японии все чаще стали появляться те, кого сами японцы с презрением называли *мэкакэ*, или «иностранные конкубины», и чей образ выведен под именем мадам Хризантемы (Кику-сан) писателем Пьером Лоти, не сумевшим понять Японию. Эти *мэкакэ* не были проститутками в нашем понимании, скорее кем-то вроде «жен на время», которых местные власти рекомендовали почетным иностранцам на время их пребывания в стране, покупая девушек у их семей. Иногда сами иностранцы выбирали спутницу и преподносили ее семье щедрые дары. Эти *мэкакэ* были у соотечественников на плохом счету, и к ним относились скорее как к иностранкам, чем как к японкам. Одной из самых

знаменитых среди *мэкакэ* («маленьких жен») стала Окити (1841—1891), которую губернатор насильно разлучил с мужем Цурумацу и сделал «супругой» американского консула Т. Харриса в течение всего времени пребывания этого дипломата в Японии. Окити была выбрана за исключительную красоту и типично японские качества. В глазах японцев мужчине, пусть даже иностранцу, не полагалось жить одному: необходима была женщина, чтобы смотреть за домом. Но после того как консул покинул Японию, жизнь Окити сильно усложнилась: она не могла вернуться к мужу, так как тот боялся «потерять лицо». Она попыталась стать *гейшей*, но, презираемая всеми из-за того, что была *тёдзин*, «иностранкой», в конце концов утопилась.

Жизнь проституток, не привязанных к какому-либо определенному публичному дому и вынужденных стать *мисэ-дзёро*, могла иногда служить сюжетом драмы. В Японии часто вспоминают Такагаси Одэн (1851—1879), сироту, не знавшую своих родителей и вышедшую замуж за некоего Наминосукэ в 1872 году. Супруги покинули город Кёдзукэ (префектура Гумма), чтобы отправиться в Токио на консультацию с врачом (муж страдал проказой). Но медицина оказалась бессильна и спустя несколько месяцев Наминосукэ умер. Такагаси Одэн пришлось заняться проституцией и сделаться *мисэ-дзёро* просто для того, чтобы выжить. Как-то, при достаточно темных обстоятельствах, она убила одного из своих клиентов, чтобы получить крупную сумму денег. Спустя три дня после убийства ее задержали и приговорили к гильотинированию в 1879 году. Эта история имела огромный общественный резонанс, и защитники прав женщин воспользовались ею, чтобы развернуть кампанию против проституции. Их поддержали христианские женские организации, вдохновляемые американскими пуританскими лигами.

Но эта история наделала столько шума, во-первых, из-за того, что случай был из ряда вон выходящий, во-вторых, из-за того, что в тот момент умы людей находились в состоянии кипения. И движение против проституции осуждало прежде всего *мисэ-дзёро*, кон-

троль над которыми властям удавался не слишком хорошо. Образ жизни *агэ-дзёро*, или «регулярных» проституток, не вызывал такого возмущения. В отличие от европейских жриц любви японские *дзёро* ничем — ни речью, ни поведением не отличались от «порядочных» женщин, и люди к ним относились благосклонно. Презирали лишь тех из них, кто отдавался иностранцам. Что касается *гейш*, то они были скорее актрисами (это, собственно, и означает слово «*гейша*»), с юности обучались искусству пения, танца, музыки, разбирались в литературе, поэзии и, разумеется, в науке обольщения, часто были прекрасно образованы и составляли совершенно особый класс. Их общество было желанным: «Говорили, что каждый уважающий себя студент начала эпохи Мэйдзи должен был иметь две цели в жизни: стать государственным министром и иметь подругу-*гейшу*». Пример показывали крупные государственные деятели, ведавшие общественными делами. Жены Ито, Ямагаты, Окумы и по меньшей мере трех членов *гэнро* до замужества были *гейшами*. Крупные предприниматели вроде Окуры, Сибусавы, Масуды также в качестве любовниц имели *гейш*, которые были гораздо более известны, чем их законные жены (впрочем, последние не видели в сложившейся ситуации никакого неудобства). Владельцы чайных домов (а ими часто являлись сами *гейши*) могли через *гейш*, находящихся под их покровительством, оказывать заметное влияние на мир политики и деловые круги. Одну из хозяек такого заведения даже называли «неофициальным секретарем главы кабинета министров», настолько сильным было ее влияние на этого крупного государственного деятеля. Действительно, все влиятельные чиновники имели *гейш* в качестве любовниц, что нимало никого не смущало. Некоторые *гейши*, женщины очень высокой культуры, и не думали скрывать свое влияние на членов правительства и даже писали произведения об «изнанке» политической жизни, как поступила, например, знаменитая Окои-сан, любовница принца Кацуры Таро. Другая *гейша*, Момо-кити (принадлежавшая к тому же чайному дому, Тэру-оги, который находился в квартале Симбаси в Токио), став любовницей принца

Ивакуры, открыла трехэтажный ресторан в европейском стиле в квартале Юракутё. В книге «Рюко Синси», написанной Нарусимой Рюхоку (1857—1884), ученый, последователь конфуцианства, бывший опекуном сёгуна Токутавы Иэмоти, жалуется на то, что *гейши* современности уже не те, какими были раньше, во время правления Токутавы:

«В старые времена *гейша* из квартала (*юри*) Янагибаси непременно обладала хотя бы одним из трех качеств: красотой лица, утонченными манерами и умом. Конечно, мало кто мог похвастаться одновременным наличием всех трех, да и сейчас такие жемчужины попадаются редко. По красоте головы и плеч они превосходят всех обычных женщин в городе. В наши дни в квартале Янагибаси с трудом можно отыскать одну-двух *гейш*, обладающих одним из этих качеств. Если какая-нибудь кажется вам хорошенькой, то своей привлекательности она обязана умелому использованию пудры и роскошному кимоно. Раньше истинные *гейши* презирали подобные ухищрения, считая их привилегией обыкновенных куртизанок. Они гордились своим *сугао* (ненакрашенное лицо) и кимоно скромных расцветок. Но современные *гейши* только и знают, как перенимать моду и манеры у женщин из Ёсивары (самый большой и современный *юри* в Токио), которые выражаются в яркие вульгарные одежды и пренебрегают духом прошлого».

Между чайными домами и кварталами, где они находились, существовала жесткая конкуренция. В Токио такими вечными соперниками были Ёсивара и Янагибаси, а вскоре к ним присоединился бывший пригород Акасака из-за того, что с ним соседствовали богатые районы Адзабу и Гиндза. Города гордились своими «кварталами развлечения», названия которых были у всех на устах. *Гейши*—хозяйки ресторанов и крупных чайных домов, которых в этом случае именовали *карюкай*, поддерживали тесные отношения с деловыми и политическими кругами, и их влияние на протяжении всей эпохи Мэйдзи было очень заметным. Ни один официальный банкет или деловое собрание не обходились без присутствия знаменитых *гейш*. И хотя пра-

вительство неоднократно предупреждало об опасностях, связанных с проституцией и с вытекающей из него коррупцией, этот обычай продолжал жить, и в Токио, так же как и в провинции, по-прежнему приглашали *гейши* на все деловые встречи. В газетах часто писали о модных *гейшах* и даже периодически выпускали каталоги, где перечисляли их имена, описывали их качества, указывали адрес чайных домов или *карюкай*, а также уточняли имеющиеся достоинства, будь то умение читать стихотворения или играть на *сямисэне*, этой трехструнной гитаре, фактически ставшей символом их занятия. Художники и граверы, вдохновленные Утамаро, изображали *бидзин* (красивых женщин) Ёсивары или других кварталов в целомудренно-скромных тонах, как и полагалось японке, играющих на *сямисэне* или на тамбурине, читающих любовное письмо, наносящих последний штрих на свой туалет, курящих короткую трубку (*кисэру*) или пьющих чай. *Гейша* была предметом любви, и часто мужчина, не испытывающий этого чувства к законной жене, искал его с *гейшей*. Она далеко не являлась рядовой проституткой, она скорее соответствовала тому, что во Франции в 30-е годы называли «дамой полусвета»...

Лафкадио Херн, шотландский писатель, принявший японское гражданство и имя семьи своей японской жены, Коидзуми Ягумо, и сумевший проникнуть в тайны души этого народа, писал в своей повести, озаглавленной «Кимико», о *гейше* и о ее жизни в одном из *юри*:

«Ночью улица представляет собой одно из самых странных зрелищ в мире: она узкая, словно коридор, в фасадах домов светятся бесчисленные квадраты тщательно занавешенных окон. В каждом из этих окон находится маленькая скользящая створка, затянута бумагой, похожей на стекло. Все это напоминает каюты пассажиров первого класса. Дома довольно высоки, но в темноте, особенно если не светит луна, можно различить только первый этаж. Сверху все обнимает мрак. Свет исходит только от ламп, спрятанных за бумажными щитами, и от светильников, подвешенных над каждой дверью. Улица тянется между двумя рядами бумаж-

ных фонариков, сливающихся вдалеке в сплошную неподвижную желтую линию. Некоторые из светильников имеют яйцообразную форму, другие — цилиндрическую или форму многогранников. На всех нанесены названия домов и имена гейш, живущих в них. Улица пустынна и спокойна, подобно выставке интерьера в выходной. Почти все ее обитательницы на банкете или еще на каком-либо празднике: они живут ночью. Надпись на первом светильнике гласит: “Киноя-ути О-ката”, то есть “Дом Киноя, где живет О-ката”. Надпись на лампе справа возвещает, что название дома — Нисимура, а имя девушки — Мёцуру (“великолепный журавль”). Слева — дом Кадзита, где живут Когана (Бутон) и Хинако (“та, чье лицо напоминает кукольное”). Прямо — дом Нагаэ и его обитательницы Кимика и Кимико...»

В квартале Асакусы новый Ёсивара был окружен рвом и деревянным барьером. Сюда приходили гулять всей семьей по вечерам, чтобы полюбоваться на *дзёро*, которые спокойно сидели за оградными решетками, не обращая ни малейшего внимания на прохожих. Иногда привратник окликал их, приглашая войти.

Между тем правительство официально запретило проституцию, стремясь «сохранить лицо» перед иностранными державами, но этот запрет на деле так и не был применен. Кимура Ки рассказывает в одном из своих произведений, что запрет на занятие проституцией был спровоцирован китайским кули, сбжавшим с перуанского судна, остановившегося в Йокогаме. Этот кули был одним из китайских рабов, которых везли продавать в Америку. Японское правительство, выслушав его жалобу, задержало судно и освободило всех рабов, чем вызвало официальный протест перуанских властей и Великобритании под предлогом того, что Япония, разрешая продажу и покупку людей, не может требовать обратного от другой страны. Думая, что иностранцы намекают на проститутток, правительство решило немедленно устранить древнейшую из профессий. Это произошло в 1871 году. Но проститутки в Японии свободно занимались своим ремеслом, и сводничества в Японии не существовало. Поэтому постановление об освобождении оказалось малоэффектив-

ным. Второе постановление, выпущенное в 1901 году, разрешало *дзёро* всех категорий свободно покидать чайные дома, если они того желали, даже если они не закончили выплачивать хозяйке долг за обучение. Но этот закон не соблюдался, и до конца эпохи Мэйдзи дело *дзёро* и *гейши* процветало. Их вычеркнули из списков полиции нравов, но отнюдь не из списков Министерства финансов, потому что налоги они платили исправно!

Смерть и наследование имущества

Японцы в своем большинстве по-иному, чем европейцы, относятся к такому переходному событию, каким является смерть: она не внушает им страха, ибо там их не ждут никакие ужасные муки (некоторые буддийские секты, правда, считают по-другому), равно как не ждет их и рай, который представляется им маловероятным. Единственное, что привил им буддизм, — так это учение об относительности всего сущего: все, что родилось, непременно придет к распаду и смерти. Смерть — это факт, присущий жизни точно так же, как и рождение. Большинство буддистов отличаются от последователей синтоизма тем, что верят в некое подобие рая после смерти, но не рая, который является вознаграждением наиболее добродетельным людям, как его представляют иудаизм и христианство, а состоянием абсолютного блаженства, отсутствия желаний и страданий. Некоторые буддисты полагают, что их дух вернется на землю, другие — что он непременно достигнет этого состояния блаженства, рая Будды Амиды (Амитабхи). Есть и те, кто считает, что после смерти физического тела их дух волеется в сумму всех душ вселенной. Что касается синтоистов, то они не верят ни в ад, ни в рай, а считают, что после смерти станут невидимой высшей сущностью, *ками*. Сам же факт ухода из этого мира представляется им нечистым. Буддийские и синтоистские верования очень часто обращаются к теме смерти, как правило, говоря о том, что смерть — неизбежность, и никто, даже император, не может пере-

хитрить ее, и было бы иллюзией считать ее более чем просто одним из жизненных событий. Тем не менее — это верование существовало с самого рассвета японской цивилизации — физическая смерть рассматривалась не как нечто пугающее, но как что-то нечистое, и требовалось выполнить многочисленные ритуалы, чтобы избавиться от скверны. Поэтому похороны по синтоистскому обряду сопровождалась проведением многочисленных очистительных ритуалов. Синтоизм с отвращением относится ко всему, что касается физической смерти, поэтому необходимыми церемониями занимались, как правило, буддийские монахи, и начиная с VI века, когда в Японии появилось учение Будды, именно монахов привлекали размышления о смерти (возможно, потому, что образование делало упор на том, что происходит с человеком после его кончины), в то время как различные *каннуси* (священнослужители синтоизма) предпочитали иметь дело с вопросами, касающимися повседневной жизни. До Мэйдзи синтоисты считали буддийских монахов нечистыми людьми, поскольку те неизбежно были связаны с проведением похоронных обрядов. Многие японцы старались избегать встречи с ними. Но если случалась смерть, верующие буддисты сейчас же принимались искать монахов, чтобы услышать от них слова утешения и провести необходимые обряды. На совершение самоубийства не налагалось никаких религиозных запретов, японцы считали, что каждый волен положить конец своей жизни, если он того желал: «хорошая» (то есть достойная) смерть была предпочтительнее жизни в бесчестье. Таким самоубийством часто восхищались, хотя и сожалели о человеке.

В Европе самоубийство, совершаемое самураями и называемое *харакири* (сами японцы предпочитали термин *сэнтюку*), вызывало удивление и казалось недостойным деянием. На самом деле этот способ уйти из жизни никогда не носил такого жестокого характера, как это со смакованием описывают рассказы, в которых герой вспарывает живот и вырывает внутренности в присутствии врага. Это чистейший вымысел. В действительности тем, кто совершал *сэнтюку*, вспарывая жи-

вот, почти всегда помогал друг или свидетель (*кайсакунин*), который должен был по приказу совершающего самоубийство отсечь ему голову саблей после того, как тот совершал ритуальное надрезание живота. Надрез не был глубоким и не задевал ни одного жизненно важного органа, лезвие кинжала проникало в тело всего на несколько миллиметров, что не вызывало сильной боли. После совершения *харакири* помощник точным и сильным движением отсекал голову от тела. Надрез на теле погибшего ясно говорил о добровольном решении уйти из жизни и не давал повода обвинять в смерти того, кто выполнил его приказ. К этой «почетной» смерти прибегали только представители военной аристократии, простолюдины же предпочитали другие способы самоубийства. *Сэнтукү* стало редким явлением в годы Мэйдзи, так как приказ совершить самоубийство не исходил больше от высшей власти, как это было в эпоху Эдо, и основывался только на личном желании человека покончить с собой. *Сэнтукү*, совершенное в 1912 году генералом Ноги и его супругой, которое не являлось *харакири* в строгом смысле этого слова, поскольку муж и жена перерезали себе горло, стало одним из последних в истории Японии, хотя и позднее к этому обычаю прибегали крайние националисты вроде писателя Мисимы Юкио. Часто говорят о том, что генерал Ноги покончил с собой, чтобы не пережить императора, которому верно служил до его смерти. Но эту причину нельзя считать единственной. В предсмертном письме мы читаем, что причиной, побудившей его уйти из жизни, было то, что он стремился искупить свою вину, когда во время войны на Кюсю в 1877 году (!) позволил врагу поднять знамя, которое нес. С этих пор он постоянно вынашивал идею о смерти. И тридцать пять лет ждал момента, чтобы во время похорон императора «заплатить долг».

Путешественники, посещавшие Японию, часто испытывали удивление, то и дело натыкаясь (как правило, на окраинах городов и у храмов) на маленькие кладбища с бесчисленными крошечными могилами, обозначенными разной высоты камнями, на одной стороне которых были выбиты какие-то знаки. Этих

стел было иногда так много, что они производили впечатление настоящего каменного леса. У некоторых из них были посажены цветы или лежали букеты. Другие возвышались в центре совсем маленького огороженного участка, где земля была усыпана мелким гравием. Кладбища стали разрастаться к концу эпохи Мэйдзи после японско-китайской и Русско-японской войн, когда тела погибших не могли доставить родным и хоронили подобным образом. В этих могилах не было тел, иногда только прядь волос, обрезки ногтей или урны с прахом умершего. До 1874 года в Японии не было принято ни воздвигать надгробия, ни устраивать кладбища на западный манер. Первое подобное кладбище было создано в Токио в Аояме на специально выделенной для этой цели территории храма. В это же время жителям города запретили хоронить покойников, где придется, как это делалось раньше согласно обычаю, когда тело хоронили где-нибудь в стороне от дома и могилу никак не обозначали, чтобы можно было скорее забыть о ней. В другом же месте, преимущественно в саду храма, воздвигали маленький памятник или просто деревянную дощечку с надписью. К этой псевдомогиле приходили родственники и друзья, чтобы почтить умершего. Если тело кремировали, что делалось как в деревнях, где земля была дорогой, так и в городах, чтобы не отводить под кладбища слишком большие территории, то пепел собирали в урну, которую затем закапывали или оставляли в храме. В зависимости от того, кем был покойник, буддистом или синтоистом, похороны проводились по-разному. В первом случае изготовлялся гроб цилиндрической формы, похожий на бочку, в котором покойник как бы сидел на корточках; во втором случае гроб был похож на тот, который используется на Западе.

Обычно смерть обставлялась множеством ритуалов, варьирующихся в зависимости от региона страны. Но как правило, дом, в котором умер человек, объявлялся нечистым, и, как следствие, на него накладывалось табу, о чем людей предупреждала надпись на двери или нечто вроде деревянного креста, установленного перед ней. В древности дом вообще сжигали и семья

строила новый в другом месте. Но этот обычай не могли больше выполнять, зато проводились многочисленные ритуалы, призванные снять «скверну» с того, что находилось в контакте с покойником. Огонь, горевший в доме, где кто-то умер, также считался нечистым и не мог больше использоваться для приготовления пищи или даже просто для того, чтобы зажечь от него трубку. Его переставали поддерживать, пламя гасло, а после похорон огонь разводили заново с помощью горящих угольев, принесенных из соседнего дома, или, позже, с помощью спичек. Традиция также предписывала, чтобы семья умершего отдавала урожай и животных другим семьям, но этот обычай соблюдался не слишком строго и был скорее видимостью. Соседу предлагали меру риса и какое-нибудь животное, а он возвращал все это после похорон.

Во время похорон родственники покойника одевались в белое (цвет траура в странах Дальнего Востока), а женщины следовали за процессией, обернув головы левым рукавом своего белого кимоно. Когда гроб или урну с прахом выносили из дома, о порог разбивали глиняную посуду, которой часто пользовались, как правило — чайную чашку. Похоронную процессию сопровождал человек с факелом, очищая дорогу вслед за ней, а на месте, где должен был быть погребен покойник, зажигали огонь, символизирующий бога очага. Процессию возглавлял ближайший наследник покойного, несший могильную плиту, на которой было выбито его имя. Вдова усопшего или жена наследника шла следом с подносом в руках, на котором лежало подношение в виде пищи и который полагалось поставить на землю на месте захоронения или рядом. На протяжении всего пути разбрасывали зернышки риса или мелкие монетки, чтобы отвлечь внимание злых духов. Из этих же соображений к месту захоронения часто шли не прямым, а извилистым путем. Саму могилу копали молодые люди из деревенских общин или те, кто в этой деревне был чужим. Обычай предписывал предлагать пищу этим чужаками. На обратном пути

члены семьи опережали процессию и, вернувшись в дом, рассыпали по земле соль, чтобы очистить ее и также помешать злым духам приблизиться. Таким образом, жилище считалось вновь пригодным для жилья и в нем опять зажигался огонь.

В некоторых регионах родственницы покойного или специально приглашенные женщины громкими воплями оплакивали потерю любимого человека, но этот местный обычай совершенно исчез к концу эпохи Мэйдзи. В то время как в народе похороны сводились к максимально простой церемонии, среди аристократии отдавалось предпочтение как можно более пышным и дорогостоящим похоронам. Так, в 1897 году, когда хоронили вдовствующую императрицу, на проведение церемонии было потрачено более семисот тысяч йен — сумма весьма значительная для того времени. Тысячи преступников были помилованы, занятия в школе прекращены на неделю и в течение месяца запрещалась какая-либо музыка.

Но если на таких похоронах общенационального масштаба каждый мог свободно принять участие, то в деревнях чужим редко когда позволялось присутствовать при совершении ритуалов. Беременные женщины не должны были смотреть на похоронную процессию, а если этого не удавалось избежать, то полагалось спрятать маленькое зеркальце в своем *оби*, чтобы оно отпугивало злых духов. Кроме того, хозяева домов, мимо которых пролегал путь похоронной процессии, вооружались против вредоносного влияния защищающим знаком, который чертился на двери, или рассыпали на пороге немного соли.

К концу эпохи Мэйдзи покойников стали все чаще кремировать, особенно эта практика распространилась в городах, где были проблемы с местом для кладбищ. В деревнях кремацию проводили, как правило, на территории буддийских храмов, хотя могли сжигать трупы и в поле. Прах, собранный на следующий день и промытый в чистой воде, хранили в маленькой урне, которую ставили на семейный алтарь на время траура (обычно он длился сорок девять дней), затем закапывали в землю или помещали в хрaме.

После того, как в начале эпохи Мэйдзи буддизм оказался в положении преследуемой религии и был отделен от синтоизма (по приказу императора), синтоистский похоронный обряд стал вытеснять буддийский, так что монахи принимали все меньше участия в этой церемонии. Синтоизм стал национальной религией Японии, и священнослужителям этого культа пришлось заниматься умершими и заботиться о их поминовении; специально для церемонии почитания усопших были созданы многочисленные святилища, причем особенное внимание уделялось культу памяти солдат, павших на поле битвы. Так, в 1868 году в Токио появилось святилище Ясукуни, в котором, как верят, живут души тех, кто отдал жизнь за родину.

С начала 1886 года в Токио и в других крупных городах появились похоронные бюро, которые снабжали население всем необходимым для правильного проведения обряда на буддийский или синтоистский манер и занимались всеми деталями похорон, вплоть до того, что предоставляли лицам, желающим следовать за процессией, необходимые транспортные средства вроде *дзинфрикши*. В городах в похоронном обряде участвовали только члены семьи покойного, а соседей это ни в коем случае не касалось. Чтобы оповестить их об окончании траура, родственники умершего посылали друзьям и знакомым небольшие подарки-угощение (только не из мяса, поскольку его употребление в пищу в период соблюдения траура строго запрещалось). К подарку прилагался маленький кусочек морского уха, завернутый в лист бумаги, что означало, что люди, пославшие это угощение, больше не считаются нечистыми, срок траура подошел к концу и они могут вновь есть рыбу и мясо. Сейчас этот *носи* сопровождает все съестные подарки, и его первоначальное значение забыто до такой степени, что *носи* символизирует маленький рисунок, напечатанный на бумажном конверте.

Одной из черт, присущих государственным деятелям и законодателям эпохи Мэйдзи, было то, что они придавали мало значения местным обычаям крестьян и простолюдинов по сравнению с традициями старинных аристократического и военного сословий. Так, что

касается права наследования, то законодательство того времени, беря пример с европейского, передавало его старшему сыну. Это перекликалось с аналогичным конфуцианским обычаем, существовавшим среди военного сословия в прежние времена.

Общепринятый обычай настаивал на передаче дома сыну и его супруге после того, как хозяину исполнится шестьдесят лет, что позволяло избежать споров между наследниками. Об этой передаче сообщалось супруге законного наследника (она получала миску с рисом как знак власти), и ей также передавалась часть наследства, равная доле мужа. Новые же законы устанавливали, что передача имущества может быть осуществлена только после смерти и только старшему сыну в семье, что привело к потере власти его супругой и ограничило ее владения кухней. Но этот закон соблюдался лишь в городе. Старые обычаи все еще были в силе, и закон формально не упразднял их; они не могли быть запрещены, пока не давали повода для возникновения разногласий, которые могли быть решены только в зале суда. На самом деле это положение о первородстве могло равным образом применяться в случае, если семья усыновляла ребенка после кончины старшего сына или если среди наследников покойного оставались только дочери. Согласно закону 1875 года прежнего Гражданского кодекса, человек мог называться главой семьи и наследовать имущество умершего, если он являлся: 1) прямым родственником покойного, имеющим наиболее близкую степень родства при условии, что оно законно, либо если он был рожден от сожительницы; 2) сыном или внуком покойного (поскольку мужчинам отдавалось первенство в праве наследия); 3) среди потомков мужского или женского пола предпочтение отдавалось старшему или старшей, законному сыну перед сыном, рожденным от сожительницы. Новый Гражданский кодекс, принятый в 1890 году, почти все случаи трактовал в пользу законных потомков (женского или мужского пола) перед усыновленными, но все еще оказывал предпочтение сыну перед дочерью.

Обычай требовал, чтобы человек, не имеющий сыновей, усыновил зятя, который мог наследовать титул

главы дома и принимал его имя. Но гораздо чаще случалось так, что усыновление семьей ребенка не имело целью обеспечивать преемственность потомства мужского пола (обычно оно уже было обеспечено), а должно было просто укрепить семью. В некоторых провинциях мальчики из бедных семей почти автоматически усыновлялись богатыми семьями и воспитывались надлежащим образом как собственные дети. Обычно эти приемные дети не имели права наследования титула или состояния той семьи, в которой воспитывались. Среди военного сословия мальчика из чужой семьи иногда принимали в свою, чтобы он мог встать во главе рода или семьи, если законный наследник был еще слишком молод и не мог достойно выполнять свои обязанности. Премный сын заменял законного наследника до тех пор, пока тому не исполнялось двадцать шесть лет. Тогда он уступал ему место, а сам получал земли и что-то вроде пенсии, выплачиваемой рисом.

Как правило, наследник должен был быть женат, чтобы лучше справляться со своими обязанностями главы семьи. Но новые законы не поддержали эту традицию, и правом наследования обладал как женатый мужчина, так и холостяк, бывший законным или приемным сыном.

Между тем во многих провинциях новые законы о передаче наследства и усыновлении игнорировались очень долго. Местный обычай, не имея юридической силы, продолжал соблюдаться, как и в старые времена. И только в городах, где условия жизни полностью изменились, новые распоряжения были приняты всеми жителями.

РАБОТА И УЧЕБА

Школа и образование

Одной из первых забот правительства в эпоху Мэйдзи стали распространение грамотности и создание школ. Но польза образования еще не была ясна населению, в особенности жителям деревень. Чтобы пробудить в людях желание учиться, император Муцухито выпустил рескрипт, ставший впоследствии знаменитым:

«Знание необходимо для каждого человека, для его умственного и физического совершенствования, для улучшения условий жизни; невежество же — причина всех несчастий, поражающих общество. Хотя школы существуют уже несколько лет, народ все еще противится необходимости учиться, ошибочно полагая, будто образование является привилегией высших классов. Ни крестьяне, ни ремесленники, ни торговцы до сих пор не посылают в школы своих сыновей, не говоря уже о дочерях. Наш замысел таков: не ограничиваться обучением нескольких избранных, но распространять образование так, чтобы не осталось ни одной деревни, где была бы неграмотная семья, и ни одной семьи, член которой был бы неграмотным. Отныне знание не должно принадлежать только высшим классам, оно — общее наследие, равную часть которого получают аристократ и самурай, крестьянин и ремесленник, мужчина и женщина...»

Этот императорский приказ послужил сигналом к общественному подъему и ко всеобщему посещению школ, когда все — старые и молодые — стремились воплотить волю своего императора и получить образование. В последующие годы желание учиться возросло, что стало толчком к строительству школ даже в самых незначительных деревушках. Все, кто едва умел читать и писать, считали своим долгом стать преподавателями и научить остальных тому немногому, что знали сами. К концу эпохи Мэйдзи почти все население Японии получило школьное образование: в отчете Министерства народного образования за 1906—1907 годы сообщается о том, что в Японии того времени насчитывалось двадцать семь тысяч двести шестьдесят девять начальных школ и что уровень посещаемости достигал 98 процентов среди мальчиков и 95 процентов среди девочек.

Вначале появление школ в деревнях вызвало жесткое сопротивление, так как было сопряжено со значительными тратами общинных денег и, кроме того, само обучение было платным. Каждый ученик был обязан заплатить около пятидесяти сэн (один со риса, вмещающий примерно 1,8 литра, стоил десять сэн). Сначала государство решило разделить всю территорию страны на девять университетских округов, каждый из которых, в свою очередь, делился на тридцать три района и в каждом из которых был свой колледж. Район же делился на двести десять деревень, имеющих начальную школу. Это означало, что на одну школу приходилось шестьсот человек, а на население в тридцать три миллиона жителей — восемь университетов, двести пятьдесят шесть колледжей и пятьдесят три тысячи семьсот шестьдесят начальных школ. Новая система начала работать практически сразу же и использовалась до 1875 года. Спустя три года после обнародования рескрипта об образовании число начальных школ перевалило за тридцать четыре тысячи. Трудности, с которыми сталкивались деревенские общины, были связаны прежде всего с отсутствием помещений под школы и нехваткой специалистов. Поэтому в ожидании подходящих зданий школы размещали в буддий-

ских храмах и везде, где только можно, расставляли столы и стулья, которые ученики, не привыкшие сидеть на западный манер, часто игнорировали, усаживаясь на корточки и оставляя обувь на пороге.

«Школа представляла собой маленький дом с соломенной крышей, который стоял посреди рисового поля. Она ничем не отличалась от прежних храмовых школ феодальной эпохи. Но у нас, помимо прежних каменных стержней для письма, были и грифельные доски. Летом мы собирались в школе еще затемно и занимались при свечах — это называлось “утренней каллиграфией”. Зимой же, поскольку в школе не было отопления, каждый из нас приносил с собой маленькую жаровню, топившуюся древесным углем, и до следующих каникул она была непременно предметом интерьера...» На самом деле школа часто помещалась в обычном крестьянском доме, так что один класс не отделялся от другого, а столовая от спальни. Все это находилось в одной большой комнате. «Наш “класс” отличался тем, что циновки в нем были чище, чем в других частях помещения, а вот в “столовой” они были особенно грязны. Что касается “дортюара” (спальни), то спали мы повалку, где придется, на любом клочке пространства, свободном от столов... Услышав крик “В класс!”, мы вскакивали с места, где отдыхали в темных углах комнаты, и рассаживались в большой круг — это и была наша “классная комната”». Между тем потребность в зданиях, специально распланированных под школу, стала нарастать, и вскоре началось их строительство. Современными школами, не отличавшимися от столбчатых, в деревнях очень гордились. Вопреки японской традиции оставлять естественный цвет дерева, стены выкрашивали в белый, чтобы сельская школа сильнее походила на токийские, которые своей расцветкой отличались от остальных домов. В маленьких городках и в деревнях школа стала символом европеизации: она была задумана на западный манер, выглядела соответственно, и в ней находились столы и стулья — предмет мебели, совершенно нехарактерный для японского дома. После того как исчезли нерешительность и колебание, присущие началу всякого дела,

от школ стали ждать многого, ведь в глазах большинства они олицетворяли все блага Запада. В 1890 году к обязательной в каждой деревне начальной школе добавилась высшая, готовившая детей к поступлению в колледж. Уровень посещаемости неуклонно рос, и крестьяне сожалели о том, что в прошлом предпочитали посылать детей не в школу, а на полевые работы. В городах, так же как и в деревнях, обычай требовал, чтобы детей после семи лет начинали приучать к работе. Это должно было дать им необходимые навыки работы в поле, приучить их к ремеслу или торговле, в зависимости от того, чем занимались родители. Поэтому сыновей и дочерей в школу посылали неохотно, хотя постепенно и стали признавать пользу образования.

После 1890 года образование в начальной школе стало не только теоретическим. К нему добавился и практический элемент, что побудило людей чаще отправлять детей в школу. Количество учеников и уровень посещаемости еще больше возросли. Также создавались классы для девочек, где помимо основного курса преподавались практические знания: домашнее хозяйство, шитье, воспитание детей и т. д. Правительство, вдохновленное первыми результатами, с 1893 года занялось созданием специализированных школ, где упор делался на практическое образование, касающееся сельского хозяйства, торговли и связанных с ними специальностей. Обучение в таких школах было платным.

В городах, где средние классы были очень бедными, создавались, в основном по инициативе буддийских монахов, бесплатные начальные школы, в которых детей знакомили только с чтением и письмом. Однако многие родители предпочитали отправлять ребенка в школу лишь после десяти — двенадцати лет, а до этого возраста ограничивались домашним образованием, обучая его азам будущей профессии.

Школьная программа не ограничивалась тем, чтобы привить населению элементарную грамотность. С самого начала она отвечала целям, зафиксированным в императорском рескрипте 1890 года, который предписывал «давать детям воспитание как нравственного,

так и патриотического характера, обучать их основным наукам, которые пригодятся им в дальнейшем, и неустанно следить за их физическим развитием». И этот рескрипт, определяя основные принципы естественной морали, приказывал учителям оказывать «полную поддержку Нашей Императорской Династии, вечной, как вселенная. Так вы не только покажете себя верными гражданами своей страны, но и сможете подтвердить благородство своих предков...»

Хотя следующий рескрипт (1899) указал на то, что в принципе мораль не зависит от религии, все же последней в школьной программе уделялось особое внимание. Утверждались главные принципы синтоизма и прежде всего — «уважение к Предкам и к Императору». По этому поводу тонкий наблюдатель того времени Г. Уэлерси заметил, что «уважение к предкам преподносилось в школе как истинный культ, а история страны — как священная история».

Что касается детей, работающих на заводах, то мало кто из них имел возможность посещать школу. Некоторые руководители, правда, старались изменить эту ситуацию и обучали детей сами (или же нанимали преподавателей) чтению, письму по *токухону* (книга для чтения), а также использованию *соробан*, счетам, распространенным повсеместно в Японии. Кроме того, школы часто находились слишком далеко от дома учеников или не могли вместить всех детей. Некоторые должны были проходить очень длинное расстояние, чтобы попасть на занятия. В «Нироку симбун» за 25 июля 1909 года юная студентка пишет: «От моего дома до школы было около двенадцати километров, и женщине требовалось не менее трех часов, чтобы пройти такое расстояние. Занятия же начинались в семь утра. И, несмотря на все, я в течение двух лет ежедневно проделывала этот путь, хотя вставать приходилось в три часа утра... Я ненавидела это...»

Ученики колледжей и высшей школы почти все принадлежали к семьям самураев. В начале эпохи Мэйдзи им приходилось нелегко, ведь преподавание велось иностранцами на английском, немецком или

французском языках. Сначала этот язык нужно было выучить. С каждым преподавателем работал переводчик, который с трудом мог перевести на японский язык технические термины, используемые педагогом. Студенты старших классов часто были совершенно незнакомы с нормами поведения и, в духе правящего сословия, могли перед всем классом выхватить саблю, к крайней растерянности бедного преподавателя-иностранца, не знающего, что предпринять. Многочисленные инциденты такого рода происходили вплоть до 1876 года, когда правительство запретило ношение сабли. Но ученикам не хватало усидчивости, что не способствовало их успехам в учебе. Высшее образование имело ярко выраженную «западную» направленность и в силу многих вещей являлось прерогативой юношей, принадлежащих к военному сословию. Так, в 1878 и 1879 годах из девяти дипломов, выданных выпускникам юридического факультета Токійского университета, лишь один не принадлежал выходцу из семьи самураев — это был сын богатого столичного торговца.

Постепенно с течением времени все больше учеников из других сословий могли получить диплом, но все же это в основном были сыновья политических деятелей, богатых торговцев или крупных собственников. Те, чей достаток не позволял прилежно посещать занятия в университете или в высшей школе, стоящие очень дорого, проводили большую часть времени, подрабатывая в типографии, рассылными или даже рикшами, чтобы иметь возможность заплатить за учебу и просто заработать на жизнь. Наименее обеспеченные студенты, приехавшие в город из деревни или живущие далеко от университета, не имеющие денег, чтобы снимать жилье, вынуждены были ночевать в больших ночлежных домах рядом с местом учебы. Там они встречались со своими сверстниками, которые часто были родом из одного с ними региона, праздновали с ними свои местные праздники, соблюдали те же обычаи, ели одну и ту же пищу и создавали своего рода молодежные организации односельчан. Эти ночлежные дома представляли собой

обыкновенные бараки, деревянные или покрытые гипсом, лишенные какого бы то ни было комфорта. Их хозяевами были *ояката*, демонстрирующие таким образом властям свое послушание и готовность к сотрудничеству. Более богатые студенты находились на пансионе в тех бесчисленных домах, которые хоть как-то были ориентированы на содержание учащихся и составляли типично студенческие районы, вроде Канда и Хонго в Токио. В этих кварталах или на их окраинах некоторые торговцы, ремесленники и прочие горожане сдавали студентам комнаты, предлагая иногда одноразовое питание. Таким студентам везло больше остальных: по крайней мере, возвращаясь с учебы, у них создавалось впечатление, что они живут в семье. Иногда возникали новые связи между человеком, принимающим услуги, и тем, кто их оказывал: в семье, взявшей студента на обеспечение, жил его *ояката*, а это накидывало на молодого человека очередную петлю долга.

В начале эпохи Мэйдзи количество выдаваемых ежегодно дипломов было довольно большим, хотя в то же время высоким был и уровень требований, предъявляемых образованному человеку. Некоторые студенты после окончания учебы, а иногда даже до ее завершения получали государственный пост. Кроме того, наиболее прилежных и успевающих учеников опекали их *ояката*.

Студенткам же найти жилье было гораздо проще, их охотно принимали семьи, особенно если девушки принадлежали к уважаемым кругам, а в большинстве случаев так оно и было. Деревенские девушки, добившиеся посещения высшей школы благодаря упорству и уму, но не имевшие средств, чтобы находиться на пансионе в семье, вынуждены были жить в «ночлежных домах для девушек», где часто размещались работницы соседних фабрик или мастерских. Кроме того, у них была возможность предлагать свои услуги по уходу за детьми, нанимаясь в богатые семьи, или же подрабатывать, выполняя разную мелкую женскую работу. Вначале студентки ходили на занятия, одеваясь в традиционное кимоно, но это оказалось мало-

практичным, и вскоре, несмотря на некоторое общественное неодобрение, в их повседневную одежду проникла часть мужского костюма — *хакама*, нечто вроде широких брюк, в которые они заправляли легкое кимоно. К 1885 году они стали носить европейскую одежду — эту моду ввели в Токио учительницы школ для девочек. Ученицы колледжей и преподавательницы университетов переняли это новое веяние, и вскоре в каждой школе появилась своя униформа, в большинстве случаев имитирующая униформу немецких студенток того времени и отличавшаяся только фуражкой с эмблемой школы, к которой принадлежала ее обладательница. Эта униформа стала традиционной и быстро проникла во все школы страны, сообщая ее обладательницам то, что называли «корпоративным духом», так что ученицы колледжей носят ее и по сей день.

В начале эпохи Мэйдзи учебников было мало и стоили они дорого. Но с развитием книгопечатания и с расширением бумажного производства проблема стала постепенно решаться. Студенты по-прежнему писали кистью и каменным стержнем, который обмакивали в чернила. В начальной школе дети уже использовали грифельную доску и мел, а позднее, когда наладилось производство карандашей с графитным стержнем, перешли на них и на бумагу. Что касается учащихся колледжей и университетов, то в их распоряжении были металлические перья с чернильницей для «западных» предметов, а за традиционную кисть они брались при выполнении заданий по японской литературе.

В то время как в начальной школе и колледжах преподавание велось на японском, высшее образование и точные науки преподавались на иностранных языках. Студент считался высококультурным, если владел английским, французским или немецким языками. Знание иностранных языков было абсолютно необходимым тем, кто собирался заниматься точными науками или европейской литературой, поскольку большая часть современных произведений приходила в Японию из-за границы.

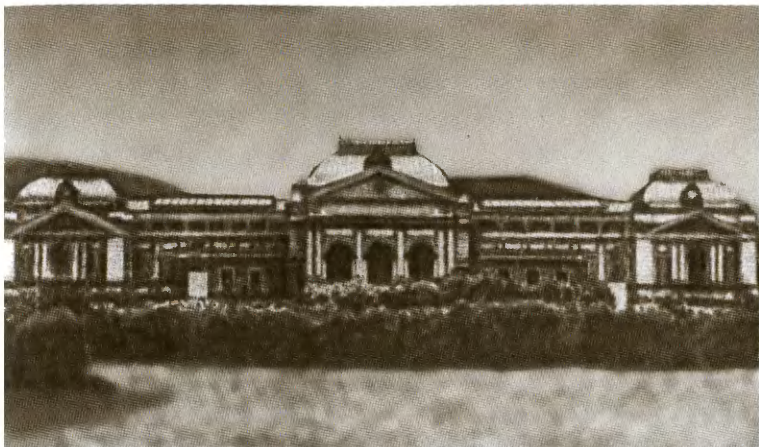
Гора Фудзи.

Улица в районе Гиндза в Токио. 1874—1877.

Улица в городе Оцу. Конец XIX в.

Киотский национальный музей. 1895.

Национальный
банк в Токио.
1888—1896.

Улица львов в Киото.

Первая линия железной дороги Токио—Йокогама. 1872.

Вокзал Симбаси. *Начало XX в.*

Туземная улица.

Театральная улица в Йокогаме.

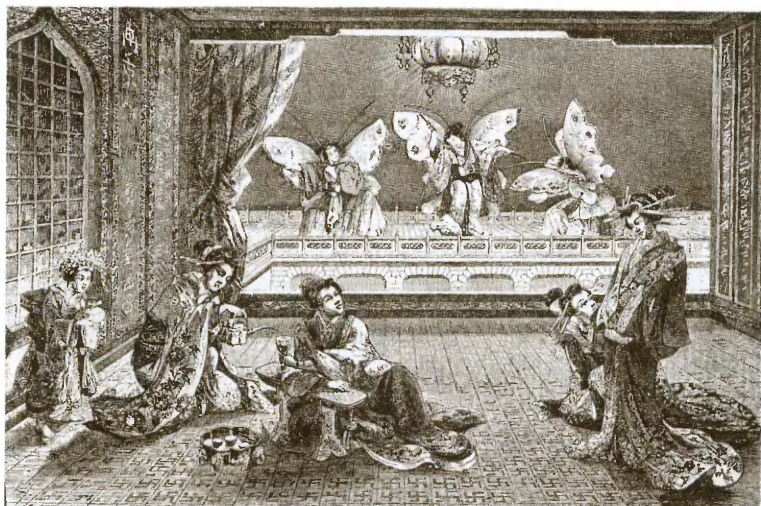
Концерт в Рокумэйкане. *Середина 1880-х гг.*

Уличный музыкант.

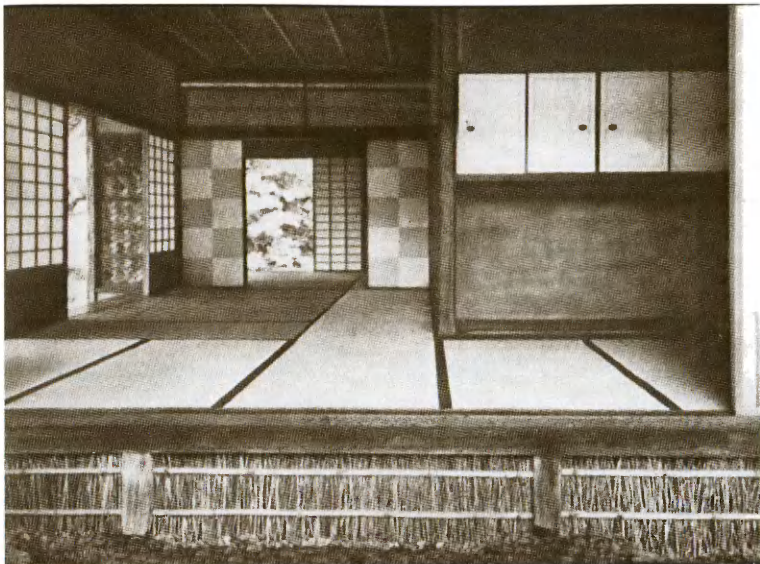

Театральное представление.

Церемония приветствий.

Интерьер японского дома.

Семья у очага.

Прически японок.

Японки за туалетом.

◀ Японки в «оби».

◀ Японская обувь.

Мать с ребенком.

Деревня Хаконэ.

Крестьяне.

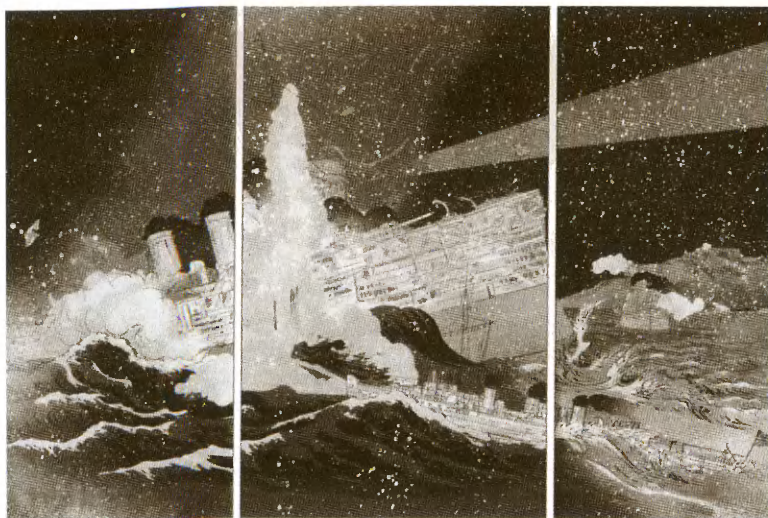

Японские
девушки.

Рикша.

Японский плакат времен Русско-японской войны.

Фотография броненосца «Миказа» с поэмой на победу.

Самурай.

Церемония харакири.

Сад камней.

После 1900 года было открыто множество университетов и число студентов увеличилось; преподавание все чаще велось на японском языке, а количество преподавателей-иностранцев сократилось; всем уже стало ясно, что только высшее образование позволит получить место в системе управления или в правительстве, так что дипломов также стало выдаваться больше. За ними началась бешеная гонка, при этом количество вакантных должностей уменьшилось, так что дипломированным специалистам больше не приходилось рассчитывать, как это было раньше, на то, что все они получат важные посты. Эти посты отныне закреплялись за теми студентами, в чьих дипломах стояли самые высокие отметки наиболее престижных университетов и поведение которых было безупречным. Некоторые студенты, чьи ожидания не оправдались, должны были устраиваться на работу в администрацию частных предприятий или искать место в сфере промышленности, часто занимая низкие должности. Жесткая, подчас бесчеловечная борьба между студентами привела тем не менее к тому, что уровень знаний стал впечатляюще высоким. Особенно это касалось «императорских» университетов, где вступительные экзамены были необычайно сложными, а конкурс очень жестким. Поступить в такой университет становилось для молодых людей едва ли не главной мечтой жизни, хотя принимали туда очень немногих. Впрочем, такое положение вещей только шло на пользу новой Японии. Вскоре появилось достаточно образованных людей, способных заменить преподавателей-иностранцев. На факультете оставалось несколько преподавателей самого высокого уровня, чьи лекции с энтузиазмом посещали студенты, желающие сравняться с ними в познаниях. Замена иностранных преподавателей японцами, с одной стороны, привела к тому, что большинству студентов стало легче учиться, но, с другой стороны, уровень владения иностранными языками снизился и вскоре перестал быть мерилom образованности. Исключение составляли лишь те очень узкие области, где необходимо было обращаться к книгам на иностранных языках.

Условия работы

После окончания школы или университета юноши и девушки должны были искать работу. В Японии эпохи Мэйдзи при создании многочисленных государственных служб, открытии новых промышленных заведений, фирм и торговых компаний чувствовалась сильная нехватка работников, особенно квалифицированных кадров. (Исключение составляло лишь сельское хозяйство.) Поиском квалифицированных кадров, в соответствии с запросами общества, и занялись директора заводов и начальники административных служб.

Дети ремесленников в профессиональном отношении шли по стопам отцов и редко выбирали себе иное занятие. Главными претендентами на новые роли были, с одной стороны, ученики школ, а с другой — крестьяне из провинции, которые после принятия новых законов о переделе земель не могли надеяться на то, что унаследуют семейные участки. Предназначением первых было сделаться чиновниками или главами предприятий, предназначением вторых — рабочими.

До начала эпохи Мэйдзи люди не привыкли получать заработную плату. Крестьяне жили плодами земли, рыбаки — за счет улова, ремесленники и торговцы получали средства на жизнь от продажи товаров, хотя наценки, которые они делали, были очень низкими. Самураи в эпоху Эдо взимали налог-ренту рисом. Только в 1871 году государство выплатило чиновникам первую зарплату, но еще долгое время половину ее составлял все тот же рис. Вначале правительство Мэйдзи установило для служащих очень высокую зарплату, больше пятидесяти иен в месяц, а для министров и советников императора — до восьмидесяти. Рис в то время стоил около десяти сэн за *со* (1,8 литра), так что это были колоссальные суммы. Тем не менее государство чаще всего забывало платить своим чиновникам, которых, впрочем, это мало заботило, поскольку все они принадлежали к состоятельным семьям и пользовались довольно значительным личным доходом. Когда

же зарплаты понизились до приемлемой суммы, никто из «дворян» не стал роптать: люди, столь благородные по своему рождению, считали ниже своего достоинства заниматься тривиальными финансовыми вопросами. Кроме того, высшие должностные лица полагали, что занимаемые ими посты были сами по себе очень почетными, так что выплачиваемые им суммы являлись не более чем компенсацией расходов, необходимых для выполнения ими своих обязанностей. Чиновники начала эпохи Мэйдзи, принадлежа к самым высшим слоям общества, все еще сохраняли традиции и образ жизни, которые вынесли из эпохи Эдо: они никогда не появлялись на публике без сопровождения многочисленной свиты «клиентов» и слуг. Государство не только относилось к этому снисходительно, но даже поощряло такой порядок вещей, считая, что таким образом чиновники пользовались бы властью, которая раньше принадлежала даймё и самураям высшего ранга. Даже дети этих чиновников ходили в школу только в сопровождении большого количества слуг (*якунин*), так что их можно было узнать с первого взгляда.

Но правительство не могло позволить себе тратить баснословные суммы на то, чтобы чиновники с роскошью обставляли свое появление на людях, и в 1872 году вынуждено было просить их умерить свои сёгунские запросы и перейти, хотя бы во время исполнения обязанностей, на европейскую манеру держать себя в обществе. Император Муцухито первым подал пример, появившись на публике в простой форме офицера военного флота. Вслед за ним чиновники всех рангов перешли на европейскую форму одежды, так что их по-прежнему можно было с легкостью отличить в толпе. Чтобы сделать их работу более эффективной, монарх решил ввести семидневную неделю по европейскому образцу с обязательным выходным в воскресенье взамен старой системы, предполагающей большое количество отпусков и выходной раз в пять дней, так что чиновники работали не больше, чем сто пятьдесят дней в году. Отныне выходными днями считались вторая половина субботы и воскресенье, без учета официальных праздников. Кроме того, рабочий день теперь

начинался в 9 утра и кончался в 4 часа дня. У Европы переняли и другие правила относительно работы, в особенности это касалось канцелярий. Например, система дебета и кредита для всех государственных служб и для банковских операций была введена с 1879 года, но в особых случаях она применялась уже с 1874 года. Вошло в традицию посылать чиновников высшего ранга за границу, чтобы там они познакомились с нравами и обычаями Запада и по возможности переняли их. В 1880 году большинство официальных постов все еще занимали представители высших классов, даже если речь шла о незначительных должностях вроде мелких банковских клерков на железной дороге или на почте. Этим служащим низшего ранга принимали на работу не столько из-за их профессиональных качеств, сколько из-за их происхождения. Они сохраняли по отношению к народу довольно высокомерный тон, и самый последний клерк, одетый на западный манер, считал себя вправе взирать на людей из народа с глубоким презрением. Большая часть последних, впрочем, признавала превосходство этих «белых воротничков» и оставалась верной вековой привычке низко склоняться перед ними в знак почтения, как раньше простолудины склонялись перед самураями. Обычай велел им поступать так по отношению ко всякому человеку, наделенному властью. Поведение государственных служащих соответствовало поведению, предписанному их классу, а не тому, которое приличествовало бы их должности и обязанностям. Впрочем, последнее обстоятельство часто не имело никакого значения. В 1880 году более 80 процентов государственных служащих, учителей и полицейских являлись выходцами из семей самураев. По сути, для простых японцев положение дел осталось прежним: их господа всего лишь стали одеваться по-другому. Верно и то, что восстановление императорской власти не сопровождалось никакой революцией, что классовое деление общества осталось тем же, что само государство различало *кадзоку* — «благородных» и *хэймин* — людей из народа. На самом деле должностные лица при правительстве ничуть не изменились, просто само прави-

тельство приняло несколько иные формы. Для чиновников народ оставался презируемым стадом, которым полагалось жестко и твердо управлять.

Что до рабочих, происходящих из самых бедных слоев населения, то у них также не было привычки к зарплате. Те, кто работал на хозяина-ремесленника, получали угол, еду и немного денег по случаю праздника. Предприниматели, нанимавшие сразу большое количество рабочих, заботились о их жилье. Сами же рабочие делились на две категории: подмастерья, ютившиеся в бараках и время от времени получавшие деньги на карманные расходы, и опытные мастера, часто уже имевшие семьи и жившие на зарплату. Благодаря тому, что главы предприятий принимали очень много детей в ученики, они были уверены в том, что легко смогут заменить рабочих, которые часто возвращались к себе в деревню, утомленные вечными претензиями и недовольством хозяина. В этом случае подмастерья и рабочие жили полностью за счет хозяина, и у них не было строго определенных часов работы. Хозяин мог потребовать, чтобы они работали вечером или даже ночью, если считал это необходимым. Но на крупных заводах, где все рабочие трудились в одном ритме и получали зарплату, дело обстояло иначе. В то же время обычай брать на выучку подмастерьев оставался в силе даже в отраслях промышленности, принадлежащих государству. Первыми рабочими, получающими настоящую зарплату, стали те, кто работал в крупных торговых компаниях и в банках. С 1868 года государство стало нанимать рабочих на заводы по выпуску вооружения, денег, в адмиралтейства и шахты. Постепенно количество государственных заводов увеличивалось во всех отраслях промышленности: цементной, типографской. Стало больше прядильных фабрик, развивалось производство огнеупорных кирпичей и т. д. Все это требовало новых рабочих рук. С 1881 года государство перепродало большую часть заводов и компаний, предложение рабочей силы превысило спрос, и главы предприятий воспользовались этим, чтобы снизить зарплату. Промышленный упадок в деревне привел к то-

му, что молодые крестьяне и крестьянки устремились в города в поисках работы.

К 1900 году насчитывалось более трехсот сорока тысяч наемных рабочих, как мужчин, так и женщин, из которых более 60 процентов работали на текстильных фабриках, переживавших стремительное развитие в период между 1885 и 1900 годами благодаря механизации производства. Но 46 процентов работников хлопчатобумажной промышленности не достигали девятнадцати лет, а 10 процентов из них было меньше тринадцати. В других отраслях, например при производстве спичек, также использовался труд детей; некоторым из них не исполнилось и десяти лет.

Помимо крупных заводов, таких как Канэгафути в Токио, на котором в 1905 году работало более трех тысяч человек, из них две тысячи семьсот — женщины, по всей стране были рассеяны крошечные прядильные фабрики. От Уэллса мы узнаем, что в Киото, в квартале Нисидзин, где работали ткачи, создававшие великолепные шелковые ткани, насчитывалось по меньшей мере четыре тысячи мастерских, большая часть которых работала на концерн Мицуи, нанимавший около трех тысяч работников: «Внешний облик этих мастерских непримечателен; дверь такая узкая и маленькая, что, входя внутрь, непременно стукнешься головой о притолоку. Стены прихожей украшены стихотворениями, написанными на золотистой бумаге, а на полу лежат *татами*, на которые посетителю предлагают присесть и выпить чаю. В единственном помещении для работников находятся человек двадцать... Профессия не изменилась с XVI века — века, когда в Нисидзине расцвело производство шелка. Только в производстве используется теперь иная движущая сила, человек больше не поднимает на лебедке груз, приводящий в движение груз в корзине, медленно, как гирька часов, спускающейся из-под потолка на веревке, переброшенной через балку... Мастерские растянулись цепочкой вплоть до деревни...» На больших заводах условия работы людей, будь то мужчины, женщины или дети, были ужасающими. Игнорируя установленные правилами нормы, работников вынуждали в букваль-

ном смысле слова вкалывать с рассвета до 11 вечера. Людей делили на две группы, работавшие по двенадцать часов, и давали только тридцать минут на обед или ужин. Предписанные по закону регулярные пятнадцатиминутные перерывы практически никогда не соблюдались, потому что машины на заводе не останавливались...

Вводившие такое изнуряющее расписание заводы превращались в настоящий ад. Государство, прекрасно сознавая, что в них творится, не могло (или не хотело) принять действенные меры. В 1897 году Министерство сельского хозяйства и торговли выпустило следующий список нарушений, касающийся большинства заводов:

- отсутствие вентиляции в помещении;
- недостаток места, необходимого для работы;
- вход и выход слишком маленькие;
- коридоры слишком узкие;
- столовая, гардероб, душевые и туалеты непригодны к употреблению;

- использование вредных материалов и несоблюдение правил предосторожности при их использовании;

- отсутствие специальных помещений для мусора и отходов;

- ненадежное строительство мастерских и использование паровых котлов, несоответствующее их назначению;

- несоблюдение правил безопасности при работе с машинами, кранами, грузовыми лифтами и т. д.;

- недостаточные меры предосторожности на случай возникновения пожара;

- плохое освещение во время ночной работы.

Что и говорить о заводах по выпуску вооружения, литейных цехах, шахтах? Неудивительно, что количество происшествий, повлекших за собой телесные увечья, было таким высоким; рабочие, получившие травму на работе, не могли даже рассчитывать на возмещение убытков... Мало кто из рабочих, пробыв несколько лет на заводе, не получал тяжелое заболевание. Самым частым из них был туберкулез. Почти так же часто встречались различные болезни легочной системы, кожные заболевания.

Атташе министра сельского хозяйства и торговли, Сайто Касиро, в одном из своих произведений описывал нечеловеческие условия работы на одном из заводов: «Была середина лета, когда я посетил прядильную фабрику. Женщин, работающих на ней, с ног до головы покрывала сыпь, а девочки, которым не исполнилось и двенадцати, просто истекали потом и были изнурены 44-градусной жарой. С нас также пот лил рекой, и нам ничего не оставалось сделать, как пройти в мастерские... Женщины работали там, раздевшись по пояс...» К этим свидетельствам присоединяется возмущение западных путешественников, приведенных в ужас условиями, в которых работали японцы на заводах. «Гнусный феодализм, — писал Виктор Берар, — создает из мастерских, где работают шестилетние дети, молоденькие девушки и женщины, настоящую каторгу, камеру пыток, единственная цель которой — обогащение нескольких “новых даймё”, банкиров и капиталистов и противостояние европейской экономике. В этой азиатской стране железный закон отрастил когти и зубы; нигде больше хрупкие тела детей и женщин не терзают, не четвертуют и не рвут с подобной жестокостью и спокойствием под молотом и наковальней механизации и при согласии властей, как это делается в Японии».

Условия работы были еще более тяжелыми на севере страны, где процветали рыбный промысел и другие некоторые отрасли промышленности. В японском фильме «Адские корабли», поставленном по роману «Кани Кёсэн» Кобаяси Такидзи, точно воссоздаются ужасные условия, в которых жили и работали рыбаки и те, кто трудился на рыбных заводах в конце этой «эпохи просвещения». Те, кто работал там, обычно называли свои мастерские «адскими комнатами» или «камерами заключения».

Женщины на заводах и особенно на текстильных фабриках страдали, помимо всего прочего, из-за вечного опасения лишиться места. Часто, когда в их услугах на заводе переставали нуждаться, их просто увольняли без какого бы то ни было пособия по безработице. Тогда им приходилось возвращаться в свои де-

ревни. Большинство из них нанимались сезонными рабочими либо потому, что искали временное место для того, чтобы справиться с трудностями деревенской жизни, либо потому, что заводы не могли держать рабочих целый год. И поскольку все они были крепко связаны родственными узами с семьей, им было очень трудно привыкнуть к городу, где жизнь была совсем иной. Во время безработицы они не решались сами искать место, не зная никого, кто мог бы им помочь, а то, что они были женщинами, и связанные с этим обстоятельством нормы приличия не позволяли им навязывать свои услуги. Редкие минуты отдыха на заводе они проводили в собрании таких же крестьянок и говорили только о деревне.

Заводы часто посылали в деревни своих представителей, чтобы те набирали там женщин для работы. Их завлекали сладкими обещаниями, по большей части ложными. Сайто Касиро пытался разоблачить этих мошенников: «Пожилая женщина с хлопковой фабрики Канэгафуги в Токио рассказывает, что человек, нанятый руководством завода, обещал ей нетрудную работу, приличную зарплату, возможность увидеть весь Токио, посещение театров, концертных залов — всего, что она захочет увидеть, и даже питание в приличных ресторанах. Как большинство крестьян, никогда не уезжавших дальше деревни, она согласилась идти работать на завод уже из единственного желания увидеть все чудеса большого города. И вот она уезжает. На следующий день представитель от завода, с которым она отправилась в дорогу, предложил ей тарелку овощей и риса на обед и ужин. Все расходы были записаны на ее счет, так же как и последующие траты. Когда она приехала в Токио, ее водили по всему городу и в ресторан, но расходы опять были записаны на ее счет. Когда с деньгами у нее стало туго, из ее зарплаты стали высчитывать определенные суммы. Но работа была тяжелой, а зарплата маленькой: двадцать пять сэн в сутки. Женщина не могла больше выносить такой несправедливости и однажды вечером ушла с завода под предлогом того, что ей нужно подышать воздухом. Она оказалась далеко не единственной жертвой мошенни-

ков: такое происходит на каждой фабрике сплошь и рядом».

Иногда подобные истории случались и с мужчинами-рабочими, которые за пределами завода никого не знали и, не осмеливаясь окунуться в пульсирующую жизнь города (впрочем, на это у них не хватило бы средств), вступали в землячества. За неимением профессионального образования они не могли самоорганизоваться и соглашались работать на самых бесчеловечных условиях, навязываемых хозяином. Их душевное одиночество было тяжелее невзгод материальной жизни.

На заводах было больше девушек, приезжавших из прибрежных рыбацких деревень, чем уроженок сельскохозяйственных регионов, в которых деятельность была лучше распределена в течение всего года. Зимой деревенские девушки предпочитали наниматься прислугой в богатые городские дома, так как все больше распространялось убеждение, что такой опыт необходим, чтобы легче и быстрее найти мужа.

Жизнь в общине в ночлежных домах, предоставленных компаниями, зачастую была крайне неудобной. Три четверти девушек, работавших на заводе, были деревенскими жительницами и не могли позволить себе жить в городе, поэтому им приходилось жить коммунарами, что их нимало не смущало, поскольку к этому они привыкли в деревне. Наряду с ночлежными домами существовали своего рода общие пансионы, где в одной комнате теснились и мужчины, и женщины. Со всех них не спускали глаз люди, специально приставленные руководством завода. Они вели себя совершенно по-хозяйски, руководили раздачей пищи и под высокие проценты могли ссужать деньги тем рабочим, которые испытывали в них крайнюю нужду. Жизнь в таких пансионах была немногим более сносной, чем в ночлежных домах, предоставляемых заводом. Но, с другой стороны, еда там стоила дороже, хотя кормили так же плохо.

Спальные помещения на заводах обносили высокими стенами, чтобы рабочие не могли сбежать. Их строили либо за оградой, либо соединяли проходами с ма-

стерской, причем входы и выходы строго охранялись. Когда предоставлялась возможность, рабочие предпочитали размещаться вне завода в «общих пансионах», хотя условия там были невыносимыми. В книге «Ёко АЙСИ» (*История о женщинах-рабочих*) писатель Хосои Вакиро рассказывает о таких «пансионах»: «В худшем случае девушки спали на деревянном полу, прикрытом соломенной циновкой. Шкафов для одежды не было, так что она часто была очень грязной».

Спальни для женщин ночью запирались на ключ. Впрочем, съемщики при хорошем поведении имели право после работы уйти на прогулку на пару часов, но на это нужно было получить разрешение. Часто в одной комнате собиралось множество человек, которым приходилось делить одну циновку и несколько тонких покрывал. Сибусава Кандзо пишет: «Столовыми на заводе заведовала либо компания, либо трактирщики “со стороны”. Меню было чрезвычайно скудным. На крупных заводах рабочим приходилось покупать карточки. Еда обходилась в шесть—восемь сэн ежедневно, из которых доля завода составляла около двух сэн. Самым частым блюдом был рис низшего качества, к нему — несколько вареных овощей и соевый суп. Один-два раза в месяц на рабочих снисходила щедрость компании в виде кусочка вяленой или свежей рыбы».

Хотя большинство японцев непритязательны в еде, на заводах они едва не умирали от голода. Многим рабочим приходилось дополнительно покупать продукты (если была такая возможность), чтобы хоть как-то разнообразить свое питание.

Семейные рабочие, у которых не было возможности купить квартиру в городе, довольствовались тем, что снимали комнату в домах, построенных компанией или владельцем земли специально для этих целей. Все у того же Сибусавы Кандзо мы читаем об одном из таких кварталов: «Третий номер, где живут рабочие со спичечного завода, — настоящие трущобы, но зато широко известные в своем роде. В каждом здании около десяти квартир площадью два на четыре метра. Пол покрыт тремя *татами*. Семьи, ютящиеся здесь, пользуются маленькими жаровнями на древесном угле. Кро-

ме того, у них есть горшок, чтобы готовить рис, чан для воды и несколько пиал для риса. Циновки сдаются по два сэн в день, поэтому семья из пяти-шести человек спит только на двух циновках. Сама квартира стоит около десяти йен в месяц, то есть восемь-девять сэн в день. Здешние жители готовят рис, смешивая его с ячменем. Стоит это удовольствие двенадцать сэн за четыре литра».

Рабочие-специалисты получали смехотворно маленькую зарплату. В большинстве случаев взрослый и женатый рабочий, содержащий родителей и двух детей, получал в месяц около двадцати йен. На эти двадцать йен две уходили на плату за жилье, восемь — на покупку риса, две с половиной — на древесный уголь, три — на овощи и рыбу. На жалкие остатки заработка покупались *сакэ*, табак, сахар, керосин для лампы, мыло, газеты... Редко кто мог позволить себе потратить несколько сэн помимо основных расходов. Часто рабочим приходилось занимать деньги у хозяина или домовладельца. Такая ситуация наблюдалась почти везде.

Проблемой становилась даже покупка *дзори* (сандалии из соломы) или *эта* (деревянные сандалии). Поэтому в семье рабочего трудились все: дети, если им было больше семи лет, жена. Иногда они даже работали на одном заводе, но в разных мастерских. Такой ценой семья выживала. Рабочие, которых подобная жизнь не устраивала и которые требовали повышения зарплаты, часто предпринимали попытки объединиться, иногда с помощью государственных деятелей. Двое из их числа, Сиро Цунэтаро и Савада Нанноскэ, изучавшие в Соединенных Штатах работу профсоюзов, по возвращении в Японию основали в 1897 году Общество друзей трудящихся (Сокко Гиюкай), которое выпустило манифест, направленный против капиталистов и требовавший устранения экономического неравенства. Общество призывало создавать по всей стране профсоюзы рабочих. Первый из них, Родокумий Кисэйкай, появился спустя два года и включал пять тысяч семьсот членов. Позднее к движению присоединились профсоюз металлургов (1897), Общество работников железной дороги (1898), Общество печатников

(1899). Другой крупный профсоюз, Дайнихон Родокёкай (Общество трудящихся великой Японии), был учрежден в 1900 году Ои Кентаро. Но правительство отреагировало незамедлительно и в 1900 году запретило рабочим объединяться в профсоюзы, что привело к распаду Родокумиай Кисэйкай в начале 1901 года. Положение о проведении реформы на заводах, призванное существенно улучшить условия работы, предусматривало, помимо всего прочего, запрещение детского труда и введение обязательного выходного в воскресенье. Оно было принято только в 1910 году и вошло в силу в 1916 году.

Сопротивление государства справедливым требованиям рабочих иногда приводило последних в отчаяние, и они не видели иного способа улучшить условия своего существования, кроме как пойти на открытый бунт. Бунт подобного рода начинался обычно на шахтах, где условия работы были поистине невыносимыми. В 1900 году забастовку начали судостроители в Нагасаки, железнодорожные рабочие, в 1905 году — девятьсот женщин с ткацких фабрик в Куранаги. Все они требовали одного: повышения зарплаты и девятичасового рабочего дня. В 1907 году рабочие медных рудников Асио и Бэсси и угольных шахт Хоккайдо примкнули к вооруженному восстанию, что вынудило государство применить войска для наведения порядка. После ужасной забастовки рабочих Асио еженедельник «Майнити симбун» писал: «Забастовки, целью которых является повышение зарплаты, стали нормальным явлением. Их участники прибегают к насилию, чтобы достичь своих целей: они вооружаются, они бросают бомбы. Может, правительство поймет наконец, что истинная причина всех этих волнений кроется не в агитациях социалистов, а в невыносимых условиях работы? Люди раздавлены растущей дороговизной жизни, но зарплата, которую они получают, смехотворна. Суть проблемы коренится в сложившейся экономической ситуации».

Тем не менее эту ситуацию не спешили менять. Только после массового восстания рабочих в 1910 году под предводительством анархиста Котоку Сюсуйя, ко-

торый задумал государственный переворот, правительство решило выполнить требования, выдвинутые еще в 1899 году Родокумиай Кисэйкай. Но до реформ, как и до принятия трудового законодательства, было еще далеко, и жизнь большинства рабочих так и не улучшилась.

Большинство гравюр, *укиёэ* и иллюстраций той эпохи, отражающих жизнь мужчин и женщин, работающих на государственных и на других заводах Японии, дают совершенно неверное представление об истинных условиях работы. Это были картинки, призванные формировать у иностранцев «правильное» представление о «современной Японии». Что ж, эта цель была достигнута, и западные путешественники нечасто направлялись в Японию, чтобы посетить ее заводы и соседние с ними трущобы. Правда, в то время рабочие вообще не имели возможности путешествовать, и жизнь европейских или американских рабочих мало чем не отличалась от жизни их японских собратьев.

МАТЕРИАЛЬНАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ

Одежда

До эпохи Мэйдзи японцы не были свободны в выборе одежды или ткани, из которой она шилась. Только богатые люди из числа придворной аристократии или лица принадлежащие к военному сословию, могли носить одежду из шелка или тонкого хлопка, которую шили для них простолюдины. Последним же было дано право выбирать только между домотканым полотном из хлопка или конопли, которое изготавливали женщины. Они могли носить одежду из шелка-сырца лишь в особых случаях, например на свадьбе, когда отправлялись в храм или на похороны. Но эту ткань еще надо было достать, ведь она почти полностью уходила на нужды высших классов.

В северных регионах страны, где хлопок не рос (к тому же его завезли в Японию только в XIV веке), крестьянам приходилось изготавливать ткань из конопли или из волокон глицинии (*tilia japonica*), которая в диком виде росла в лесах. В дело шли и другие растительные материалы, такие как ивовая кора или рисовая клейковина. Все ткани, включая шелк, окрашивали с помощью природных красителей, которые в каждом регионе были свои. Чаще всего использовался индиго (*ai*).

Коноплю выращивали с давних времен, эта культура распространилась по всей стране с начала IX века. Даже после того как в Японии появился хлопок, ко-

ноплю продолжали культивировать в течение всей эпохи Мэйдзи, и ее популярности не помешало даже появление новых видов тканей. Более того, потребность в этом материале возросла из-за его прочности и долгой носки. Ежегодный урожай конопли составлял около десяти тысяч тонн. Ее использовали не только для изготовления ткани, но и для плетения веревок, бечевы, рыболовных сетей, снасти для кораблей. Спрос на снасти возрастал с увеличением роли рыболовного промысла и судоходства, и это компенсировало некоторое недовольство населения грубой тканью. Кроме того, изготовление ткани из конопли было гораздо более трудоемким, чем изготовление хлопковой ткани, что было принципиально важно для молодых жителей деревни, которые в основном и занимались этой работой во время вечерних собраний своих обществ. Одежда из конопли, которую все еще предпочитали рабочие и крестьяне, становилась все более дорогой по сравнению с изделиями из хлопка, особенно после 1890 года, когда цены на привозные ткани из хлопка упали в два раза по сравнению с тканями, изготовленными в самой Японии.

На севере Японии, где не выращивали хлопок, волокно привозили из Осаки или из южных регионов страны, пряли и ткали его, получая ткань, из которой затем изготавливалась одежда. В начале Реставрации Япония импортировала почти столько же хлопка, сколько производила. Благодаря появлению многочисленных прядильных фабрик цены на ткани вскоре стали приемлемыми для большинства крестьян. Хлопок-сырец импортировали из Китая, затем, начиная с 1893 года, — из Индии, Египта и Соединенных Штатов. Импортный хлопок стоил дешевле японского, и вскоре производство японского хлопка уменьшилось. В 1897 году площадь хлопковых полей равнялась половине площади, занимаемой этой культурой в 1883 году. В то же время ткани из хлопка, изготовленные вручную, были более прочными, чем те, которые люди покупали уже готовыми. Многие крестьянки из соображений экономии изготавливали сами как ткань, так и одежду для семьи. Но хотя в большинстве случаев крестьяне продолжали

ежедневно носить одежду из хлопка, местные кустарные прядильные фабрики были заменены предприятиями по разведению шелковичных червей, и шелководство оказывалось весьма рентабельным. Отныне крестьяне могли сами пользоваться изготовленным шелком, из которого они стали шить праздничную одежду. Спрос на шелк был очень велик, и в Японии стали возникать все новые прядильные фабрики, большая часть продукции которых уходила за границу. Как следствие этого, обширные земли, на которых раньше произрастали различные культуры, теперь были засажены шелковицей, листьями которой питался шелкопряд.

Синтетические ткани, такие как искусственный шелк, появились в Японии только к 1890 году и первоначально предназначались для изготовления лент и веревок. Только после 1905 года из них стали делать некоторые детали одежды, например пояса (*оби*) для кимоно. Некоторые дешевые ткани экспортировались в Китай и Корею. Шерсть в Японии не знали до XV века, и она никогда не была особо распространена из-за того, что ее сложно было достать, ведь в стране не разводили ни овец, ни коз. Но возрастающая потребность одевать солдат в униформу (особенно это касалось шинелей) привела к тому, что шерстяные ткани, особенно драп и фетр, стали довольно популярны.

Способы ткачества были все еще архаичными и в начале эпохи Мэйдзи преимущественно кустарными. Но очень скоро японцы научились изготавливать ткани по западной технологии, и в 1871 году в стране появились фланель, коленкор и муслин, а около 1873 года — жаккардовая ткань и батан. Многие текстильные фабрики охотно взяли на вооружение новые приемы ткачества и технические новинки, позволявшие разнообразить продукцию и улучшить ее качество. Мало-помалу ремесленники-одиночки исчезли, хотя некоторые крестьяне все еще пытались самостоятельно изготавливать ткани. Но к концу века большинство японцев считали более практичным использовать готовую продукцию, а индивидуальное ткачество считалось чем-то вроде роскоши, и ему посвящали время только те ремесленники, которые не желали отказываться от

традиционных местных тканей и которые имели устойчивую клиентуру.

Окрашивание тканей, которое производилось самими крестьянами или ремесленниками-специалистами с помощью растительных красителей, также подверглось индустриализации и стало применяться на заводах. Химические красители мало-помалу заменяли растительные (по-прежнему распространенным оставался индиго), особенно после 1890 года, когда в самой Японии стали выпускать необходимые для этого химикаты.

Огромное количество хлопчатобумажной ткани, импортировавшееся в страну по низкой цене, хотя и вызвало определенный кризис в японской текстильной промышленности, но зато позволило каждому одеваться сообразно со своими предпочтениями и средствами, привело к изменениям в традиционной японской одежде, принятию западного стиля и западной одежды.

Дольше всего сопротивлялась европеизации женская одежда. Кимоно, очень идущее японкам, считалось для них идеальным нарядом. Изменилась только ткань, из которой оно шилось, способ драпировки и закрепления. Раньше традиция требовала, чтобы *оби* завязывался спереди. Этот *оби*, обычно изготовленный из вышитой ткани, был относительно тонким, и элегантность ему придавало то, каким образом он был завязан и насколько длинными оставались свободные концы. Точно неизвестно, из-за чего возник обычай завязывать *оби* на спине, возможно, это было подражанием представительницам высших классов, возможно, огромный бант *оби*, завязанный на животе, мешал женщинам работать. Похоже, что этот обычай пришел из деревни, где женщинам приходилось часто нагибаться, а бант впереди им мешал. К концу описываемого периода почти все женщины завязывали *оби* новым способом. Этот *оби* не был еще ни таким большим, ни таким жестким, каким его обычно представляют. Возможно, материя стала жесткой для того, чтобы также имитировать моду высших классов. Бант *оби* можно было завязывать так, как того хотела его обладательница, или в зависимости от обычая региона.

Традиционное кимоно было очень длинным и волочилось по земле, что указывало на то, что женщина, носившая его, была либо аристократкой, либо гейшей. Женщины из народа носили кимоно длиной примерно до лодыжек. Именно эта длина стала наиболее предпочтительной, потому что на такое кимоно уходило меньше ткани и потому, что оно было более практичным в повседневной жизни. Мода закрепила способ, которым кимоно оборачивали вокруг тела, и ткань, из которой оно шилось. Украшения стали более заметными, а цвета — более яркими и подбирались в соответствии со временем года и возрастом женщины. С появлением новых причесок мода оставлять шею открытой постепенно исчезла, за исключением тех случаев, когда кимоно такого фасона надевалось на праздники или на свадьбу. Но *гейши* и *майко* (ученицы *гейши*) продолжали одеваться на прежний манер. Подобным образом ушла в прошлое мода надевать одновременно несколько кимоно разных цветов, как это делалось раньше в богатых семьях, и нижние кимоно (*асэтори*), закрепленные пояском (*сита-дзимэ*), стали более легкими и простыми. Обычай носить под кимоно широкие штаны красного, белого или зеленого цветов возник довольно поздно, только к 1890 году, и был подхвачен преимущественно горожанками.

В деревнях изменения в повседневной одежде были незначительными, и крестьяне до наших дней носят традиционные костюмы, удобные для работы в поле. Праздничное кимоно, в котором городские модницы щеголяли каждый день, крестьянки надевали редко. Они чаще ходили в халате с широкими рукавами, которые были подхвачены шнурком, *тацуки*, перетянутым крест-накрест на спине. Спереди халат запахивался на манер кимоно и заправлялся в широкие панталоны (*сарубакама*), прикрывающие лодыжки*. Одежда дере-

* Необходимо отметить, что в Японии кимоно называют любую одежду, в то время как одежда иностранцев носит название *эфуку*. Чтобы избежать путаницы, мы сохранили здесь европейское понимание кимоно как женского платья, закрепленного на теле с помощью пояса (*оби*).

венских жительниц менялась в зависимости от местности, и единственным нововведением в эпоху Мэйдзи стали узкие рукава халата, так что больше не требовалось подхватывать их лентой. Эти рукава часто переходили в подобие перчаток, прикрывающих тыльную сторону руки. Даже в наши дни можно увидеть этот традиционный рабочий костюм на горожанках или крестьянках. Фартук, как часть одежды, вскоре прочно вошел в обиход, так как помогал сохранять платье в чистоте. На заводах, в школах традиционная женская одежда оказалась не слишком удобной, и были разработаны разные виды униформы, немного напоминающей европейскую, покрой которой менялся в зависимости от заведения. Студентки и учительницы начальных школ первыми стали носить нечто наподобие униформы, многие из них находили практичным и удобным надевать мужские штаны, *хакама*, поверх легкого кимоно. Это вскоре стало отличительным костюмом работающих женщин в городах и деревнях и повсеместно распространилось в стране с 1880 года. В 1900 году появился новый вид *хакама*, шившийся специально для женщин. Штанины были такими широкими, что напоминали современную юбку-брюки. Новинка пришлась по душе жительницам городов и деревень, которые носили теперь *хакама* на учебу и на работу. Но этот стиль женской одежды был только чем-то вроде рабочей формы, и женщины, особенно в период отпусков, с удовольствием возвращались к своему традиционному кимоно, которое, как они считали, шло им больше.

Пальто представляло собой род длинной куртки (*хаори*) с длинными рукавами, плотно обхватывающими запястья, и очень пышной сзади, чтобы скрывать пояс *оби*. Первоначально это пальто предназначалось для защиты от холода и непогоды, а позднее стало лишь дополнением к костюму. Сначала его шили из крепа темных тонов, но потом постепенно материя становилась все более яркой, а само пальто — все более элегантным. Впрочем эти изменения были заметны только в Токио и других крупных городах в гардеробе женщин из высшего общества. Простолюдинки про-

должали носить *хаори* из грубой ткани, да и остальная их одежда имела скорее практический, нежели элегантный характер. В деревнях, особенно на севере Японии, где зимы были свирепыми, а снегопады обильными, крестьяне, как и их предки, носили особую накидку из рисовой соломы (*мино*), которая надежно защищала их от снега и холода. Кроме того, из рисовой соломы делались и сапоги. К концу эпохи Мэйдзи эти накидки сменились чем-то вроде шерстяных шинелей, похожих на армейские.

Сам император в 1887 году опубликовал в женском журнале «Тоя симбун» статью, в которой выражал свое мнение о женской одежде. Он желал бы изменить ее на современный западный лад, хотя и рекомендовал использовать ткани, изготовленные в Японии. Эта статья была воспринята женщинами как прямое указание к действию, ведь приказы, исходящие от императора, не могли не выполняться. Так что женщины вскоре отказались от своего традиционного костюма, заменив его современным. По крайней мере так поступили богатые горожанки. Впрочем, дело не дошло до введения в обиход европейских платьев, так как они были довольно неудобными и не годились для работы. Но многие хорошо образованные японки перешли на более простую одежду и даже одевали дочерей на западный манер. Сама императрица, а вместе с ней и жены государственных деятелей появлялись на балах и официальных приемах в платьях, сшитых по последней парижской или лондонской моде. В 1886 году во время празднования дня рождения императора в *Рокумэй-кан*, ресторане, построенном на европейский манер, все приглашенные женщины, не только члены императорской семьи, щеголяли в платьях с кринолином и воланами.

Эти наряды стоили дорого, и шить их было трудно, поэтому обыкновенные люди не могли позволить себе такую роскошь. Женщины из народа по-прежнему носили привычные для них кимоно, но, в подражание высшим классам, переиначивали наряд, отдавая предпочтение *хакама*, комбинируя его с легким кимоно или с длинной блузкой с узкими рукавами.

Появление в Японии новых видов одежды во многом связано с распространением швейных машин, привезенных из Соединенных Штатов примерно в 1860 году. Они стали очень популярны к 1880 году благодаря женам резидентов, которые давали уроки швейного мастерства японкам. Вскоре появились школы шитья и кройки, и местные жительницы научились шить не только женскую одежду, но и европейские костюмы для своих мужей. Благодаря советам, содержащимся в женских журналах, японки, принадлежавшие к среднему классу, научились современной технике шитья, мастерски владели иглой и вязальным крючком. Так что те из них, кто не имел возможности заказывать наряды из Европы и Америки, теперь могли шить их для себя сами. В 1886 году «Магазин одежды Сирокия», находящийся в Токио, дал объявления в газетах о том, что отныне он будет пользоваться услугами англичанки мисс Вон Кертис и еще двух иностранок, шьющих в европейском стиле всю женскую одежду, вплоть до нижнего белья. В следующем году «Магазин одежды Мицуи» (позднее ставший крупным магазином «Мицукоси») нанял французского портного.

Умение работать спицами, вязальным крючком и иглой для вышивания, мало известное в Японии до начала эпохи Мэйдзи, было до поры до времени распространено только в узком кругу специалистов и только с 1886 года, когда государство наладило импорт австралийской шерсти, вязание стало привлекать больше народа. Этому в значительной степени способствовали христианские организации, старавшиеся заинтересовать деревенских женщин шитьем, вязанием и пр. Многие женщины с положением в обществе создавали что-то вроде клуба, где на досуге обучали своих соотечественниц основам рукоделия. В городах и деревнях сохранялся обычай изготавливать одежду на японский манер, и каждая женщина с детства умела обшивать всю семью. Фасон же одежды практически не изменился.

Дети носили те же вещи, что и взрослые, только цвета их были более яркими. Праздничное кимоно девушек отличалось от женского тем, что имело очень

длинные рукава (*нагасодэ*). К детской одежде прикрепляли небольшую металлическую табличку (*майго-фуда*), на одной стороне которой был выгравированы год рождения ребенка или изображение животного, соответствующее этому году, а на другой — имя и адрес. Это делалось на тот случай, если ребенок вдруг потеряется в толпе.

Обычай требовал, чтобы японки не носили никаких украшений. Кольца, серьги, браслеты были им неизвестны, так что европейские женщины, носившие все эти вещи, вызывали у них большое удивление. Японки обходились только длинными шпильками для волос, часто очень тонкой работы, сделанными из драгоценного металла, черепахового панциря или слоновой кости, и небольшими брошками, украшенными лентой, напоминающей *оби*.

Что касается мужской европейской одежды, то сначала на нее перешли военнослужащие спустя два года после Реставрации. В это время европейские брюки и куртка в сочетании с *хаори* из грубой материи составляли униформу всех военнослужащих морских и наземных войск. Некоторые аристократы из императорского дворца в Киото осмелились даже, выбрав подходящий момент, облачиться в костюмы, привезенные из Европы. Но одеждой всех государственных деятелей их сделал сам император Муцухито в 1872 году. Сначала те, кто не мог достать новую одежду (немногие японские портные умели ее шить), носили ту, к которой они привыкли. Прошло немного времени, и люди, занимающие более или менее официальную должность, не важно, в верхнем или в нижнем эшелоне власти, ввели в обиход нечто вроде униформы, немного напоминающей военную. В 1871 году у полицейских и почтальонов появилась своя форма, а затем и у железнодорожных рабочих, занятых строительством первой ветки Токио — Йокогама (1872). Эта униформа, состоящая из сюртука с целым рядом позолоченных пуговиц и воротником, как на кителе, и из брюк, была украшена знаками, сообщающими о профессии и ранге ее владельца. Эполеты носили люди, занимавшие самые высокие должности. Популярность униформы бы-

ла так велика, что на нее перешли даже торговцы. Вскоре люди, принадлежавшие к одной группе, могли легко ориентироваться в среде «своих», что давало им ощущение принадлежности к определенному обществу. Правительство, руководящее этим процессом, выпустило несколько декретов, касающихся того, что должны были носить в повседневной жизни и по праздникам государственные деятели, придворная аристократия и даже священнослужители синтоизма. В 1877 году одежда для проведения церемоний состояла из черного кимоно, *хакама* и *хаори* одного цвета, украшенного *мон* (знаками отличия), обязательными для знати и простых чиновников. Этот костюм до сих пор остается нарядом для церемоний, который носят только в дни приемов, религиозных или семейных праздников, имеющих важное значение, или же в который облачаются люди, имеющие дело с искусством. Повседневная мужская одежда состояла из куртки (*хаори*) и брюк наподобие европейских. Даже крестьяне, которые обычно крепко держались за традиции, переняли этот костюм, не столько, правда, из соображений элегантности, сколько потому, что в нем было работать удобнее, чем в обычном кимоно. Высокопоставленные чиновники и военнослужащие высшего ранга предпочитали пышно украшенные униформы и треуголки с перьями. После 1876 года, когда ношение сабель было запрещено, даже наиболее ярые приверженцы традиционных кимоно и *хакама* перешли на европейский костюм, поскольку считали, что кимоно хорошо смотрится только с саблей и *оби*.

Но в то же время большинство мужчин и даже сам император предпочитали надевать кимоно, когда не были на службе, так как в этой одежде было гораздо удобнее, чем в европейской. Кроме того, о нем вспоминали во время какой-либо работы или путешествия. А легкое кимоно, называемое *юката*, носили летом дома или же когда собирались в общественную баню (*сэнто*). Зимой помимо обычного кимоно надевали вниз еще одно, на вате (*ситаги* или *уваги*), а также что-то вроде носков и перчаток (*тэкко*).

Между тем некоторые представители образованных

кругов, не состоящие на государственной службе, игнорировали новые веяния моды и по-прежнему носили традиционное кимоно поверх набедренной повязки (*фундоси* или *ситаоби*, которая делалась из крепона), избегая надевать европейский костюм (*ёфукү*). Эта тенденция усилилась во всех слоях общества после японско-китайской войны, когда народ обратился к исконно японским ценностям. Кроме того, многие жители, особенно студенты, не могли позволить себе купить европейскую одежду, стоившую дороже кимоно: «У меня была только хлопковая одежда, сшитая в деревне. Да и другие студенты в то время не носили шелковое кимоно». Лишь государственные служащие всех степеней продолжали, по крайней мере во время исполнения своих обязанностей, надевать ставшую привычной европейскую одежду. Образ жизни японцев, предполагавший различное поведение на работе («западное», публичное) и дома («японское», уединенное), также находил свое выражение в одежде. Даже сегодня многие японцы носят одежду двух стилей, в зависимости от обстоятельств и настроения.

Представители городских «низов» могли только мечтать о новых веяниях моды. Денег на современные наряды у простолюдинов не было. Один из писателей той эпохи, Имайдзуми Юсаку, так описывает в мемуарах токийскую улицу летним днем: «Мужчины были практически обнажены, если не считать чего-то вроде набедренной повязки (*фундоси*)». В 1871 году на это «неподобающее» поведение обратило внимание государство и запретило прогуливаться по улице в таком виде: «Простые горожане, вместо того чтобы носить нормальную одежду, занимаются своими делами или идут в баню практически обнаженными. И ведь это всеобщий обычай. Это вызывает критику со стороны других государств. На Западе считают непристойным обнажать тело и прогуливаться в таком виде по улице. С некоторого времени наша страна находится в тесном контакте с другими государствами, и множество иностранцев приезжают в Японию. Если мы не избавимся от этого безобразного обычая, он бросит тень на наш народ. Совершенно необходимо, чтобы никто, даже са-

мые бедные, не появлялся больше на улице в полуголом виде».

Но никакие указы и увещевания государства не производили впечатления на людей и по меньшей мере до 1900 года они, подобно своим предкам, продолжали расхаживать по улицам в одной набедренной повязке. В деревнях, если позволяла погода, женщины и мужчины и вовсе предпочитали не стеснять себя одеждой. Женщины носили только нечто вроде короткой юбки, и это был вполне нормальный обычай для летней жары. Кроме того, в деревнях голову обычно прикрывали, чтобы защитить ее от дождя, солнца, снега или пыли. Этот головной убор мог быть тщательно продуманным в соответствии с местным обычаем, а мог представлять собой обыкновенное полотенце, черное или цветное, обмотанное наподобие тюрбана или повязанное, как косынка. В 1900 году в городах вошли в моду шали, которые накидывали на плечи, а в холодную погоду — на голову. Во время работы, особенно в летнее время, мужчины обычно обматывали голову белой хлопковой тканью, чтобы пот со лба не попадал в глаза. Обычай носить этот *хасимаки* сохранился и до наших дней. Прическа, как и одежда, тоже претерпела изменения на западный манер, особенно в городах, где набирали популярность фуражки и шапки. С 1878 года панамы стали непременным летним аксессуаром тех, кто стремился к элегантности, тогда как фуражка сделалась частью военной формы или гражданского костюма. И во время церемоний можно было видеть на японцах всех сословий шляпы-котелки в сочетании с традиционными кимоно и деревянными *гета*. Стрижка на европейский манер (*зангириатама*) распространялась с той же быстротой, с какой прежние прически объявлялись признаком «консерватизма». Раньше самураи носили особую прическу, при которой передняя часть черепа выбривалась, а оставшиеся волосы собирались в небольшой «хвост» на макушке. Члены общин обычно носили длинные волосы, которые просто скручивали на затылке. С того времени, когда военных обязали носить короткие стрижки, а прически самураев запретили (1876), большинство мужчин также стали стричь во-

лосы. Традиционные прически остались привилегией священнослужителей, гейш и борцов сумо. В некоторых областях главы городов даже накладывали штраф на обладателей слишком длинных волос, хотя длинные волосы и не находились под официальным запретом. Некоторые отдаленные провинции вроде Окинавы все же не покорились засилью модных причесок, и они появились там только в 1903 году.

Параллельно с этим открывались парикмахерские для мужчин, в которых к 1886 году стали использовать европейские бритвы и ножницы вместо традиционных*. Государственные деятели, студенты, заканчивающие учебу, а также большое число влиятельных людей отращивали усы или даже бороду, в то время как в деревне только старики позволяли себе подобную фантазию. Все мужчины из народа брились.

Что касается женщин, то они не сразу променяли привычные прически (японки редко носили шляпки) на более простые варианты, но, вдохновленные картинками на страницах журналов, более или менее следовали западной моде. Большинство, как в городах, так и в деревне, носили традиционные прически, по которым можно было легко определить социальный статус женщины: *тикамагэ* носили маленькие девочки, *момоварэ* — молодые девушки от шестнадцати до двадцати лет, *симада* (или *такасимада*) показывала, что девушка уже готова для бракосочетания, *комарумадзэ* была обычной прической молодых жен, а *амарумадзэ* — женщин среднего возраста. Кроме того, стиль менялся в зависимости от региона страны, так что прическа, помимо всего прочего, указывала на происхождение ее обладательницы.

Прически всегда были очень сложными, и женщины тратили массу времени на уход за своими длинными волосами, которыми они так гордились: «На создание такой прически уходил, по меньшей мере, час или даже два, и японки занимались этим каждые три дня. Когда

* Эти ножницы напоминают те, которые иногда используют в Европе для стрижки баранов, но только японские, с помощью которых женщины занимаются кройкой, гораздо меньше. Называются они *хасами*.

они занимались по утрам уборкой, то накидывали косынку, чтобы защитить волосы от пыли».

Ночью, чтобы не разрушить прическу, они использовали маленькую деревянную или плетеную подушечку (*макура*), которую подкладывали под шею. Для мужчин же существовало нечто вроде валика, набитого отрубями.

Пожилые женщины, вдовы, а также те, кто не соби­рался выходить замуж, стригли волосы очень коротко.

В 1872 году несколько женщин бросили вызов общественному мнению, сделав короткую стрижку, чем вызвали яростное негодование правительства, запретившего эту «отвратительную и непристойную» моду. К 1886 году городские щеголихи, для которых шляпка была непременной составляющей европейского туалета, стали прибегать к услугам модисток и выбирали шляпки с не меньшей тщательностью, чем парижанки. В крупных городах как грибы после дождя появлялись магазины модной одежды. Но шляпки шли только к европейскому платью, и поэтому популярность этого ак­сессуара была велика только у обеспеченных японок. Остальные женщины, подражая простым американ­кам, довольствовались косынками, прикрывая ими свои длинные волосы, собранные в шиньон.

Макияж, который никогда не был в большом почете у народа, но тщательно наносился женщинами из класса самураев и аристократками, также существенно изменился. В 1873 году императрица рискнула появиться на публике с белыми зубами и «своими» бровями, что вызвало настоящую сенсацию и волну подражания среди знатных дам. Это положило конец обычаю женщин из высшего общества красить зубы в черный цвет и сбривать брови, рисуя вместо них коротенькие черточки. Но все же в некоторых районах старая традиция сохранялась по меньшей мере до конца века.

В 1882 году автор «Комментариев к европейскому праву» Эдмон Котто так говорил о супруге одного юриста-японца: «Она, несмотря на свою молодость, красила зубы в черный цвет и сбривала брови, как того требовали от замужних женщин древние обычаи ее

страны. Но, по крайней мере, сохранение этого обычая было продиктовано здравым смыслом».

Традиция открывать и припудривать шею, подчеркивая ее красоту, также отошла в прошлое, и воротники кимоно отныне прятали эту «эротическую» часть женского тела. Свинцовые белила заменили более легкой рисовой пудрой. Тут вновь сыграли свою роль модные журналы и пример, поданный императрицей. Лишь гейши, актрисы театра и светские львицы, надевающие после замужества национальный костюм, до сих пор придерживаются древних традиций. Небольшая книжка, изданная в Японии в 1872 году и описывающая различные стили европейских причесок, провозглашала: «Женщины из высшего общества должны забыть о тяжелых маслах для волос, гребнях и спицах. Но легкими маслами вполне можно пользоваться и, если голова не покрыта, украшать прическу цветами или шпильками в виде цветов».

Вскоре модницы переняли различные виды причесок, которые европейцы окрестили «стилем Маргарет», а японцы — «Холм 203» (*нихякусан-кёти*) по названию местности у Порт-Артура во время Русско-японской войны. Но все эти новые веяния в мире моды вызывали лишь насмешки со стороны женщин из простонародья и крестьянок, которые, постепенно отходя от разнообразия стилей, придерживались лишь двух: того, что был закреплен за молодыми девушками, и того, который подходил для замужних женщин.

Мыло появилось в Японии в XVII веке, но было мало распространено и считалось предметом роскоши. Обычно как мужчины, так и женщины пользовались для умывания и стирки золой и измельченными в пудру сухими растениями. Но с 1874 года в Японии началось собственное производство мыла, или, по-японски, *сабун* (от фр. *savon*), а также духов, которые сначала были просто ароматными маслами для волос. Первый салон красоты появился в Токио в 1906 году.

Древний обычай покрывать тело татуировками, ставший с течением времени искусством, все еще (несмотря на попытки правительства запретить его) при-

влекал многих мужчин, особенно тех, кто в силу специфики профессии или социального положения работал с обнаженным торсом: плотников, крестьян и т. д.* Эти татуировки, выполненные черной краской и киноварью и искусно нанесенные, привлекали также и некоторых европейцев, которые не колеблясь проводили несколько мучительных часов у известного татуировщика, чтобы на их спине, груди или на руке появилась «японская картинка». Кстати, именно благодаря европейцам (и в особенности принцу Галльскому, который в 1881 году сделал себе на плече татуировку с изображением дракона) государство не стало принимать постановления, запрещающего этот обычай. Все же в городах, где жители носили куртки, эта традиция постепенно исчезла.

Большинство японцев предпочитали носить обувь только тогда, когда им приходилось работать в очень холодную погоду. Эта привычка была расценена государством как «странная» и запрещена в 1901 году, причем нарушителя ожидало бы наказание. Многие носили соломенные сандалии (*дзори*), которые могли быть самыми разными: *гэта* — легкие деревянные сандалии, изготовленные из *кири* (павлония), или же нечто вроде мягких тапочек. Самой популярной обувью были сандалии из соломы (*варадзи*), которые носили как горожане, так и крестьяне. Но вскоре выяснилось, что обувь из *кири* более удобна, так что пришлось сажать множество этих деревьев. *Гэта* носили даже горожане в дождливые дни, не заботясь о том, насколько они сочетаются с европейским костюмом. Так что человек в кимоно, *гэта*, европейской шляпе и с зонтиком, или человек в костюме и *гэта* не был таким уж неожиданным зрелищем. Встречалось иногда сочетание кимоно и европейских кожаных туфель. Этот обычай смешивать два разных стиля жив по сей день, и многие японцы находят *гэта* самой удобной обувью в жару. Из по-

* «*Бэтто* (конюхи и гонцы) вместо одежды покрыты синей татуировкой. Их тело от шеи до пяток испещрено самыми разными рисунками: сказочными животными, воинами или женщинами. Все эти рисунки соединены между собой орнаментом из цветов и листьев...» (Cotteau E. Un Touriste dans l'Extrême-Orient. Paris, 1884. P. 86—87).

добных же соображений ботинки со шнурками довольно медленно завоевывали позиции среди народа и особенно среди тех, кто привык снимать обувь на пороге дома или храма. Расшнуровывать такие ботинки было долго и неудобно, так что их носили только военные. Первая обувь европейского типа стала производиться в Японии китайцами, а затем и сами японцы включились в эту индустрию. Сначала ботинки, привезенные из Европы и Америки, показались слишком узкими и неудобными для японцев, привыкших к свободной обуви: «Он купил пару ботинок самого большого размера в лучшем обувном магазине Фукуоки. Тем не менее они оказались не такими уж просторными, но жена объявила, что они еще растянутся в длину, и «что на Западе, если человек носит ботинки на каблуке, это означает, что он принадлежит к высшему классу». Синтаро, воодушевленный таким заявлением, целый день не снимал ботинок, хотя они основательно натерли ноги. Но, приехав в Токио, он обнаружил, что кожа у него на пятках разодрана в клочья, так что он даже не смог принять ванну...»

Кожаная обувь, когда она только начала появляться в Японии, была очень дорогой при крайне низком качестве. Кроме того, сапожников, чтобы чинить ее, не было. Кожу для изготовления обуви привозили из других стран. Но солдаты, вернувшиеся со службы, все поголовно носили кожаные ботинки, и многие японцы мечтали обладать ими из-за того, что эта обувь наглядно подтверждала «современность» ее владельца. Поскольку ходить приходилось много, счастливые обладатели кожаных ботинок берегли свое сокровище и надевали в дорогу *гэта*, *дзори* или *варадзи*, а ботинки вешали на шею на связанных вместе шнурках. К концу Русско-японской войны спрос на них сильно возрос. Число обувных заводов увеличивалось, а их оборудование становилось более современным. Цены упали, но большинство японцев все равно предпочитали традиционную обувь. В деревнях большим спросом пользовались резиновые сапоги, которые сначала импортировались в Японию, а позднее стали производиться в самой стране в необходимом количестве. И все же жи-

тели северных районов Японии, где зимой шли обильные снегопады, остались верны удобным сапогам, сплетенным из соломы.

Помимо *дзори* и *гэта* японцы всех сословий и возрастов с наступлением холодов надевали нечто вроде носков из хлопка белого или коричневого цветов (*таби*), у которых большой палец был отделен от остальных. На лодыжке эти носки перехватывались шнурком. Те, кто принадлежал к таким профессиям, как, например, плотник или строитель, предпочитали носить *таби* с толстой подошвой из конопли, заменяя, таким образом, привычную для нас обувь. Это оказалось настолько практичным, особенно если подошву делали резиновой, что изобретением воспользовались представители других профессий. По сей день многие рабочие ходят в *таби*.

В целом внешний вид японцев, особенно мужчин, постепенно менялся, в то время как женщины еще долго очаровывали мир шармом прошлого. В 1871 году Канагаки Рёбун сочинил сатиру в духе Лабрюйера на своих «европеизированных» соотечественников, описав молодого щеголя из Токио: «Это человек лет двадцати пяти, весь приглаженный и начищенный. Похоже, что он драит себя с мылом два раза в день, утром и вечером. Волосы зачесаны назад, но такое впечатление, что их не подстригали уже месяца три. Он благоухает одеколоном... он обладатель шелкового зонтика и дешевых часов, приобретенных ценой невероятных лишений. Время от времени он поглядывает на них, засучив рукав, но его вовсе не интересует, который час; просто ему хочется продемонстрировать свое сокровище всем окружающим...»

Необходимые предметы, будь то одежда или аксессуары, служили знаком, говорящим о принадлежности человека к культуре нового типа. В отчете Янагиды Куньо о положении дел в деревне Канэда префектуры Канагава, что недалеко от Токио, сообщалось, что к 1900 году в каждом доме имелись национальный флаг, пара *какэмоно* (картина, каллиграфия или гравюра), прибор для курения, печка на древесном угле, бокалы, часы (настенные или еще какие-нибудь), термометр. Три

четверти из этих домов имели бадью для купания, и во всех имелся *хаори*, украшенный знаком семьи (*мон*). У большинства были зонтики в европейском стиле, и половина мужчин носила мягкую шляпу, в то время как лишь одна семья из тридцати могла похвастаться современным пальто. Ботинки были большой редкостью.

К этому времени появилась необходимость в платяных шкафах, куда можно было бы складывать западную одежду. Кимоно же хранились в традиционных сундуках с ящичками (*тансу*). Платяной шкаф, выглядевший неуместно в японском доме, оказался тем не менее таким незаменимым, что составил часть приданого невесты, до сих пор включавшего только мелочи вроде зеркала, коробочки для заколок и предметов туалета, а также *тансу*, чтобы было куда класть кимоно.

Перемены, вызванные новым типом цивилизации, приносили с собой и новые предметы, новую одежду, но в то же время приводили к исчезновению прежнего уклада жизни. Так, в деревне перестали пользоваться прялками из-за того, что дешевле оказалось покупать отрезы готовой ткани.

Некоторые вещи, например европейские зонтики, постепенно вытеснявшие японские аналоги, изготовленные из промасленной бумаги, вызывали живой интерес. Впервые зонтики на спицах, сделанные из ткани, были привезены в Японию из Англии в 1859 году, но в то время японцы были настроены на сопротивление и неприятие всего иностранного, так что британский купец вернулся на родину вместе со всем своим товаром. Все изменилось в эпоху Реставрации: в 1872 году Япония закупила более трехсот тысяч зонтиков, которые разлетелись с немыслимой скоростью, хотя цены на них были очень высоки (около десяти йен за штуку).

То же самое произошло с термометрами и особенно с часами. Последние стоили очень дорого, так как сами японцы еще не научились производить часы достаточно высокого качества. Они получили широкое распространение только после 1899 года, когда японскому часовщику Ёсинуме Матаэмону удалось собрать часы, не уступавшие по качеству европейским, и наладить их производство. Отныне большинство людей могли поз-

волить себе приобрести часы, и к концу эпохи Мэйдзи редко у какой семьи их не было. Но не все новые предметы были доступны обыкновенным японцам. В своем романе «Мон» (Дверь), написанном около 1910 года, Нацумэ Сосэки показывает, какую привлекательность представляли все эти диковинки для простого токийского рабочего: «Сёсукэ с легкой улыбкой на лице быстро пересек оживленную улицу и на этот раз принялся исследовать витрину магазина, где продавали часы. Их там, как и золотых цепочек, было огромное множество. Его ослепил блеск и благородные линии этих чудесных вещей, и в нем проснулось желание обладания... затем он на минуту задержался перед магазином с европейскими зонтиками. Еще в одном месте он заметил галстуки, лежащие рядом с шелковой шляпой. Они были куда лучше тех, которые он сам носил, и Сёсукэ так и подмывало спросить цену. Но вдруг ему показалось смешным это желание, и, преисполнившись негодования, он продолжил свой путь...»

Еда

Несмотря на распространенное мнение европейцев о том, что рис составлял основную пищу крестьян феодальной Японии эпохи Токугавы, это было совсем не так, хотя рис и являлся главной статьей японского экспорта. Инвентаризация, проведенная в 1878 году, то есть десятилетие спустя после Реставрации, показала, что едва ли половина обрабатываемых земель была засеяна рисом. Рожь, ячмень и пшеница были самыми популярными злаками. Затем уже шел рис, а за ним — соя, просо и еще кое-какие культуры. Сладкий батат (*имо*) замыкал этот список.

Во времена власти сёгуната крестьяне отдавали около 30% урожая феодалам, и этот налог распределялся между представителями военного сословия главных городов-замков. Излишек производства покупали горожане и те, кто сам не занимался сельскохозяйственными работами. В начале эпохи Мэйдзи ввели денежный налог, и крестьянам приходилось продавать

большую часть урожая, чтобы добыть необходимую сумму. Ситуация для них практически не изменилась, но риса им самим уже не хватало, и люди вынуждены были употреблять в пищу другие злаки, так что иногда на одну часть риса приходилось пять частей ржи или ячменя. В деревне ежегодное потребление риса одним человеком составляло в среднем три четверти *коку*, то есть около ста тридцати пяти литров, в то время как в городе цифры были иными: *коку* с четвертью (примерно двести двадцать пять литров). Но это количество находилось в сильной зависимости от достатка семьи и того региона, где она проживала. В местностях, где выращивали рис (таких как Сидзуока, Сига, Хиросима, Хаката, Ниигата), крестьяне могли употреблять в пищу больше риса, чем те, кто жил в регионах, где преобладали пшеница, просо и ячмень (Тотоми, Миэ, Вакаяма, Кагава, Оита, Нагасаки). В некоторых горных районах рис был редким блюдом, а в ежедневное меню людей входили каштаны, орехи и просо.

В течение всей эпохи Мэйдзи крестьяне ели белый рис далеко не каждый день. Он считался роскошью, и его часто смешивали с овощами и другими злаками. Когда налог стал взиматься наличными, а не рисом, цены на него заметно выросли, что позволило крестьянам продавать его немного меньше, а потреблять в пищу немного больше. Отмечено, что в период с 1860 по 1886 год общее потребление риса выросло примерно на 10%, а потребление, к примеру, ржи осталось неизменным. Несмотря на то что злаков выращивалось достаточное количество, в эпоху сёгуната в стране нередко начинался голод, отчасти из-за налога рисом, отчасти из-за плохой организации резервных запасов продовольствия, отчасти из-за ограничения торговли между отдельными вотчинами. Таким образом, одно поместье могло снабжать другое, в котором по причине плохого климата ощущался недостаток в злаковых культурах. Так как в Японии огромное число микроклиматических зон, то губительные последствия землетрясений, морозов, избытка дождей могли нанести вред урожаю в какой-то одной части страны, не затрагивая при этом другой. С исчезновением феодальных

владений исчезли также и пошлины, так что ситуация немного наладилась, хотя в неурожайные годы цены на рис и другие злаки поднимались настолько, что горожанам удавалось лишь ценой огромных усилий доставать необходимые продукты. 1867, 1868 и 1869 годы оказались для Японии катастрофическими (урожай 1869 года составил только 37% от нормы), и новому правительству, пришедшему к власти в 1868 году, пришлось закупать рис в Индокитае, чтобы не допустить голода. Это привело к тому, что цены в конце 1869 года вновь упали с 1,2 рё до 0,8 рё за *коку* (сто восемьдесят литров). Сначала импортом риса занимались по просьбе японского правительства иностранные торговцы, а затем — японские торговцы из Кобе. Цены на зерно стабилизировались, заниматься выращиванием риса стало очень выгодно, и многие крестьяне превращали свои земли в рисовые поля, забрасывая менее прибыльные культуры. Кроме того, богатые купцы покупали рисовые поля, на которых трудились те, кто был вынужден продать собственные земли для уплаты налогов или долгов. Производство риса стало расти в таких пропорциях, в каких Япония могла его экспортировать. Так, в 1878 году риса оказалось столько, что страна отправила на экспорт более восьмисот тысяч *коку*, прежде всего в Китай, где недостаток этого злака ощущался крайне остро. С другой стороны, правительство продолжало закупать по низким ценам рис (преимущественно из Кореи). Например, в 1880 году экспортируемый рис продавался за 7,73 иены, а импортируемый покупался всего за 5,50 иены. Но этот покупаемый рис был настолько низкого качества, что его приобретали только самые бедные слои населения. Торговцы придумали смешивать японский рис с импортным в пропорции семь к пяти, но покупатели вскоре раскусили мошенников, и те отказались от своей затеи. Благодаря балансу экспорта и импорта цены на рис установились достаточно стабильные, хотя в 1890 году средние горожане были вынуждены покупать рис низшего сорта и даже часто смешивать его с другими злаками. Но когда рис стали импортировать в огромных количествах, цены на него вновь понизи-

лись и пришли в норму в течение двух лет. Потребление риса быстро росло, и после 1900 года на каждого человека в среднем приходилось пять *коку* в год. В то же время увеличивалась площадь земель, отведенных под эту культуру. В 1878 году цифра была следующей: пятьсот тридцать пять тысяч четыреста *тё*. К концу эпохи Мэйдзи площадь рисовых полей составила три миллиона *тё*, а производство выросло от тридцати до пятидесяти миллионов *коку*. Несмотря на рост населения, риса вполне хватало, и все больше людей предпочитали именно этот продукт питания. Так что только после 1900 года японцы действительно стали такими любителями риса, какими их представляет себе европеец. Но в деревне, жители которой не могли расстаться с привычкой экономить рис, он смешивался с другими продуктами, например со свежей редькой (*дайкон*) или с соусом. Его также использовали в качестве подношения богам. Тогда его готовили на пару или же растирали и лепили что-то вроде небольших пирожных, которые затем варили. До сих пор в дни больших праздников рис, как того требует обычай, готовят в огромных деревянных ступках и, когда он превращается в клейкую массу, делают из него плотное густое тесто. Это блюдо, которое употребляют в пищу жареным или приготовленным на пару, называется *моти* — излюбленное лакомство детей и взрослых. По праздникам или к приему гостей крестьяне обычно смешивают недробленый рис с красным горохом (*адзуки*), получая кушанье, называемое *сэкихан*; считается, что это блюдо приносит удачу. Во время праздников кушанья из риса сначала предлагали богам, а затем разделяли между членами семьи или коллегами по работе. Эта совместная трапеза скрепляла узы дружбы между гостями, и выражение «есть рис из одного горшка» имеет в Японии примерно то же самое значение, что у нас «есть из одного котла».

Но рис не мог быть единственной пищей японцев, и к нему часто подавали немного вареных овощей или соус (*цуканоно* или *кономоно*), яйца, свежую или сушеную рыбу, водоросли, мясо, так что получалось полноценное блюдо.

Каждый крестьянин приберегал часть своего урожая риса, чтобы получить из него сакэ. Этот напиток с невысоким содержанием алкоголя (16—18 градусов) пили только по праздникам. Но к концу эпохи Мэйдзи риса было так много и специализирующиеся на изготовлении сакэ компании производили столько этого напитка, что его стали пить и в обычные дни. Но все же в большинстве деревень сохранилась традиция ежегодно предлагать немного лучшего сакэ *ками* в самом почитаемом святилище, так как считалось, что боги к нему неравнодушны.

Рыба считалась одним из лучших дополнений к основному блюду, но в начале эпохи Мэйдзи только жители прибрежных районов могли позволить себе роскошь часто подавать на стол свежую рыбу. Остальным же приходилось довольствоваться сушеной или соленой рыбой, так как свежую невозможно было доставить из места промысла в отдаленный район (за исключением зимнего периода), а перевозить рыбу во льду могли только очень богатые люди, для которых лед специально доставлялся с гор.

Хотя еще в 1874 году некоторые японские заводы начали заниматься консервированием рыбы, их продукция стала попадать в деревни гораздо позже, примерно к 1920 году, когда в Японии появились первые холодильники. Так что только жители крупных прибрежных городов, таких как Токио или Осака, имели возможность добавлять к обычной порции риса рыбу или моллюсков. Последние из-за своей дороговизны были по карману далеко не всем, и поэтому большинство японцев предпочитали покупать пикули или маринованные овощи, которые они очень любили. В каждом регионе страны имелись свои специалисты изготовления *цукэмоно* — подарка, который высоко ценится даже сегодня. Помимо различных соусов он состоял из большого количества самых разных овощей, дикорастущих или выращенных в огороде, которые крестьяне нарочно немного недоваривали: побегов бамбука (весной они показываются из земли и за ночь достигают высоты от 30 до 50 сантиметров), фасоли, баклажанов, разнообразных грибов, дыни, реве-

ня и т. д. Все эти овощи употреблялись в пищу сырыми, под соевым соусом или *мисо*, представляющим собой пастообразную приправу на основе забродившей сои или фасоли. Ее, так же как *цуканоно* и *кёнамоно*, тщательнейшим образом готовила хозяйка дома, следя за процессом брожения, ведь неправильно приготовленный *мисо* мог привести всех членов семьи к самым неприятным последствиям. В каждой семье имелся особый рецепт приготовления *мисо*, которым очень гордились. Обычно это блюдо употребляли в пищу как простую приправу либо в супе (*мисосиру*) спустя три года после того, как фасоль и соя начали бродить. Но если в деревне долгое время (иногда и сегодня) крестьяне готовили *мисо* собственноручно, то в городе этим занялись специальные фабрики. Среди прочих приправ и соусов соус из сои был изобретен сравнительно поздно. Японию с ним познакомили китайцы незадолго до эпохи Мэйдзи. Сначала его употребляли в пищу преимущественно монахи-буддисты, чтобы заменить им соусы на основе *мисо*, называемые по способу приготовления *тамари* и *сумаси*, а позже он стал популярным блюдом в каждой японской семье. Кроме того, в эпоху Мэйдзи распространился обычай есть сырую рыбу, что раньше могли позволить себе только рыбаки.

Мясо в Японии употребляли в пищу с давних времен, но только в эпоху Мэйдзи иностранцами в страну была привезена говядина. Крестьяне и те представители военного сословия, кто не слишком строго соблюдал буддийскую заповедь, запрещающую охоту и причинение какого-либо вреда любому из живых существ, даже для того, чтобы добыть себе пищу, обычно ставили ловушки и охотились на птиц, ланей и кроликов. Употребление в пищу говядины и свинины по праздникам началось в Нагасаки, где этот обычай ввели в употребление несколько японцев, вероятно — христиан, которые подражали европейцам. Но в целом в Японии говядину не ели, используя коров как тягловое животное. Фукудзава Юкити сообщает, что, например, в Осаке в 1855 году только несколько студентов ели говядину, смешивая ее с рисом. Говядину начали импортировать из Соединенных Штатов в Йокогаму с 1865

года, но, как правило, для европейцев, проживающих в Японии. Ее также импортировали из Китая. Нелегко было открыть бойню или мясную лавку, потому что народ относился к этому неодобрительно и на подобные места накладывалось табу: их окружали оградой из натянутых веревок (*симэнава*), на которых висели *гохэй* (сложенные листы бумаги, расценивающиеся как счастливое предзнаменование), чтобы показать, что здесь происходит нечто запрещенное и нарушающее традиции. Несмотря на это, людей, употребляющих в пищу мясо, становилось все больше. В свете увлечения Западом это стало знаком «просвещенности». С 1870 года в крупных городах стали открываться мясные лавки, и их владельцы прилагали немало усилий, чтобы убедить население в том, что мясо — это здоровая и дающая энергию пища. Канагаки Рёбун писал в своей книге «Агуранабэ», вышедшей в свет в 1871 году: «Я повторяю еще раз, что тот, кто не ест говядины, будь то солдат или земледелец, художник или торговец, ученый или невежа, богач или бедняк, — тот самый настоящий мужлан».

В Японии пример народу необходимо подавать «сверху». Так что, когда в 1872 году сам император попробовал и оценил вкус говядины, всем захотелось сделать то же самое. Даже буддийские монахи получили разрешение есть мясо и, будучи, таким образом, приобщены к мирской жизни, — жениться. Вкушение мяса и вкушение мирской жизни сводилось, согласно буддийской морали, к одному и тому же.

К 1880 году есть говядину, свинину, птицу и даже конину стало признаком утонченности и элегантности. Но в то же время жарить мясо на вертеле на западный манер еще не умели. Его нарезали очень тонкими ломтиками, которые затем варили или поджаривали с овощами, так что получалось блюдо, ныне известное всем как *скияки* или *гюнабэ*. Позже, после победоносной войны с Кореей, когда многие корейцы переселились в Японию, они принесли с собой обычай жарить мясо, добавляя к нему затем соевый соус. Импортное мясо все еще было очень дорогим, и вплоть до конца эпохи Мэйдзи большинство крестьян так ни разу его и не по-

пробовали. Кроме того, говядина или конина считались мясом нечистых животных. Все еще были сильны законы сёгуната, запрещающие убивать домашний скот, да и крестьяне, использовавшие быков и лошадей для работы в поле и в качестве вьючных животных, были к ним искренне привязаны.

Но обычаи стремительно менялись, и вскоре крестьяне поняли выгоду от выращивания животных на убой и их продажи в городские мясные лавки. Так что к 1874 году в Японии помимо импортного мяса появилась своя говядина, предназначенная для продажи в крупных городах. В Йокогаме, Йокосуке и Нагасаки, где проживало наибольшее количество иностранцев, каждый день забивали не менее девяноста животных. Мясо стали различать по качеству, и лучших коров, выращиваемых в Хёго, продавали по пятьдесят йен за голову, в то время как немясные породы шли дешевле и иногда стоили всего около десяти йен. По мере увеличения спроса увеличивалось и число мясных лавок, и, например, в 1879 году было забито уже двенадцать тысяч четыреста девятнадцать голов скота. К 1900 году конина значительно подешевела по сравнению с говядиной, и ее стали подавать в школьных столовых и в столовых государственных учреждений и предприятий, что способствовало росту ее популярности среди народа. Кроме того, после того как японские китобойные суда смогли увеличить промысел, стало продаваться очень дешево китовое мясо.

Молоко никогда не ценилось в Японии высоко. Это не было вызвано теми же причинами, что в Китае, где молоко считали экскрементами коровы, просто японские коровы из-за плохой травы давали его очень мало. Поэтому молоко и масло использовали повсеместно как лекарство, а не как пищу. Во времена Токугавы сёгунат решил улучшить поголовье скота княжества Ава, для чего велел закупить индийских, голландских и португальских коров. Луга в Японии — редкость, а качество травы весьма посредственное, но правительство Мэйдзи выделило земли под пастбища в провинциях Ава и Тиба и закупило коров молочных пород (Гольштейна). В то же время оно поощряло производство мас-

ла и сыра, продуктов, не пользовавшихся благосклонным вниманием японцев, если не считать тех, кто стремился идти в ногу со временем. Но зато молоко широко распространилось как детское питание, особенно после 1880 года, когда в Японии появились детские бутылочки и соски.

В стране издревле употребляли в пищу курицу и куринные и перепелиные яйца, но этот обычай не был повсеместным. Японские куры были мелкими и тощими, их жесткое мясо не слишком ценилось. Яйца также были мелкими, но иногда японцы жарили их или готовили яйца в мешочек. Только после разработки американцами новых методов инкубации, выращивания цыплят и выведения новых пород кур распространился обычай готовить жареную курицу (примерно 1886 год) — *якитори*. Этот обычай возник в городах, а в деревнях появился гораздо позже.

В разные годы эпохи Мэйдзи появлялись разные виды овощей и других съедобных растений. Их сначала изучали в Mita Plant Industry в Токио, а затем начинали выращивать повсеместно в Японии, чтобы разнообразить меню населения. Так, крестьянам, живущим неподалеку от Токио, раздавали ростки и семена спаржи, лука, помидоров, капусты, снабжали людей письменными рекомендациями, как правильно сажать растения, как использовать их в кулинарных целях (тут помогали рецепты иностранцев из Йокогамы и Кобэ, которые уже выращивали их в своих садах).

Некоторые земледельцы, получившие образование в городе, пытались убедить своих соотечественников обратить внимание на новые виды овощей и на пользу свиноводства. Иногда им это удавалось, но чаще приходилось терпеть неудачу.

«...Он живо посоветовал каждому в деревне заняться разведением свиней или домашней птицы, и поскольку сам он привез кур иностранной породы, то раздал по две-три птицы в каждый уважаемый дом. Но прошло не так много времени, как крестьянин А явился с рассказом о том, как кошка съела всех его цыплят, между тем как питомцы крестьянина Б утонули в канаве, а крестьянину В пришлось прикончить петуха, потому

что тот совершал опустошительные набеги на его поле, и т. д. Затем было решено заняться капустой. Дядя отпечатал на *кана* (слоговая азбука) рекламу о разведении капусты, которую он раздавал вместе с семенами. Но большую часть семян склевали прожорливые птицы, а рекламные проспекты служили носовыми платками фермерским детям...»

Картофель был завезен в Японию голландцами в XVI веке, но стал выращиваться только после того, как правительство выпустило в 1885 году постановление, посвященное этой культуре. Все же картофель распространялся медленно и вошел в японское меню довольно поздно. Новые виды овощей поначалу не вызывали у крестьян особого энтузиазма, и их выращивали не столько для своего собственного употребления, сколько на продажу в город. Но зато многие новые фруктовые деревья японцы приняли с интересом и вскоре начали высаживать их в большом количестве. Немцы привезли в Японию вишню (она имеет мало общего с *сакурой*, чьи плоды несъедобны), которую, по предложению американцев, стали сажать на Хоккайдо в 1872 году. Благодаря железной дороге на многих японских рынках после 1891 года появились вишни, до которых японцы оказались большими охотниками. То же самое произошло и со сливами, которые привез американский учитель и которые по приказу правительства были высажены в 1875 году на севере Хонсю в количестве тысячи трехсот деревьев. Яблони имели такой успех, что крестьяне, решившие устроить плантации этих деревьев на своих полях, очень быстро разбогатели. Но яблоки, как и разновидность японских груш, *наси*, было сложно перевозить, так что только после того, как все регионы Японии связала железная дорога, фруктовая индустрия развернулась в полном объеме.

Персики, миндаль, виноград и сорт мандаринов «*микан*» были привезены из Китая в 1871 году. Эти фрукты очень понравились японцам и вскоре появились практически повсюду. Бананы были уже известны, но их употребляли в пищу только там, где выращивали, то есть на юге страны, на Кюсю и Окинаве.

Японцы обычно употребляли в пищу мало сахара,

предпочитая солить блюда. Но во время праздников они готовили пирожные из рисовой муки и другие сладости — в каждом регионе свои. У высших классов были в почете и часто подавались на стол пирожки, рецепт приготовления которых был позаимствован у португальцев. Они назывались *кацутера* (от слова «Кастилия», так как считалось, что эти сладости — испанские по происхождению). Готовились они из очень тонкого теста. Жившие в Японии женщины из Европы пекли сладости по собственным рецептам, которые очень быстро переняли местные японки. Но большинство европейских кондитерских изделий готовилось на масле, что казалось японцам отвратительным, так что лишь некоторые крупные торговцы продавали их, да и то скорее как занятную вещицу. Более изобретательные придумывали новые блюда, подгоняя европейские рецепты под вкусы японцев. Так появились многочисленные пирожные с начинкой из фасолевой пасты (*ёкан*), которые и сегодня очень популярны. Сначала им придавали яркую окраску с помощью различных добавок, чтобы привлечь покупателей, но оказалось, что используемые красители вредны для здоровья, поэтому в 1871 году правительство выпустило постановление (дополненное в 1875 и 1877 годах), запрещающее их использование. Эти пирожные не были особо популярны среди народа из-за дороговизны кристаллизованного и рафинированного сахара, который привозили из Соединенных Штатов. Простые люди могли покупать только тростниковый сахар, получаемый из сахарного тростника, выращиваемого на островах Рюкю, но он был непригоден для изготовления кондитерских изделий. Несмотря на усилия правительства начать в 1879 году производство сахара из сахарной свеклы на острове Хоккайдо по европейской технологии, сахарная индустрия Японии в эпоху Мэйдзи развивалась очень медленно. Спрос на этот продукт был невелик, а рафинирование сахара было еще несовершенным в техническом плане.

Японцы употребляли в пищу довольно много сырого теста, секрет изготовления которого пришел из Китая. Среди его домашних разновидностей выделялись

удон, приготовленное из пшеничной муки, и всевозможные *сёмэн* и *соба*^{*}, также готовящиеся из муки, но с добавлением соды. Это тесто было известно уже в эпоху Токугавы, но популярность пришла к нему в эпоху Мэйдзи. Многие семьи стали заниматься его изготовлением, но не столько для своего стола, сколько на продажу, что являлось для них существенным подспорьем. *Удон* обычно употребляли в пищу зимой, *сёмэн* и *собу* — летом. В городах и деревнях появлялись многочисленные лавки, постоянные или временные, которые предлагали покупателям различные виды теста, сваренные в легком супе, и *тофу* — разновидность соевого сыра, очень богатого протеинами; причем все это по низкой цене, что немало способствовало популярности блюда. Японцы всех сословий в течение долгих времен употребляли в пищу *тофу* и считали это нежное кушанье (которое европейцам казалось пресным) настоящим деликатесом. Особенно охотно его ели буддийские монахи, так как он заменял запрещенное для них мясо. Только после того как началась поставка сои из Маньчжурии в 1895 году, Япония смогла производить большое количество *тофу* по довольно низкой цене, чтобы этот продукт стал доступен всем. Кроме того, *кантэн*, этот растительный желатин (*Gelidium amansii*), необходимый для приготовления фруктового желе, также стал доступен всем только после того, как был налажен его импорт в 1885 году.

Производство консервов должно было позволить японцам из всех регионов страны получать продукты из самых отдаленных провинций и сохранять на зиму овощи, собранные летом или весной. Оно было начато только после того, как появилось достаточное количество тары для консервов. Японско-китайская и Русско-японская войны требовали огромного количества консервов для снабжения армии. Технику консервирования японцы переняли у американцев в 1870-х годах в основном для того, чтобы закрывать сардины в масле, но вскоре, благодаря урокам американцев и французов и с помощью правительства, консервные заводы нача-

* *Собу* готовят из гречневой либо пшеничной муки.

ли появляться повсюду, начиная с Нагасаки и Хоккайдо. После окончания двух войн оказалось, что заготовлено такое количество консервов, что их можно было пустить на продажу по всей стране, и с этих пор они стали очень популярны.

Хлеб в Японии не знали вплоть до прихода американцев (имеется в виду не хлеб европейского типа, который появился в стране после Второй мировой войны, а американский мякиш), когда его стали подавать в школьных и офицерских столовых. В народе он не имел особой популярности, но его считали эффективным лекарством против болезней, в частности бери-бери. Сначала к нему относились как к добавке к пище и пекли сдобные булочки с начинкой из фасолевой пасты или варенья. Их продавали на вокзалах «про запас», «на всякий случай» — *ампан*. Бисквиты сначала закупали за границей для солдат, а позже стали производить в стране, и японцы охотно брали их для детей. Но в целом популярность хлебных изделий росла медленно, его продолжали считать скорее лакомством, чем основной пищей. В деревне положение изменилось только в конце эпохи Мэйдзи, когда в городе хлеб уже употребляли в пищу в разных видах высшие и средние классы.

Чай, который сейчас признан национальным напитком, в начале эпохи Мэйдзи пили редко. Его принесли в страну в Средние века монахи дзэн-буддизма и использовали как стимулирующее средство во время долгих часов медитации. Затем он пришелся по вкусу аристократии. Одновременно с этим возникала и разрабатывалась «чайная церемония» (XIV и XV века).

В деревне этот напиток употреблялся только по праздникам, но в то же время у многих земледельцев в саду росли одно-два чайных дерева. Сбором их молодых листьев занимались женщины. Неизвестно, по какой причине в эпоху Мэйдзи во всех слоях населения возник такой интерес к чаю. Обычно же крестьяне пили простую воду, холодную или горячую. Возможно, что с тех пор, как у них появилось больше свободного времени в эпоху Мэйдзи, они приучились утолять жажду именно чаем. Даже в наши дни вместе с остальными свадебными подарками молодоженам принято дарить

листочки чайного дерева, которые считаются добрым предзнаменованием. Чай пили либо отдельно, сам по себе, либо с пикулями или пастой из фасоли. Этот напиток получил всеобщее признание, и в зависимости от времени дня пили разные его сорта. *Сэнтя* — во время завтрака, *асатя* — утром, *нибантя*, или второй чай — после полудня и т. д. Очень скоро возник и укрепился обычай пить чай по любому поводу, особенно этот напиток полюбили женщины, которые употребляли сакэ только в исключительных случаях. Чай стоил гораздо дешевле сакэ, и вскоре именно его стали предлагать во время дружеской трапезы. Поскольку черный чай был завезен европейцами, то считалось хорошим тоном подавать его гостям вместе с пирожными и сладкими или солеными смесями. Часто после черного чая (в который добавляли сахар) подавали зеленый. Этот черный, или китайский, чай производили на самом деле в Японии. «Я посетил в Кобэ фабрику, где пятьсот женщин и девушек перемешивали голыми ногами в нагретых котлах чайные листья, — пишет путешественник. — Чтобы придать им окраску черного китайского чая, в них добавляют смесь извести и индиго. Процессом руководят китайцы, и под их же присмотром готовый чай рассыпают по тюкам». К 1900 году чай стал так популярен, что его признали национальным напитком, каковым он остается и до сих пор.

В обычных чайных домах посетителям предлагали японский и китайский чай (в основном в городах), сакэ, разнообразные прохладительные напитки вроде лимонада и пирожные. Самые изысканные напитки в летнюю жару подавались с мелко наколотым льдом и фруктовыми соками. В то время лед приходилось привозить из гор и хранить в подвалах, но поскольку спрос на него возрастал, то в 1877 году начали работу несколько заводов по его производству. Но этот лед был довольно грязным, и правительству пришлось принять меры, чтобы свести к минимуму риск возникновения эпидемии брюшного тифа.

Пиво в Японию завезли англичане и немцы в 1868 и 1871 годах. Сначала его поставки были довольно крупными, но скорее из-за бутылок, чем из-за их содержи-

мого, так как стеклянные бутылки привлекали внимание и интерес японцев. Первый пивоваренный завод в Японии был открыт в 1873 году в Кофу, но массовое производство этого напитка началось только с развитием стеклянной промышленности. Пиво употребляли в основном те, кто усвоил привычку питаться на западный манер, а также моряки и военные. Постепенно качество японского пива повышалось, и оно даже получило золотую медаль на Международной выставке в Париже в 1889 году. В 1887 году его подавали на нескольких официальных банкетах, но все же рядовые японцы не слишком ценили этот напиток, считая его чересчур горьким. Только после 1905 года в среде аристократии распространилась мода предлагать гостям пиво, а настоящую популярность оно получило после Второй мировой войны.

Виноградные плантации появились в Японии благодаря Китаю, но урожай они давали скудный, потому что земля была не слишком плодородной и к тому же ее не удобряли. Сказывалось и отсутствие опыта у первых японских виноградарей. Впервые вино японской марки, полученное из винограда провинции Ямагути, появилось в 1870 году. В 1876 году правительство, недовольное своими виноградными плантациями, решило закупить тридцать шесть тысяч американских и двадцать тысяч французских лоз. На следующий год в Яманаси появился завод, производящий вина по европейским рецептам. Но, как и в случае с молоком, которое считали лекарством, вино покупали только по предписанию врача в качестве укрепляющего и стимулирующего средства. По-прежнему любому другому алкогольному напитку предпочитали сакэ. В Японии, впрочем, производили и другие алкогольные напитки, менее дорогие и менее ценимые, чем сакэ. Например, *сэтью*, сорт рисовой водки, не имеющей особых вкусовых качеств, или напитки, получаемые, как в Кагосиме, из картофеля. Но все они, несмотря на дешевизну, представляли собой опасность для здоровья, так что их покупали самые бедные слои населения, у которых не было возможности пить настоящее сакэ. Что касается импортных алкогольных напитков, появившихся в

Японии около 1880 года, то они оставались чрезвычайно дорогими и завозились в очень небольшом количестве. Впрочем, предпринимались попытки изготовить местный виски, следуя советам нескольких британцев.

В то время как в крупных городах все больше распространялась мода питаться на западный манер и включать в меню иностранные продукты, в деревнях мало что изменилось. Впрочем, и здесь, не без влияния студентов, солдат, вернувшихся со службы, а также разнообразных статей в журналах и газетах, крестьяне стали проявлять интерес к новым продуктам питания. Все чаще в пищу употреблялись яйца, мясо и птица.

Крестьяне познакомились с кофе, хотя большинство терпеть его не могли и практически никогда не пили. Точно так же, благодаря газетам, они узнали о какао и о существовании завтрака, ланча и обеда на американский манер. Но, как правило, крестьяне, занимавшиеся выращиванием новых видов овощей, сами их не ели. В городах же европейский способ питания становился все более популярным, увеличивалось число ресторанов, предлагавших западные блюда. Правда, посещали их больше высокопоставленные государственные служащие и люди, принадлежавшие к избранным кругам. Простые люди предпочитали посещать *суси-я* (лавочки, в которых продавали шарики белого риса и сушеные водоросли, *нори*, а также рыбу разных сортов и мясо) или *тэнтура-я*, где прямо перед клиентом жарили рыбу с овощами и готовили крабов и омаров. Популярности европейской кухни среди служащих немало способствовала легкость приготовления ее блюд, которые, по сравнению с японскими, не требовали долгого времени и тщательного отбора ингредиентов.

Первые рестораны, специализирующиеся на европейской кухне (*сэйё-рёри*), появились в Йокогаме и Токио в 1873 году и предназначались для иностранцев. Помимо них в городах стали открываться рестораны китайской кухни. Первое заведение подобного рода появилось в 1883 году в Токио в квартале Нихомбаси. Рестораны, подававшие барбекю на корейский манер, появились только после 1900 года. Любопытно, что

они пользовались гораздо меньшей популярностью, чем западные рестораны, и настоящий интерес к ним возник только после 1920 года.

К концу 1897 года в Токио насчитывалось уже сорок шесть ресторанов и сто сорок три чайных дома (или, как у нас говорят, кафе) на западный манер, и это не считая маленьких американских баров, в которых продавали сакэ и европейские алкогольные напитки, особенно виски. Кроме этого, существовало довольно много *сироку-я*, небольших таверн, где можно было заказать *удон*, *сёмэн*, жареного цыпленка (*якитори*), *скияки* и *тэнтура*. Некоторые *сироку-я* предлагали клиентам бифштекс из мяса кита или из лосося, который был приготовлен с большим мастерством.

К концу эпохи Мэйдзи считалось признаком хорошего тона и элегантности ходить в европейские чайные, где можно было не только попробовать разные сорта этого напитка, но и заказать кофе или шоколад.

Но самым заметным изменением в исконно японских привычках стало необычайно быстрое увеличение числа небольших кабачков, где можно было в любое время выпить сакэ и прохладительные напитки, а также перекусить. Скорость, с которой они появлялись, вызвана тем, что служащие, студенты и рабочие не имели возможности возвращаться к себе домой на обед или же стеснялись показывать, в какой бедности они живут, и после работы или учебы забегали сюда, чтобы поболтать за едой.

В целом питание японцев в эпоху Мэйдзи улучшилось. Этому способствовали рост производства таких продуктов питания, как пшеница и рис, и появление новых блюд, готовящихся на масле и со специями. Мало-помалу, с развитием транспортных средств определенные продукты перестали быть достоянием одного региона и отныне их можно было найти везде. Пища, ранее бывшая только средством выживания, становилась наслаждением, особенно если речь шла об обеде в семейном или дружеском кругу. Поход в ресторан, даже самый скромный, был для многих японцев редким удовольствием, и они тем более стремились получать как можно больше удовольствия. Обед вне дома был

прежде всего развлечением для мужчин (женщины редко показывались в общественных местах). В нем видели возможность попробовать «что-то новенькое» помимо привычного меню. Но далеко не всем это было по карману, и часто все сводилось к тому, что мужчина отправлялся «выпить горшочек сакэ» с друзьями в какой-нибудь лавочке. Еще меньше было тех, кто мог позволить себе посещение европейского ресторана. В сущности, основой всех блюд, как в городе, так и в деревне, стал рис, а все остальное рассматривалось как добавления к нему. К концу эпохи Мэйдзи, то есть к 1912 году, Япония действительно превратилась в страну риса и чая.

Покупки и магазины

До начала эпохи Мэйдзи в основном происходил обмен натуральными продуктами. Земледельцы обменивали овощи, рис и прочие злаки на рыбу и водоросли, добываемые рыбаками, или на продукцию местных ремесленников. Обмен услугами был обычным делом для жителей одной деревни или одного города или между соседними населенными пунктами. Красильщик или плотник мог выполнять работу для жителей нескольких городов. Но с введением новых законов и переделом земель эта практика постепенно исчезла. Хозяйке не нужно было далеко идти в поисках необходимых в быту вещей и продуктов, так как все это находилось поблизости, а ее желания были нехитрыми и немногочисленными и находились в гармонии с тем образом жизни, который вели крестьяне. Когда же безумие современной жизни достигло деревень, их жителей поразил вирус жадности обладания новыми, иногда совершенно бесполезными предметами, только для того, чтобы показать, что и они идут в ногу со временем. Исчезали старые профессии, но появлялись новые. Столяры, изготовлявшие *тансу* — разновидность комода с ящиками для хранения кимоно, — принялись работать над шкафами, *гэта*, столами и стульями; крестьяне стали сбивать масло; кое-кто — торговать ри-

совой соломой, которая требовалась для изготовления *татами*, и бумаги и шла на нужды армии; кроме того, ее жгли, чтобы пеплом удобрять почву в городских садах. В деревнях появились небольшие лавки, где продавали всего понемногу: *таби* для рабочих, свечи, масло и керосин для ламп, древесный уголь для *хиба-ти*, мыло, спички и тысячи мелочей, которые крестьяне раньше делали сами и в которых еще несколько лет назад не испытывали потребности. С развитием текстильных фабрик отпала нужда в утомительном изготовлении домотканого полотна, и хозяйки отныне покупали в ближайших городках отрезки ткани, из которых шили кимоно для себя и для членов своих семей. В этих городках издавна проходили ярмарки, куда стекались ремесленники, желающие продать или обменять свои изделия, и местные крестьяне, приносящие с той же целью плоды своего труда. Некоторые из этих рынков (*ити*) выросли в города, чьим именем стало название дня, на который приходилась ярмарка: *Миккаити* («ярмарка третьего дня»), *Ёккаити* («ярмарка четвертого дня») и т. д. На главных рынках можно было приобрести всевозможные предметы, начиная с самых изысканных и до простейших вещей: табака, бумаги, стержней, заполненных тушью, кисточек, фарфоровых пиал для риса или чая, детских игрушек и книг. Поход на рынок был праздником. В городах ярмарки традиционно устраивали в определенных кварталах. Приток населения в город после Реставрации привел к увеличению спроса, так что число ремесленников значительно возросло. Постепенно в регулярных ярмарках отпала нужда, так как все чаще стали открываться разнообразные магазины, хозяевами которых были либо предприимчивые крестьяне, либо ремесленники, либо бывшие самураи, считавшие, что торговля — единственный для них способ вести достойное существование. К несчастью, большинство этих новых торговцев ничего не понимали в коммерции и не знали, как себя вести с покупателями-горожанами. Дела у многих из них с самого начала шли так скверно, что магазины пришлось закрывать. И напротив, те крестьяне или ремесленники, кто более или ме-

нее разбирался в торговле, быстро добивались успеха, особенно те, кто открывал маленькие предприятия, производящие *мисо*, *тофу* и другие продукты первой необходимости. Некоторые самураи из почтенных, но разорившихся семей становились антикварами или книготорговцами.

Впрочем, крестьяне умели покупать не лучше, чем торговцы продавать свой товар. Согласно старому обычаю, можно было оплатить счет в конце месяца или даже в конце года, так что сначала люди брали гораздо больше товара, чем требовалось на самом деле, поэтому к концу месяца многие семьи влезали в долги, ведь им приходилось платить значительные суммы. Но вскоре привычка к экономии, присущая японскому народу, возобладала над жадностью, и люди поняли, что необходимо как-то ограничивать свои покупки.

Магазины множились, везде появлялись торговцы тканями, скобяными изделиями, часами, нижним бельем. Часто продавали вещи, совершенно не сочетающиеся друг с другом. Любимым развлечением горожан стало созерцание витрин магазинов. Особенно быстро магазины заполнили Токио и Осаку, ставшие вскоре городами предпринимателей и мелких торговцев.

Благодаря посредничеству бродячих торговцев новые товары проникали в деревни. У представителей этой древней профессии, раньше продававших в деревнях преимущественно лекарства и разные безделушки, отныне появилась возможность предлагать целый ряд новых товаров. Обыкновенно торговец появлялся в деревне в определенное время и поочередно посещал все дома и хозяйства, предлагая взглянуть на свой ассортимент. Если это были лекарства, то часть их он оставлял семье. Во время своего следующего посещения, иногда год спустя, он определял, какое количество лекарств было использовано, получал плату за них, создавая, таким образом, маленький семейный склад. Но с появлением новых предметов, таких как градусники, часы, шапки и т. д., бродячие торговцы решили модернизировать метод оплаты и получать деньги сразу, не отпуская товар в кредит, как это было с лекарствами. Некоторые из бродячих торговцев пред-

почли осесть где-нибудь в городе или в деревне и открыть небольшой магазин; другие хранили верность традиционной форме торговли или специализировались на продаже определенных товаров, например книг, материи или шляп. К концу эпохи Мэйдзи магазинов, где можно было купить все эти вещи, стало в деревнях очень много и профессия бродячего торговца постепенно потеряла актуальность.

К 1877 году в крупных городах некоторые отрасли торговли так расширились, что приобрели широкую известность и привлекали постоянных клиентов, не только из тех кварталов, где находились их магазины, но и из других концов города. В таких магазинах продавалось всего понемногу и зачастую дешевле, чем в маленьких лавках. Разнообразие товаров обеспечивало разнообразие клиентуры, которая становилась все более многочисленной. Часто купцы, преуспевшие в торговле тканью и хлопком, становились хозяевами этих магазинов. В «Магазине одежды Мицукоси» помимо традиционных кимоно и отрезов ткани продавались западная одежда, обувь, галстуки, шляпы и разнообразные безделушки. Некоторые из таких магазинов после 1904 года стали крупными торговыми центрами. Чтобы избежать торга, обычного для маленьких магазинчиков, и чтобы продвигать свои товары, они стали объявлять их цену. Это увеличивало число покупателей. Отдельные крупные магазины даже организовывали специальные лотереи, где можно было выиграть более или менее ценные призы: «Войдя в магазин Хакуботан, он надеялся получить один из тех золотых часов, которые рекламировались как подарок при покупке, но поскольку там не было никого, кто не сделал бы покупки, он решил приобрести *тэдама* (игрушка для девочек — набитая фасолью маленькая матерчатая сумка, которую подбрасывают в воздух и ловят), украшенную бубенчиками, и один из тех шариков, которые специальная машина надувает воздухом. Но в итоге он получил в качестве подарка вовсе не золотые часы, а «что-то вроде того», а именно пакет мыльного порошка с маркой «Клуб». После «Мицукоси» в столице появились еще два больших магазина — «Мацуя» и «Мацу-

дзакая», которые существуют и по сей день. Их филиалы открыты в других городах.

Табак обычно покупали на местном рынке или у бродячего торговца. Обычай курить трубку (*кисеру*) довольно древний, и соблюдался он как мужчинами, так и женщинами, так что набор для курения (*тобако-бон*) имелся почти в каждом доме и состоял из одной или нескольких трубок с маленьким металлическим мундштуком, щипцов для того, чтобы брать уголек, и ящичком для хранения табака. Табак рос на юге Японии в саду у большинства земледельцев, и крестьяне взяли в привычку набивать трубку в перерыве между работой, так что эти моменты отдыха получили название «час табака». Сигареты были мало известны в то время, хотя некоторые крестьяне предпочитали не набивать трубку листьями табака, а сворачивать их наподобие небольшой сигары. Первые сигареты европейского типа, когда в тонкую бумагу заворачивали мелко нарезанный табак, стали производиться в Японии с 1877 года. Они продавались упаковками по пять—десять штук в каждой, что было гораздо удобнее традиционных громоздких курительных приборов. Вскоре они стали очень популярны, и их начали продавать во всех магазинах по низкой цене. В 1876 году правительство воспользовалось этим увлечением, введя налог на табак, а в 1897 году монополизировало его производство. Чаще всего продавались сигареты «Star», «Cherry», «Lily», а позже, в угоду тем, кто презирал «иностранщину», — отечественные «Ямато», «Асахи», «Ямадзакура» и т. д. Эти сигареты делали из японского табака, но на американский манер. Вскоре всевозможные лавочки начали продавать помимо сигарет и заграничных сигар товары для курильщиков, среди которых были даже предметы роскоши. Но забавно то, что японцы вскоре потеряли всякий интерес к курению трубки, хотя из Европы привозили великолепные вересковые экземпляры. Редко можно было встретить курильщика на улице или в общественном месте. Это удовольствие приберегали для часов отдыха, и часто после работы муж и жена усаживались вместе у порога или на веранде, чтобы выкурить сигарету.

Развлечения

Японские дети, подобно всем детям в мире, играли с игрушками, которые лишь совсем немного отличались от привычных нам. Взрослые тоже любили развлекаться и отдыхать. Японцы всегда славились своей жизнерадостностью. Даже если не все у них шло гладко, каждую свободную минуту они использовали для того, чтобы отдаться одному из своих увлечений. Мы уже рассказывали о том, что в эпоху Мэйдзи спортом интересовалась только молодежь из школ и университетов, а у взрослых людей это увлечение считалось неприличным, если только они не были профессиональными спортсменами.

Традиционно японец предпочитает роль зрителя. Он не привязан к физическим ощущениям, и это отличает его от европейцев, которых считают «чувственными». Японец предпочитает эстетическое наслаждение зрелищу и выбирает игры, в которых значимая роль отводится головоломкам и размышлению. Но и от удовольствия провести время за хорошей едой и напитками он не откажется... хотя, по правде говоря, у японца в конце века было не так уж много поводов для радости. Трудностей в жизни было столько, что они преобладали и в повседневной жизни, и в учебе. В дни традиционных праздников японцы отдавались ритуалам, связанным с приготовлением пищи и приемом гостей. Но вот воскресенье, появившиеся с введением новой рабочей недели по западному образцу, казались им безнадежно пустыми. Японцы гуляли по улицам города, рассматривали витрины магазинов, шли в зоопарк со своими детьми или занимались работой в своем маленьком саду, если таковой у них имелся, потому что каждый японец становится садовником, если у него есть хотя бы несколько *цубо* земли. Мужчинам, работавшим в конторе, вечера казались иногда слишком долгими, и часто они не спешили после работы домой, особенно если были воспитаны на западный манер. Они шли с коллегами в кабачок выпить две-три порции сакэ или занимались любимым времяпрепровождением, например, карточной игрой вроде *ханагарута*, в которой было сорок

восемь маленьких карточек (по четыре на каждый месяц года), дублирующихся черными квадратиками. Время от времени, когда в кармане водились деньги, мужчины посещали театр Кабуки, где можно было насладиться игрой любимых актеров. Они знали наизусть те истории или легенды, по мотивам которых исполнялись спектакли, представлявшие собой исторические драмы или зарисовки современной жизни. Публике особенно нравились пышные костюмы и грим актеров. Выступать на сцене имели право только мужчины, они же исполняли женские роли, *оннагата*. Некоторые актеры Кабуки так прославились при жизни (как, например, Дандзюро VIII, покончивший с собой в 1853 году), что их биография ложилась в основу сценария.

«Появляется один из этих знаменитых актеров, — писал Г. Буске, — и толпа приходит в неистовство. Крики, звучание которых нельзя передать на письме никаким сочетанием букв, разливаются по толпе, будто круги по воде от брошенного камня. Иногда это напоминает мгновенный взрыв... Актеры, хотя и принадлежат к низшим слоям общества, становятся предметом всеобщего увлечения. Часто любители их творчества поддерживают их кредитами, открывают для них свой кошелек и не считают слишком дорогим удовольствием за определенную плату навестить их в гримерной комнате, где они переодеваются для выступления. Некоторых актеров после смерти оплакивал весь народ и устраивал по подписке великолепные похороны».

Актеров всегда окружали всецело преданные им женщины и почитатели-мужчины, которые, как правило, были рабочими и торговцами. Но помимо Кабуки существовали еще маленькие народные театры Сибаи, где женщинам позволялось исполнять собственные роли. Эти театры вошли в моду, и каждый спектакль собирал аншлаг. Раньше женщинам не разрешалось появляться на сцене, но когда несколько из них (в основном гейши) осмелились сделать это, их ожидал громкий успех, и число посетителей Сибаи увеличивалось с каждым днем. Одна из самых знаменитых актрис конца эпохи Мэйдзи, гейша Сада Якко, и актер Кавака-

ми создали современные пьесы, более короткие, чем те, к которым привыкли в театре Кабуки. Представленная в Париже по случаю Всемирной выставки 1900 года пьеса «Гейша и рыцарь» имела такой успех, что японцы сразу же признали Саду Якко как актрису, хотя это был первый случай, чтобы женщина играла на сцене вместе с мужчинами. Другая актриса, уже пожилая, Кумэхати, также бывшая *гейша*, исполняла роли мужчин, переворачивая, таким образом, обычай с ног на голову, и на этом поприще приобрела огромную известность. В Киото довольно долгое время существовал театр иного рода, прославившийся на всю Японию. «Все роли, даже роли мужчин, исполняли здесь загримированные женщины. Они почти не говорят на сцене, но их мимика и жесты очень выразительны, а мужчина, сидящий в ложе, читает их слова. Это всегда один и тот же человек, и он читает текст в течение всего представления».

В глазах торговцев, ремесленников и служащих еще бóльшую привлекательность по сравнению с театром играли *ёсэ*. Они представляли собой нечто вроде кабаре (но в них, в отличие от настоящих кабаре, не пили вино и никогда не устраивались концерты). Оратор произносил речи, затрагивая ту или иную тему, или рассказывал трагические или смешные истории. Слушатели, сидящие у печки со своим горшочком с чаем, внимательно слушали его. Чем значительнее была личность оратора, тем охотнее в *ёсэ* собирались люди. Помимо красноречивых рассказчиков были и те, кто «подгонял» свои истории под политический и социальный контекст времени. Хотя их речь была обильно пересыпана недомолвками, намеками, игрой слов и шутками, слушатели прекрасно понимали, о чем идет речь. «Когда стемнело, *ёсэ* был уже заполнен людьми, и те, кому не хватило места на подушке, садились на корточки... они обежали взглядом всех этих людей, расположившихся друг против друга в этом огромном зале. Головы тех, кто находился ближе к сцене, застилал табачный дым, и контуры теряли четкость...»

В Токио и в большинстве крупных городов *ёсэ* были весьма многочисленны, и всего за несколько *сэн* мож-

но было отдохнуть, слушая разные истории и потягивая горячий чай. Иные рассказчики, не имеющие помещения для работы, в теплое время года располагались на углах улиц, где и вели свои монологи, к огромной радости детей и их родителей, собиравшихся целыми толпами. Если рассказ нравился, то никто не колебался, чтобы опустить в шляпу оратора одну-две мелкие монетки.

Эти выступления презирались высшими классами и теми, кто гордился своей принадлежностью к «культуре». Образованные круги первыми отвергли традиционные виды театра, но в то же время с энтузиазмом приняли (особенно после 1880 года) его новые типы. Надо сказать, что спектакли театра *Но* нисколько при этом не презирались, напротив, считалось хорошим тоном знать наизусть либретто (*дзёрури*) и даже иногда обучаться искусству *Но* у знаменитого преподавателя. И если актеров Кабуки и Сибай считали людьми низкого звания (хотя в 1868 году их профессию официально признали равной другим), то актеры *Но* пользовались всеобщим уважением, и аристократы не считали ниже своего достоинства сыграть в постановках *Но* или *Кёгэн* (комические интермедии). Кроме того, в начале эпохи Мэйдзи приобрела необычайную популярность чайная церемония и, хотя простолюдины участвовали в ней только в особых случаях, аристократы с удовольствием проводили ее для себя и своих друзей. Богатые люди развлекались тем, что заказывали в ресторанах европейские блюда и пиво, вино или другие алкогольные напитки вместо традиционного сакэ. Поскольку гостей обычно не принимали у себя дома, то обеды в ресторанах являлись прекрасной возможностью появиться в обществе и встретиться с важными людьми. Иногда подобные вечеринки устраивали в чайных домиках. Почти всегда на таких дружеских встречах присутствовала гейша, которая развлекала гостей игрой на сямисэне, трехструнном музыкальном инструменте, напоминающем гитару и обтянутом кошачьей шкуркой, или на *кото* (род тринадцатиструнной цитры), или на тамбурине; она пела, декламировала стихотворения, загадывала загадки, танцевала или

просто поддерживала разговор и подавала напитки. Гости любили смотреть, как танцует искусная гейша, но сами никогда не присоединялись к ней, если только не выпивали перед этим, что охотно прощалось. Европейский салонный танец считался неизящным и даже мало приличным. Но тем не менее некоторые представители высших классов иногда снисходили до него, причем мужчины были одеты в сюртуки, а женщины в платья, сшитые по последней парижской моде. Само мероприятие устраивалось в салоне какого-либо посла или в «Рокумэйкане», модном токийском ночном ресторане. Но японцам самим надоедали все эти приемы на западный манер, на которых они присутствовали только из солидарности с европейским этикетом. Между тем несколько японских «леди» решили заняться танцами под руководством супруги немецкого резидента по имени Янсон. Мужчины также обучались салонным танцам, но отдельно от женщин.

Самым большим удовольствием для японцев оставалась прогулка — прогулка без всякой цели или затеянная, чтобы полюбоваться на цветущие вишни, сливы, ирисы или хризантемы в зависимости от времени года. Фелисьен Шалле писал: «Гулять для японцев означает наблюдать вереницу меняющихся картин; ощущать сопричастность с тем, мимо чего ты проходишь, с толпой, с домами, с храмами, с лесами, с животными, с цветами, с камнями; ощущать сладость мимолетного наслаждения мигом, который никогда больше не вернется; находить радость в созерцании всего, что находится вокруг тебя, отпускать это, желать и любить».

Японцам нравилось гулять в одиночестве или всей семьей, когда жена следовала чуть позади мужа, принимающего картинные позы, а дети послушно семенили рядом. Время от времени процессия останавливалась, чтобы поглядеть на витрину магазина, и некоторое время поторговалась без всякого намерения что-либо купить. Хозяин лавки прекрасно это понимал, но с удовольствием включался в игру. Летом детям покупали измельченный лед, ароматизированный фруктовым соком, или, в исключительных случаях, *айсукуруму* — европейское мороженое.

В местах, где чаще всего гуляли люди, в парках стояли маленькие беседки с широкими скамьями, покрытыми циновками, на которые можно было присесть и, прищелкивая от удовольствия языком, выпить чашечку обжигающе горячего чая, восстанавливающего силы. Если на пути попадались буддийский храм или синтоистское святилище, то в них полагалось зайти на несколько минут, чтобы позвонить в колокол или потрясти бубенчик, или вознести короткую молитву — считалось правильным и вежливым поприветствовать местное божество.

«Под высокими деревьями парка Асакусы зеваки Токио бродят почти с таким же видом, что и зеваки Парижа на ярмарке; на их лицах написано блаженное спокойствие добропорядочных людей, которых ничто не веселит и не развлекает, но именно развлечений они ищут в первую очередь. И они не упустят случая! Вот фокусники и акробаты, демонстрирующие свое искусство на открытом воздухе, а чуть подалее в шатре, что находится неподалеку, можно принять участие в битве на палках, посмотреть на фехтовальщиков или борцов (*сумотори*). Эти последние, настоящие колоссы, толстяки с намащенной кожей, кажутся иной расой по сравнению с остальными японцами — как правило, невысокими и худощавыми. Кроме того, к услугам посетителей зверинец, диорама и кукольный театр, музей естествознания и анатомии, где экспонаты сделаны из картона и публике объясняют назначение каждого из них; конференц-залы (*ёсэ*); и, наконец, помещения, где посетителям показывают манекены в натуральную величину, аналогичные нашим восковым фигурам, но сделанные из бамбука и из папье-маше и наряженные в роскошные шелковые одежды. Заплатив за вход, вы попали в лабиринт, где можно увидеть изображения разных сцен группами персонажей. Обычно это эпизоды, взятые из старинных легенд и мифологии. Каждая сцена устраивается в отдельном помещении, где меняющееся освещение позволяет дополнить производимое впечатление. Целая аллея заполнена тирами, в которых можно пострелять из лука, а хорошенькие девушки приглашают прохожих проверить

свою ловкость. Мастерские по изготовлению фотографий столь же многочисленны, как и чайные дома. Эти нарядные домики, обставленные по-европейски, где каждый может заказать свой портрет, руководствуясь только собственной фантазией, попадаются на каждом шагу».

Чаще всего представления на ярмарках устраивались бывшими самураями, которые, потеряв своих наставников и доходы после установления новых законов, изданных правительством, вынуждены были зарабатывать на жизнь, демонстрируя свои таланты в военном искусстве, которым они владели в совершенстве.

Искусство фотографии за короткий срок приобрело небывалую популярность в Японии. Многие даже уезжали в Европу, чтобы освоить эту науку, благодаря которой можно было с легкостью зарабатывать себе на жизнь, хотя цены на фотографии не были очень высокими. В 1900 году не осталось такой семьи, которая не желала бы иметь фотографии близких, да и многие студенты и военные хотели сделать свой портрет, так что профессия фотографа приносила хорошую прибыль. Для большинства рядовых японцев фотография оставалась европейской диковинкой и едва ли не «волшебством». Но во многих домах можно было уже увидеть одну или несколько фотографий, стоящих на *токонаме* рядом с букетом цветов.

Сумо еще не было признано как вид спорта, поскольку само понятие спортивного соревнования не успело прижиться на японской почве. Сначала сумо было ритуальной, священной борьбой, и только с течением времени оно превратилось в нечто вроде спектакля с четко установленными правилами, который, однако, мог проходить где угодно. Только к концу эпохи Мэйдзи эта борьба стала организовываться по «государственному плану».

Когда позволяла работа, люди уходили в отпуск (хотя это слово было незнакомо японцам, в то время не имевшим понятия об этом западном обычае), то есть отправлялись в деревню навестить семью или в паломничество к какой-либо святыне вместе с детьми и ста-

риками; жены, как правило, оставались дома. Путешествие по железной дороге также превратилось в одно из развлечений. Паломничества остаются популярны и по сей день. Ведь кто знает, может, божества, живущие в святилищах, посещаемых во время паломничеств, снизойдут до того, чтобы окинуть людей, пришедших к ним на поклон, своим милостивым взглядом и даруют им свое благословение?

ГОРОДА И СРЕДСТВА СВЯЗИ

Маленькие и большие города

Вплоть до начала современной эпохи города в Японии отличались от деревень только большим количеством домов и полей, окружавших замок феодала или храм, почитавшийся как место паломничества. Исключение составляли только самые крупные города, вроде Токио и Киото. Поля вокруг домов самураев и сеньоров и *ясики* (укрепленных домов), так же как и вокруг храмов и святилищ, имеющих какую-либо значимость, были обычным делом. Городские торговцы также имели небольшие поля. Считалось естественным, что каждый домовладелец выращивал на собственном участке земли овощи или злаки, чтобы прокормить себя и семью. Даже сегодня с удивлением можно заметить крохотные поля в кварталах на окраине больших городов возле многоэтажных домов, жители которых выращивают дайкон, рис и таро — традиция требует, чтобы японец был прежде всего производителем материальных благ.

Население непрерывно росло, требовались новые рабочие места, города и порты увеличивались, поглощая окрестные деревни с их домами, полями, дорогами, и в центре возникающего города появлялись новые улицы и дома. Именно из-за слияния соседних городов, по берегам внутреннего моря Японии возникли сегодняшние мегаполисы, почти непрерывно тянущи-

еся от Токио до Симоносеки и Фукуоки. Город тянется вдоль важных дорог, захватывает поселок, затем становится деревней, затем снова поселком и городом, так что собственно город отличается от деревни лишь более плотным скоплением домов.

В эпоху Мэйдзи произошел отток жителей из деревни в город и наоборот, так что как деревенское, так и городское население, ранее разделенное полями и обширными лесами, значительно увеличилось. В то время как молодые деревенские парни, не имеющие своей земли, отправлялись в город в надежде найти там работу и лучшую долю, горожане поселялись в пригородах и поселках; служащие, работники железной дороги и почты, учителя, врачи, торговцы, художники, рабочие, перевозчики, не раздумывая, меняли место жительства и тем самым уменьшали разницу между городом и деревней. Это было особенно заметно в тех районах, где пролегали важные пути вроде Токайдо, связывающего две столицы. В этих областях изменения в городской и деревенской жизни происходили быстрее всего, и путешественникам, торговцам и им подобным помимо жилья и питания предлагали еще различные удобства и развлечения.

Несомненно, что изменение обычаев и нравов, так же как и изменения, коснувшиеся традиционного японского образа жизни, протекали почти одинаково в городах и деревнях, хотя, разумеется, в городах они происходили несколько быстрее. Но это отставание было вскоре устранено, с одной стороны, благодаря приезжавшим в деревню из города студентам и возвращавшимся после службы солдатам, а с другой — за счет непрерывного притока служащих и работников разных сфер.

Эти изменения происходили на фоне меняющихся внешних условий жизни японцев и сопровождались переоценкой ценностей. Во времена сёгуна Токугавы крестьяне и горожане делились на *гонин гуми* и *дзюнин гуми*, то есть на группы от пяти до десяти человек, связанных коллективной ответственностью, и тот же принцип организации соблюдался в объединениях более высокого уровня. Эта система 1597 года, введенная

Хидэёси для поддержания общественного порядка, делила самураев на группы по пять, а крестьян — по десять человек, связанных обязательством уважительно относиться к закону. Каждый из группы нес ответственность за проступки других членов группы. Ее глава получал вознаграждение, если доносил властям о нарушении: в этом случае группа не подвергалась коллективному наказанию. Эта система привила японцам не только чувство ответственности и взаимосвязи друг с другом, но и «коллективный дух», что позволяло правительству использовать незначительные силы полиции, вводить налоги, не опасаясь мошенничества, и в особенности контролировать распространение христианства. Деление общества на маленькие группы, очевидно, должно было вывести систему доносов на государственный уровень (для японского менталитета в этом нет ничего позорного, напротив, такое рвение служить государству приветствуется) и установить контроль людей друг за другом. Система коллективной ответственности была распространена не во всей Японии, а только в провинциях, находящихся под прямым правлением сёгуна, а также в некоторых «внешних» вотчинах (*тодзама*). Это было одной из причин, по которым некоторые даймё *тодзама*, те, кто, помимо всего прочего, держал в руках четыре больших клана Сатёхохи и применял на своих землях описанную выше систему контроля, быстрее остальных перешли к европеизации и стали организовывать свои войска на западный манер. Это, кстати, были те самые кланы, которые дали императорской Японии подавляющее большинство политических деятелей, направивших страну по пути западного развития, поскольку чувство клановости было развито больше, чем сознание своей принадлежности к ограниченной группе. Система совместной ответственности, применяющаяся почти по всей стране, ставила своей задачей стабилизацию общества, и члены одной группы (*гуми*) должны были проживать рядом.

После 1872 года государство упразднило традиционную территориальную организацию, и новые административные единицы не принимали в расчет орга-

низовываемые самими жителями общества, которые хотя и действовали достаточно эффективно в деревнях, но легально больше не существовали. *Гонин гуми* и *дзюнин гуми* также исчезли довольно быстро, в то время как общества взаимопомощи, добровольно создаваемые крестьянами на время проведения совместных работ, продолжали существовать еще в течение некоторого времени.

С ростом населения и особенно с появлением большей личной свободы деревенская молодежь не могла противостоять притяжению городов и возможности путешествовать, сводя, таким образом, к нулю результаты деятельности *дзюнин гуми* и прочих групп, связанных круговой порукой. Появление в деревне новых товаров и продуктов привело к тому, что крестьяне перестали заниматься исключительно ремеслом и производством продуктов питания. Как в городе, так и в деревне перед жителями вставали самые разнообразные задачи, требующие скорейшего решения, и значительная часть крестьянских объединений претерпела изменения. Остался лишь своего рода «дух группы», составляющий крестьян, приезжавших в незнакомый город из одного региона, держаться вместе либо в пределах квартала, либо в пределах «рабочего коллектива». Родителям, остававшимся в деревне, время от времени отправлялись деньги или подарки, а как только представлялся подходящий случай, работавшие в городе крестьяне приезжали в родную деревню, чтобы погрузиться в знакомую атмосферу, которая, несмотря на все искушения новой жизни, сильно притягивала их.

Промышленники, открывавшие заводы вблизи крупных городов или в самих городах, часто были вынуждены нанимать рабочих в отдаленных деревнях, пользуясь для этого услугами специальных агентов. При этом они отдавали предпочтение выходцам из тех регионов, откуда сами были родом. Крестьяне, обедневшие в результате прироста населения и увеличения собственных потребностей, не слишком протестовали, если их дочери или сыновья, не успевшие обзавестись семьей, отправлялись на заработки в город. Часто те, кому удавалось более или менее сносно там устро-

иться, вызывали из деревни своих братьев и сестер. Но поскольку работодатель и рабочие не подписывали никакого соглашения, то последние были вынуждены заниматься крайне тяжелым трудом за смехотворную зарплату, едва покрывающую расходы на пищу и жалкое жилище.

Приток людей из деревни в город и обратно не прекращался, рабочие, осознав, что реальное положение дел не соответствует их надеждам, нередко возвращались обратно к себе домой, и промышленники снова набирали в деревне новых рабочих, заменяя тех, кто, разочаровавшись в городской жизни, уехал в деревню. Последние, впрочем, обнаруживали по возвращении, что и в деревне им уже нечем было заниматься, так как не было земли, чтобы ее обрабатывать. Как правило, они вновь возвращались на завод. Несмотря на ужасающие условия труда, некоторым удавалось худо-бедно приспособиться к новой жизни.

Не всем выпадало работать на заводе. Некоторым везло больше: они становились полицейскими, рикшами, носильщиками, уличными торговцами, чистильщиками обуви, слугами, иногда строителями. Что касается молодых девушек, то большинство пыталось устроиться служанками. Появились агентства по найму, которые нещадно эксплуатировали девушек до тех пор, пока в 1903 году не вышел указ, положивший конец этой работоторговле. Но в то же время, поскольку работодатели нанимали своих соплеменников из родной деревни или префектуры, то они старались не быть слишком жестокими по отношению к ним, чтобы не вызвать порицания со стороны общественности.

Одна из причин, приведшая к значительному обеднению крестьян в эпоху Мэйдзи, — ревизия земельных налогов. Согласно новому постановлению земли, принадлежащие крестьянской общине и занятые лесом — на них рубили деревья на дрова, срезали камыши, чтобы складывать из них крышу, или собирали листья для компоста, — должны были быть распределены между крестьянами, с которых взималась пошлина за пользование землей. Большинство крестьян отказались платить и передали землю государству или местным влас-

тям. Эти земли перепродавались богатым собственникам или предприятиям, и теперь уже они перепродавали камыш, сухие листья или хворост крестьянам, которым раньше все это доставалось задаром. Новые достижения техники позволяли использовать химические удобрения, и крестьянам приходилось обращаться к специализирующимся на их изготовлении фирмам, которые зависели уже не от деревни, а от промышленных центров. В конечном счете покупка этой продукции выливалась в сумму, большую, чем пошлина, которую нужно было платить за пользование общественной землей. Этот новый земельный закон, способствующий созданию многочисленных коммерческих предприятий, практически разорил крестьян, которым пришлось отказаться от независимого образа жизни. Потомки старинных семей самураев после отмены пенсий были вынуждены зарабатывать на хлеб и, считая унижительной работу на заводе или на хозяина, старались создать собственные предприятия. Некоторые в этом преуспели, в то время как другие потерпели крах из-за недостатка смекалки и опыта, необходимых для торговли. Те, кто сумел найти себя в традиционных отраслях промышленности, таких как разведение лошадей, выращивание чая, изготовление *татами* и тому подобное, сохранили свою независимость в неустойчивый период становления новой экономики. Но те, кто занялся, например, шелководством, оказались разорены из-за массового производства хлопковой ткани; те, кто открыл мастерские по окраске тканей, должны были отказаться от своей затеи после того, как в Японию из Германии стали привозить искусственные красители. Производство сахара из сахарного тростника пришло в упадок, когда начался импорт этого продукта из тропических стран и из Соединенных Штатов. Определенное число мелких местных правителей, пытавшихся стать промышленниками, потеряли все свое состояние из-за того, что не принимали во внимание международные экономические условия. Одни из них с головой окунались в политику, другие занимались банковскими операциями, не слишком благоразумно перенимая западные ценности и образ

жизни и часто растрачивая семейное состояние. Иногда им приходилось оставлять дом, где жили все их предки, и наниматься на работу младшими административными сотрудниками. Другие, потерпев неудачу в городе, возвращались в деревню к крестьянам, но их запросы уже значительно отличались от запросов последних. Катаяма Сэн писал: «Многочисленные самурайские семьи возвращаются в деревню, чтобы жить среди крестьян. Но их вкусы уже изменились. В то время как простые крестьяне трудились день и ночь, самураи не занимались никакой полезной деятельностью и предпочитали потреблять, а не производить. Они красиво одевались и любили развлечения, что производило впечатление на крестьян, нарушая их спокойную, размеренную жизнь. Но в то же время они не могли не признавать, что самураи оказывали благотворное влияние на деревенский быт, в частности в области образования. Самураи несли что-то вроде цивилизации в крестьянскую общину, что позволило многим из фермеров лучше понять грядущие реформы Реставрации...»

Торговцы, приходившие из городов и селившиеся в деревнях, открывали офисы ростовщиков. Положение крестьян, которых нещадно обирали и притесняли, ухудшалось день ото дня, и им ничего не оставалось делать, кроме как искать работу в городе или посылать своих детей к не слишком щепетильным работодателям. К этому времени удалось преодолеть тенденцию к опустению деревень благодаря приросту населения и тем многочисленным крестьянам, которые не рвались в город за синей птицей счастья, а ограничивались обработкой своих земель.

Значительный прирост населения сопровождался его концентрацией в городах и портах, в то время как количество населения в деревнях оставалось практически прежним. Подавляющее большинство японцев проживали в деревне и в небольших городах. Только после Русско-японской войны количество горожан стало постепенно превышать количество сельских жителей.

Изменения, происходящие во всех слоях общества, повлияли и на представителей разных профессий, в

том числе на бродячих ремесленников. Среди них были лакировщики, кровельщики, плотники, оружейники, каменщики, которые в большинстве случаев выполняли заказы крестьян, храмов или местных помещиков. Им приходилось постоянно переезжать, так как, если они ограничивались только поставками продукции в деревню, их заработка не хватало на пропитание. Но из-за непрерывного роста населения заказов у ремесленников становилось все больше, и те, кто не имел постоянных клиентов среди монастырей и замков, предпочитали оседать в определенных городских кварталах. Они становились торговцами, занимающимися продажей собственной продукции, и, бывало, достигали известного благополучия, в то время как те из ремесленников, которые все же предпочитали бродячую жизнь, обыкновенно разорялись. Большинству из них приходилось наниматься на работу к своим более успешным городским коллегам.

Следствием этого стал явный упадок мастерства, так как художественное воображение ремесленников уступило место банальному удовлетворению вкуса клиентов их хозяина. Создавались многочисленные мелкие предприятия, работники которых носили *хаори* (короткая куртка, также называемая *сирусибантэн*), на которой было написано имя хозяина предприятия. Хотя положение ремесленников не было таким тяжелым, как положение рабочих на заводах, но и они много потеряли в своем таланте и сноровке.

Если раньше подмастерья постоянно жили при наставнике и сами становились мастерами только после длительного периода обучения, то теперь ремесленники сами открывали мастерские, и период обучения сильно сократился. Сократились и шансы подмастерьев открыть собственное дело, и им все чаще приходилось идти в наемные рабочие. И в деревнях, и в городах «эпоха просвещения» как таковая коснулась населения только больших старинных городов вроде Токио, Киото или Осаки или же совсем новых, таких, как Йокогама. Те, кто безоговорочно принимал все нововведения, предлагаемые современностью, считались прогрессивными людьми, превосходящими тех, кто отказы-

вался от них, что усиливало и без того значительное разделение народа и мыслящей элиты.

Итак, модернизация, доходящая иногда до крайности в своих проявлениях в начале эпохи Мэйдзи, подвергалась жесткой критике, поскольку она приносила выгоды определенным слоям общества в ущерб другим. Токийская газета «Минкан-дзасси» (Народная газета) писала: «Национальная экономическая политика заботится о зарплатах иностранцев и чиновников, о строительстве каменных домов под офисы и школы, в которых будут учиться будущие государственные деятели. Похоже, что цель состоит в том, чтобы, собрав плоды сельского труда, вырастить цветы для Токио. В столице сверкают стальные мосты, по которым движутся упряжки с лошадьми, а деревянные мосты провинций так стары, что ими уже нельзя пользоваться. В Кёбаси (центральный район Токио) цветут вишни, а поля страны заросли сорняками. Из городских магазинов выплывают облака аромата, но лучше бы вместо курений там продавали печи для фермеров. Пора прекратить делать ставку на Токио и обратить внимание на сельскохозяйственные районы».

Одновременно с увлечением западным образом жизни и всем «европейским» повсеместно возникало, часто стихийно, антиевропейское движение, так что в некоторых провинциях создавались лиги, бойкотирующие иностранные товары. Все это только подливало масла в огонь того противостояния города и деревни, которое и так уже было явным.

Прежний «дух деревни» глубоко укоренился в сознании как горожан, так и крестьян, так что чиновники, да и не только они, старались осесть в тех городских кварталах или в тех деревнях, где на них не смотрели бы как на чужаков. Иначе им, к примеру, не позволили бы участвовать в местных праздниках религиозного или светского характера. Чувство клана было очень явным, даже если членов одного сообщества разделяло порядочное расстояние. В городах рабочие, происходящие из одного рода или из одной провинции, ночевали в общих спальных бараках, не допуская туда «чужих». А в деревне жители ждали возвращения своих

соседей, сумевших устроиться в городе, в расчете на то, что они помогут улучшить условия жизни. Эта привязанность к корням не исчезла и по сей день, и большинство горожан с нежностью относятся к родной деревне, в которой еще живут их родители.

Реорганизация административного деления городов и деревень, которая проходила в несколько этапов, существенно изменила структуру общества, прежде всего из-за скорости, с которой она была произведена, и сумятицы, которую она внесла в умы. Старая система была упразднена в 1868 году, и страну разделили на вотчины (*хан*), префектуры (*кэн*) и метрополии (*фу*). В 1871 году к этому делению добавились районы (*ку*), включавшие четыре-пять городов (*тё*) или же шесть-семь деревень (*сон*); затем вотчины заменили шестьдесят шесть префектур, количество которых впоследствии сократилось до сорока трех. В следующем году вместо административных органов в деревнях появилась новая администрация главы округа, назначаемого государством. Позже, в 1878 году, ввели новое административное деление на графства (*гун*), включающие районы (*ку*), города (*тё*) и деревни (*сон*), во главе которых стояло должностное лицо, назначаемое правительством. Эта новая система стремилась привести в соответствие старые и новые условия. Города и деревни сохранили свои прежние названия, но число местных руководителей сократилось за счет увеличения числа глав графств. Наиболее мелкие административные единицы были лишены финансовой независимости; новые налоговые законы предполагали, что большая часть собственности, принадлежавшей бывшим деревням и пригородам, станет собственностью префектуры. Кроме того, организация местных народных собраний, зависящих от разрешения префектуры, постоянно пересматривалась (в 1881, 1882 и 1883 годах) и, вместо того чтобы позволить народу принять участие в административных делах, имеющих к нему прямое отношение, стремилась отодвинуть их, поскольку они всегда были в той или иной степени связаны с набиравшим обороты движением за права людей. Итак, после установления того,

что отдаленно напоминало местную автономию, правительство начало выпускать ограничения, которые сделали из этих общественных собраний послушный инструмент для проведения национальной политики, и их деятельность ограничилась определением того, как лучше применять указы, исходящие от правительства. В 1888 и 1889 годах вошло в силу новое административное деление для крупных городов (*си*), мелких (*тё*) и для деревень (*сон*), в большинстве случаев преследующее цель установить принципы автономии в провинциях, а также разделить полномочия между центральными и местными властями, чтобы создать, следуя определению министра Аригаты, «элементы, которые составят основание конституционного правительства Нации».

Но эта местная автономия, установленная государством, могла существовать только в той степени, в какой она служила бы его интересам, так что новая система, оторванная от жизни местных организаций, традиций и обычаев, никак не улучшила условия жизни. Напротив, последствиями явились нестабильность в обществе и всеобщее недовольство, которое улеглось только к концу эпохи Мэйдзи.

В это время не прекращались общественные изменения, изменения в административной системе, обычаях, традициях, способах производства и работы, в расположении социальных слоев, в материальных благам и, поверх всего, в человеческих взаимоотношениях, в самом сердце общества, в японской семье, определяющей жизнь страны. «Помощью» Запада, которая «уравновешивала» нищету в деревне и ухудшение условий жизни в городе, предпочитали не пользоваться.

Городские улицы

Самым заметным результатом изменения больших японских городов (колыбель модернизации, пример для подражания для остальной страны, первый рынок для иностранных товаров или тех, которые изготовлялись в подражание иностранным) стали изменения в

транспортной системе. К концу эпохи сёгуната Токугава люди в основном ходили пешком или ездили верхом на лошади или в паланкине. Кроме того, передвижение было ограниченным. Только самураи имели право ездить верхом, а паланкином пользовались знатные аристократки, важные особы, старики или те, кто мог позволить себе столь дорогостоящее и почетное средство передвижения, потому что нести его должны были по меньшей мере два человека. Простой народ путешествовал пешком. Городские улицы оставались немощеными, а о тротуарах в то время не имели понятия.

«Это был дождливый ноябрь... Улицы еще не привели в порядок. Спуски были более крутыми, чем в наши дни, улицы более узкими, их линия более изломанной. В самой низине с южной стороны возвышались здания, загораживавшие солнце, а чуть подальше находился рынок. Почва была почти не осушена, так что улица утопала в грязи, особенно на отрезке между каменным мостом и улицей Янагито. Даже если вы были обуты в сапоги, идти приходилось очень осторожно. Прохожие старались держаться середины улицы, которая была чуть выше и, соответственно, чуть чище остатальной дороги: это было что-то вроде воображаемой линии, по которой следовало идти. Под словом “линия” я подразумеваю полосу шириной один-два фута, и прохожие медленно гуськом шли по ней».

Во время дождей улицы превращались в настоящие болота, а в летнюю жару становились пыльными дорогами, так что неудивительно, что большинство простых японцев предпочитали ходить босиком. Улицы почти полностью были во власти беспорядочного движения пешеходов. Правила гигиены не соблюдались, мусор и помои оказывались прямо на земле за порогом дома, что нимало не заботило прохожих. Кроме того, существовал обычай, согласно которому люди справляли свои естественные нужды прямо там, где они в тот момент находились, и никто по этому поводу не возмущался. Но власти, обеспокоенные тем, как эту особенность японцев воспримут иностранцы, запретили появление на людях в набедренной повязке и босиком (впрочем, этот запрет не возымел никакого действия),

а также и описанное выше отправление естественных надобностей, названное «постыдным».

В деревне эти указы были, разумеется, проигнорированы, и часто целая семья мылась перед своим домом на виду у всех и не испытывала при этом никакого стеснения. Да это никого и не смущало. Более того, в огромных общественных банях, выстроенных в каждом квартале города, одновременно мылись и мужчины и женщины, и это считалось совершенно естественным. В Японии человеческое тело никогда не было чем-то «стыдным», тем, чего стоило стесняться, и если можно было увидеть обнаженного человека на улице, то специально смотреть на него никто бы не стал. И только под влиянием западной морали власти в самом начале эпохи Мэйдзи запретили совместные бани. Японцы никак не могли понять это стыдливое отношение иностранцев к собственному телу, так как не были знакомы ни с иудейско-христианским понятием его нечистоты, ни с викторианскими нормами морали. Но народ подчинился указу императора, который решил не подвергать испытанию щепетильность европейцев, отзывавшихся об этом обычае как о «варварском».

Большинство городских улиц, за исключением улиц Киото, были довольно узкими, а более широкие обсаживали деревьями. Торговля в центре велась очень бойко, продавцы ожесточенно пихали друг друга и прохаживали, нимало не заботясь о вежливости, и часто докучали женщинам, идущим без сопровождения. Пресловутая японская «вежливость», которую так ценили за границей, на самом деле никогда не являлась отличительной чертой этого народа. Напротив, нравы его нередко оказывались довольно грубыми, и даже демонстративно грубыми по отношению к незнакомым людям. Та приветливая учтивость, которая стала визитной карточкой «Японии для туристов», — всего лишь калька правил вежливости, существовавших раньше только среди высших классов, в аристократических кругах. И часто эта вежливость была продиктована не столько искренним сердечным порывом, сколько обстоятельствами. Она совершенно отлична от истинной доброжелательности японского народа, действительно иду-

щей из глубины души. Так что городская улица в то время представляла собой зрелище хаотично движущейся толпы, вовсе не блистающей утонченностью манер. Очень часто квартал оккупировали группы нищих ходивших от двери к двери и настойчиво просивших подаяния. В эпоху Мэйдзи эти нищие, нередко оказывавшиеся бывшими крестьянами или самураями низшего ранга, хлынули в города, где было легче прожить и найти пропитание, и часто в парках вымогали деньги у гуляющих там людей. Некоторые, называемые *хоито*, составляли платить за пожелания удачи, которыми щедро делились с прохожими, подражая таким образом очень бедным буддийским монашеским орденам *Коясандзин*, которые, бывало, превращали в монету предметы культа и в то же время распространяли свое вероучение. Нелегко было отделаться от этих нищих, которые устраивались на земле таким образом, что перегораживали улицу и редко оставались без мелких монеток в своих чашах для сбора подаяния. В начале эпохи Мэйдзи правительство, заботящееся об образе Японии, который оно стремилось создать, попыталось наладить уличное движение и обустроить сами улицы. Сначала главные из них посыпали гравием, а позже вымостили или даже зацементировали. Но к концу эпохи немногие из улиц имели хорошее дорожное покрытие, тем более необходимое, что новые виды транспорта можно было нормально использовать только тогда, когда земля оставалась твердой и гладкой даже в период дождей. Кроме того, маленькие мосты, перекинутые через многочисленные ручьи, испещряющие улицы таких городов, как Токио и Киото, и построенные для пешеходов, часто имели форму арки (*дайкобаси*) и не годились для колесного транспорта. Необходимо было перестроить эти мосты, сделать их ровными, используя для этого западные технологии. Первые стальные мосты были возведены в Нагасаки и Йокогаме в 1869 году. В Токио мост Симбаси был перестроен в 1871 году. Но все же через широкие реки, такие как Сумида в Токио, можно было переправиться только с помощью парома.

Общий вид городов постепенно приближался к европейскому, и на смену традиционным деревянным

домам пришли кирпичные и каменные. В Токио особенно заметные изменения коснулись главной улицы, соединявшей Нихомбаси и Симбаси, которая позже стала знаменитой Гиндзой. По обеим ее сторонам выстроились здания в колониальном стиле. Аллеи из ив отделяли тротуар от центральной проезжей части. В 1877 году Токутоми Кэндзио писал: «Поднимая ногами пыль, я перешел мост Симбаси и направился к улице Гиндза. Она была не так великолепна, как я себе ее представлял, но вполне соответствовала репутации “самой благородной улицы самого благородного города” со своими магазинами и огромными толпами народа, наводнявшими ее с самого утра. Мне то и дело приходилось лавировать, чтобы не столкнуться с городскими жителями, так как я был полностью поглощен каждой картиной, возникающей передо мной».

Смешение японского и европейского стилей было характерно для большинства зданий той эпохи, и их отличительной чертой был типично японский светильник. Правительство приглашало европейских архитекторов для проектирования первых общественных зданий, в которых сплавлялись самые разные стили — от Возрождения до викторианской эпохи, а греческий фронтон часто соседствовал с кирпичным фасадом. Одним из первых и наиболее выразительных зданий, типичных для начала Мэйдзи, стал отель *Цукидзи* в Токио, детище знаменитого плотника Симизу Кискэ II, построившего его посреди традиционного японского сада. Деревянные стены этого отеля, имеющего семьдесят два метра в длину и шестьдесят в ширину, были покрыты штукатуркой под мрамор. Деревянная башня в японском стиле венчала это здание, где обстановка в номерах соединяла европейские и японские черты, имелись веранды, большой зал для приемов, столовая и бильярдная. Этого же стиля придерживались при строительстве Первого национального банка и Банка Мицуи в 1872 году. Не считая нескольких строений, таких как вокзал Симбаси (1872), фасады большинства новых домов не выходили на улицу, напротив, их окна были обращены в сад. Эти сады сажали везде, даже между домами и маленькими хижинами в

традиционном стиле, что придавало улицам странный вид. Только центр Йокогамы, нового города, мог считаться действительно европейским, по крайней мере таким делали его широкие улицы с тротуарами и дома, построенные на одной линии. Японцы же не переставали удивляться греческим фронтонам, куполам, изогнутым линиям оконных проемов, зубчатым стенам, мавританским аркатурам — тем необычным и странным элементам архитектуры, о которых нельзя было и подумать несколько десятилетий назад, когда город состоял только из деревянных зданий.

Масляные светильники к тому времени уже были широко известны. Кое-кто использовал для них растительное масло, но большинство предпочитало заливать *кудзэ́дзу* — нефть, которой было в избытке в провинции Этиго. Способы очистки были еще очень примитивными, и это масло распространяло такой тошнотворный запах, что нечего было и думать использовать его внутри дома. Поэтому, как только появилась возможность, из Соединенных Штатов стали привозить очищенную нефть без запаха. Но когда в 1871 и 1873 годах японскую нефть стали очищать по западной технологии, предприятия, занимающиеся этим, столкнулись с жесткой конкуренцией, поскольку очищенная нефть поставлялась и из других стран, и были вынуждены отказаться от своей деятельности. Предпринимались различные попытки выделить «масло», которое горело бы без запаха, но все они оказались неэффективными. Только фабрики, занимавшиеся очисткой американской нефти, сумели наладить производство керосина, необходимого для новых ламп. В 1884 году нефть продавалась везде вдоль важных дорог: «Фактом, достойным внимания, является скорость, с которой использование нефти стало необходимым даже в самых крошечных деревушках. Америка нашла в Японии рынок сбыта значительных размеров».

Эти масляные светильники, копировавшие европейские, впервые стали использоваться для освещения общественных заведений в 1874 году, когда торговцы придумали освещать ими свои лавки во время праздника Гион в префектуре Яманаси. Большинство

таких светильников стоили очень дорого, поскольку привозились из-за границы, да и масло было не так легко найти. Только появление железных дорог дало возможность увеличить объем перевозок нефти, что способствовало распространению масляных светильников. Кроме того, с 1876 года многочисленные компании наладили их выпуск, цена на лампы снизилась, и вскоре они появились практически в каждой семье. Жизнь стала немного проще, день — за счет искусственного освещения — длиннее, и привычки и времяпрепровождение людей начали меняться: молодежь могла дольше сидеть с книгами по вечерам, женщины не обрывали свое шитье после захода солнца, мужчины продолжали читать газеты, магазины закрывались позже, а заводы работали и по ночам. Все преимущества этих новых ламп оценили прежде всего горожане, так как крестьяне были склонны к экономии и еще долго ложились и вставали с солнцем. Широко использовать керосиновые лампы стали только после Первой мировой войны.

Многочисленные улицы Токио и Йокогамы освещались этими лампами, но из-за того что стеклянные колбы были очень хрупкими и легкобьющимися, что могло привести к пожару, правительство распорядилось заменить их металлическими.

Примерно в то же самое время, когда керосиновые лампы «завоевывали» страну, все более популярным становилось освещение газовыми рожками. Французские инженеры в 1872 году в Йокогаме построили завод по производству сжиженного газа, и в этом городе появился первый газопровод, по которому газ подавался в дома иностранцев и в иностранные конторы. В 1875 году провели газопровод длиной двадцать пять километров. В 1874 году Гиндза в Токио также стала освещаться газовыми рожками. Газовое освещение было не столько эффективным, сколько экономичным, а вскоре появились первые газовые плиты, которые, как гласила реклама, «заменили прислугу». К концу эпохи Мэйдзи в трамваях можно было даже увидеть плакаты с неким подобием стихотворения:

Тот, кто заботится об экономии,
Тот, кто соблюдает гигиену,
Тот, кто боится пожара,
Должен готовить на газовой плите.

Японцам пришлось по вкусу это нововведение, и в 1910 году в стране насчитывалось уже три тысячи двести девятнадцать газовых рожков, использующихся для освещения улиц, и в семидесяти четырех тысячах ста девятнадцати домах были установлены газовые плиты. За Токио последовал Кобэ, затем — Осака, в которой впервые в 1905 году появилось объединение по производству газа. Прошло совсем немного времени, и все крупные города Японии осветились газовыми рожками, а в 1891 году простые газовые рожки заменили рожками в колпачке, которые были значительно лучше. Но все же к концу эпохи Мэйдзи лишь общественные заведения и дома самых обеспеченных людей освещались такими рожками, в то время как простые горожане по-прежнему пользовались керосиновыми лампами.

Электрическое освещение появилось в Японии только в 1877 году, да и то в качестве эксперимента. В 1882 году электрическую дугу мощностью в две тысячи свеч использовали как рекламу Токийской электроэнергетической компании. Эта огромная дуга, которую производил генератор мощностью пять лошадиных сил, находилась на вершине восемнадцатиметровой колонны и являлась плодом усилий профессора Фудзиоки Итискэ, проводившего исследования в области электричества в Университете промышленности в Токио. Позже ученый проводил опыты по замене электрической дуги лампами накаливания и в 1885 году осветил ими огромный зал для приемов в Банке Токио (который и финансировал его исследования). В следующем году были установлены более мощные генераторы и протянуты провода, так что вскоре не только улицы, но и некоторые правительственные здания освещались электричеством. В 1888 году в нескольких кварталах Токио построили электростанции, и в этом же году свет залил императорский дворец, что послужило сигналом для всех японцев, и потребность в эле-

ктрическом освещении стала увеличиваться день ото дня. Несмотря на это, дело продвигалось медленно, и в 1912 году в Токио насчитывалось всего шестьсот сорок три уличных фонаря, в то время как число газовых рожков достигало четырех тысяч шестисот штук, а керосиновых ламп — девяноста двух тысяч. Но между тем количество электрических лампочек в домах составляло около миллиона, а газовых ламп — всего шестьдесят восемь тысяч.

В деревнях, разумеется, керосиновые лампы оставались основным источником освещения, а электричество было распространено только в крупных городах и в тех пригородах и деревнях, которые находились на пути основных линий, связывающих крупные центры.

Транспорт и средства связи

Традиционным транспортным средством в Японии был паланкин, представлявший собой нечто вроде гамака (*каго*), повешенного между шестью, которые несли на плечах двое или четверо человек. Сидеть в нем было не слишком удобно, однако в эпоху Мэйдзи он был довольно распространен, особенно в горных районах страны, где невозможно было использовать транспорт на колесах.

Появление в Японии повозок рикш, которые еще называли *дзинрикса* или *курума*, ускорило процесс выравнивания дорог и строительство мостов в городах, оттеснив при этом *каго* в отдаленные горные районы. Это новое изобретение было привезено европейцами в Йокогаму и с 1870 года получило широкое распространение во многом благодаря некоему Идзуми Ёскэ, писавшему: «Маленькое сиденье на колесах сконструировано таким образом, что человек может его тянуть. Оно не тряское, в отличие от обычных повозок, и его легко развернуть. Оно не мешает уличному движению, и, поскольку для того, чтобы везти его, достаточно одного человека, то стоит оно очень дешево». Впрочем, Пьер Лоти в «Закате японского искусства»

предупреждал, что *дзинрикша* может быть опасным видом транспорта: «Она подпрыгивает, наехав на камень, сильно наклоняется на опасных поворотах, и люди или груз могут выпасть из нее... Она трясется, попадая в колею; *рикша* бесцеремонно расталкивает народ, втаскивает *куруму* на ветхие мосты и даже поднимается и спускается по лестницам со своим пассажиром...»

Хотя мы не знаем, кому обязаны изобретением этого транспортного средства, но оно приобрело такую популярность, что вскоре его стали использовать во всех городах Японии и даже продавать в Китай. Появление легкой и маневренной коляски *рикши* стало одной из причин улучшения дорог. Конечно, сначала *курумой*, которая состояла из сиденья и деревянных колес, пользовались только представители аристократии. Каждая состоятельная семья стремилась иметь по меньшей мере одну *дзинрикшу* и старалась нанять *курумая*, который тянул ее. Дети из благородных семей часто ездили в школу в этой коляске. Но вскоре несколько предприимчивых дельцов поняли, какую выгоду можно извлечь из популярности *дзинрикши*, закупили их в большом количестве, а затем давали напрокат *курумая* или нанимали их и платили помещичью зарплату. Создавались целые компании, количество *дзинрикши* быстро увеличилось, и в Японии того времени они стали играть роль такси. Острая конкуренция между этими компаниями и *курумая* привела к тому, что цены на *куруму* сильно упали, так что каждый мог теперь с комфортом прокатиться в коляске *рикши*. Если вначале стоимость поездки на расстояние в один ри (около четырех километров) стоила порядка десяти таэлей, то чуть позже цена снизилась до шести-семи сэн. О цене следовало договориться с *рикшей* заранее, а расплачиваясь, оставить ему чаевые. Эти *дзинрикши* стали забавой для молодых людей, и в начале их появления можно было увидеть, как юноши из богатых семей развлекаются, катая по городу своих друзей, чтобы похвастаться перед ними своей силой. Кроме того, организовывались состязания на скорость, что также служило популяризации *курума*. Но необходимо отметить, что *рикшами* становились вовсе не молодые

люди, ищущие развлечений, а те, для кого профессия *курумая* была единственным способом заработать на жизнь, — в основном это были прежние самураи. По мере того как *дзинрикша* становилась самым распространенным транспортным средством, а конкуренция между *курумая* нарастала, последние стали объединяться в союзы, чтобы защищать (иногда силой) свои права и устанавливать свои цены. Чтобы избежать злоупотреблений, властям пришлось поставить в каждом квартале полицейского, следившего за порядком. Между *рикшами* конкурирующих союзов нередко случались жестокие драки за лучшие места для стоянок, таких как вокзалы и наиболее оживленные части города. В Осаке среди пятиста восьмидесяти *рикш*, толпившихся на вокзале Умэда, триста пятьдесят относились к тому или иному объединению. Те, кто не являлся членами союза, были самыми бедными. Им приходилось брать коляску напрокат, в то время как прочие *рикши* владели собственными *курума*.

Некоторые *дзинрикши* были двухместными, но их сочли «оскорбляющими мораль», потому что иногда мужчины и женщины ездили в них вместе, и, кроме того, их было гораздо тяжелее тянуть, так что они быстро исчезли. К 1900 году в Токио насчитывалось более пятидесяти тысяч *дзинрикш*. Согласно постановлению властей *рикши* должны были носить головной убор, брюки и нечто вроде куртки, голубой или белой (в летнее время). Их число непрерывно возрастало до тех пор, пока не появились первые трамваи. Тогда *дзинрикши* переместились на менее оживленные улицы. Богатые люди, которые имели собственную *курума* и нанимали человека, тянущего ее, находили такой способ передвижения более удобным, чем общественный транспорт — трамваи и omnibusy. Так *дзинрикша*, вначале бывшая принадлежностью одного класса, с течением времени превратилась в доступное всем транспортное средство, а затем — в аристократическое средство передвижения. Сегодня она существует только как слабый след минувшей эпохи в кварталах гейш и *сумотори*. В Токио *курума* осталось около сотни.

Использование *дзинрики* значительно повлияло на изменение облика городов. Чтобы избежать давки и несчастных случаев, правительство пыталось регулировать уличное движение и ввести левостороннее движение, расширив улицы, разграничив полосы рядами деревьев или земляными площадками и отведя место для тротуаров. Но многие деревья, растущие по сторонам улицы, пришлось срубить, чтобы можно было протянуть электрические и телеграфные провода. В то время тротуары прокладывались только вдоль главных улиц, хотя такое положение дел наблюдается и сегодня.

К 1890 году *дзинрики* усовершенствовали в техническом плане, снабдив ее откидным верхом, чтобы защитить пассажиров от непогоды, и металлическими колесами. Резиновые покрышки появились только в 1909 году, хотя еще раньше, в 1903 году, некоторые состоятельные японцы уже использовали их. Но даже к концу эпохи Мэйдзи колеса на многочисленных *курума* были всего лишь деревянными.

Первые omnibusы, возившие людей по маршруту Токио—Йокогама, немедленно стали пользоваться большой популярностью, поскольку цены на проезд (семьдесят пять сэн) были значительно ниже, чем на *дзинрики*. Omnibus тянула пара лошадей, и в нем могли поместиться семь-восемь пассажиров и их багаж. Одно время делались попытки добавить второй этаж, но это было опасно, так как состояние дорог и улиц оставляло желать лучшего, поэтому пришлось вернуться к одноэтажным omnibusам. Кроме того, после открытия в 1872 году железнодорожной линии, связывающей Токио с Йокогамой, ставшие ненужными omnibusы выкупили предприимчивые дельцы, которые пытались организовать в Токио и его окрестностях, где находились крупные заводы, такие, как Томиока, что-то вроде регулярных рейсов. С 1872 года на omnibusах можно было добраться от Симбаси, токийского вокзала, до квартала Асакуса. С 1882 года им на смену пришли omnibusы, которые лошади тянули по рельсам. Этот вид транспорта особенно широко использовался на отрезке Симбаси—Нихомбаси (Гиндза). В 1874 году некий Юра Киёмаро организовал

регулярный маршрут между двумя самыми важными точками столицы, по которому ходили шесть двухэтажных омнибусов, в каждом из которых помещалось тридцать пассажиров. Цена за проезд составляла всего лишь десять сэн, а остановки делались по желанию пассажиров. Но после нескольких несчастных случаев, в результате которых погибло множество людей, было решено вернуться к более легким омнибусам. В начале XX века в Токио их насчитывалось сто восемьдесят. Эти *энтаро* находились в таком плохом состоянии, что в 1888 году правительство выпустило указ, обязывающий водителей вежливо вести себя с пассажирами, внимательно следить за омнибусом и лошадьми. Кроме того, водителем омнибуса мог стать только человек старше двадцати восьми лет. Проезжающие *энтаро* оставляли за собой облака пыли, а четырьмя—шестью лошадьми, тянущими их, было чрезвычайно сложно управлять на оживленных улицах. Постепенно начиная с 1882 года в Японии стали распространяться омнибусы на рельсах, из-за которых пробки на улицах и несчастные случаи происходили не так часто, как из-за обыкновенных *энтаро*. К концу того же года в Токио насчитывались тридцать один омнибус и двести двадцать шесть лошадей, а протяженность рельс составляла около тридцати двух километров. В 1882 году количество пассажиров достигало миллиона. В 1902 году в том же Токио число новых омнибусов (на рельсах) увеличилось до трехсот пяти, а простых *энтаро* было всего восемьдесят. Тем временем к 1900 году, когда стало распространяться электричество, вместо омнибусов на улицах Японии начали появляться трамваи. Правда, сначала их считали скорее транспортом для перевозки грузов, а не людей, поскольку японцы не были к ним привычны и им не нравились обязательные остановки в установленных местах, а не там, где им было удобно. Большинство омнибусов превратились в дилижансы, пополнив число тех, которые уже использовались в провинции. Их общее количество не уменьшилось даже после проведения железнодорожных и трамвайных путей, и в 1912 году их насчитывалось восемь тысяч семьсот тридцать

три. Исчезать эти дилижансы начали гораздо позже, когда сеть железных дорог была полностью закончена.

Помимо транспорта для путешественников, для которого требовалась тягловая сила, в городках существовало огромное количество всевозможных повозок, служивших для доставки товаров, преимущественно для нужд армии, телег, перевозящих консервы, воду, напитки, дрова, уголь и хлеб. В 1912 году в Японии еще насчитывалось более семидесяти тысяч повозок, в которых впрягали лошадей, и порядка тридцати пяти тысяч повозок, в которых впрягали быков. В то время в Токио на шесть тысяч экипажей с лошадьми приходилось всего пятнадцать повозок, которых тянули быки. Можно представить себе, каким затрудненным было уличное движение, сколько в городах скапливалось *дзинрикши*, омнибусов, трамваев, колясок и повозок. К этому следует прибавить неприглядный вид тротуаров, отделенных от дороги канавами и часто заполненных товарами, которые торговцы выставляли перед своими магазинами. Горожане часто пребывали в уверенности, что им принадлежит примыкающая к их дому часть улицы, и изредка даже подметали ее. Торговцам было удобно раскладывать свои товары прямо на дороге, и правительству стоило немалых усилий убедить людей в том, что улица — не их собственность, но принадлежит всем, и что их поведение только мешает прохожим и затрудняет движение. В деревне даже существовал обычай, согласно которому прохожему приходилось платить небольшую сумму за то, чтобы пройти по «чужой территории», и, хотя правительство упразднило дорожную пошлину, традиция глубоко пустила корни в японскую почву. В городах часто случалось так, что прохожие, забредшие в маленькие улочки отдаленных кварталов, подвергались оскорблениям и агрессии со стороны жителей: дети бросали камни, человека могли облить водой или помоями только за то, что он, «чужак», посмел появиться на «их» улице. Жители небольших городков очень грубо вели себя по отношению к женщинам, которые шли без спутника по незнакомой улице. У Сибусавы Кандзо мы читаем: «Стоит пройти молодой женщине, как студенты, *рикши*, мальчишки и

рабочие выкрикивают ей вслед грубые слова и делают непристойные жесты. За те два часа, что я гулял по улицам города, я трижды видел, как мужчины, *рикши*, буквально нападали на женщин. Один раз студент с силой толкнул женщину с дороги, а ко второй грубо приставал мужчина. Также я видел, как группа студентов загородила путь пяти или шести девушкам, не давая им пройти».

В обычаях Японии того времени было выплескивать помои на улицу, а это создавало серьезные проблемы, потому что могло привести к эпидемиям и загрязняло дороги, которые были едва вымощены. Кроме того, количество транспортных средств на колесах, разбивающих дороги, непрерывно возрастало, поэтому в 1871 году правительство решило ввести пошлину на все транспортные средства, чтобы покрывать расходы на мощение дорог.

В 1876 году правительство объявило, что все улицы, маленькие и большие, являются общей собственностью, но это постановление никак не отразилось на привычке жителей этих улиц всякий раз издеваться над прохожими и бросать в них мусор. Она исчезла лишь спустя долгое время, когда улицы расширили, а движение стало более плотным. В 1879 году торговцам Осаки было запрещено выставлять свои товары, ящики и тюки перед дверью, а остальным жителям — огораживать дома, захватывая часть дороги. Но, несмотря на все усилия полиции, эти предписания соблюдались только на самых широких улицах, где движение было таким интенсивным, что «покушаться» на территорию было бессмысленно. Улицы менялись в ширине от восьми до тридцати двух метров, подобно той, что соединяла Нихомбаси с Синагавой, или от десяти до двадцати двух метров, как улица, связывающая Нихомбаси с Синдзюку. На пересечении многих улиц возникали чудовищные пробки. Делались многочисленные попытки регулировать ширину улиц, предусматривая место для тротуаров, деревьев, электрических столбов, или водостоков. «Конца работам по ремонту дорог не предвиделось. Только в Токио для этого были задействованы десятки тысяч рабочих».

Города превратились в постоянные стройки: ремонт и мощение дорог, установка электрических столбов, проведение газопровода, канализации, укладка рельс. Это прекратилось только с концом эпохи Мэйдзи.

Велосипеды, появившиеся в стране в 1890 году, вызвали всеобщее удивление: такого японцы еще не видели. Некоторые предприятия начали выпуск отечественных моделей. Сначала к этим *дзитэнся* относились как к забавным приспособлениям, но постепенно они завоевывали большую популярность, особенно среди курьеров и почтальонов, работавших в центре Токио. Первые велосипеды, собранные в Японии (преимущественно трехколесные), были довольно неудобными. Деревянные колеса позволяли ездить лишь по ровной дороге. Велосипеды с нормальными, резиновыми колесами появились после Русско-японской войны и распространились среди населения к концу эпохи Мэйдзи, да и то храбрецов, отважившихся проехаться на *дзитэнся*, сопровождали взрывы смеха соотечественников, находивших это зрелище чрезвычайно забавным. Поэтому широкую распространенность велосипед приобрел только к 1925 году.

Что касается автомобилей, работающих на бензине, то их привозили из Соединенных Штатов. В 1909 году в Японии насчитывалось всего шестьдесят четыре автомобиля, из которых двадцать три были официальным транспортом.

Трамваи, работающие от электричества, вначале появились в Киото (в 1895 году), длинные, широкие и прямые улицы которого имели шашечное «китайское» расположение. Еще одну трамвайную линию провели в 1898 году в Нагое, а в Токио и Осаке их установили в 1903 году. В Токио компания по производству рельсовых omnibusов электрифицировала все тот же маршрут Нихомбаси—Синагава. Вскоре еще одна компания, Tokyo City Railway, открыла линию, связывающую Скиябаси и Канду. Это послужило своего рода катализатором процесса, и через короткое время трамваи, работающие от электричества, пришли на смену omnibusам. «Вот чем удивит вас Токио на этот раз! Вот это перемены! Если бы только новые трамвайные пути! Их

теперь столько, что вы глазам не поверите! И, конечно, где трамваи — там совершенно новая улица. С монотонной, размеренной жизнью Токио покончено. За двадцать четыре часа — ни минуты спокойствия!»

В 1906 году компании решили объединить усилия, и все трамвайные пути были выкуплены муниципалитетом Токио в 1911 году. Количество вагонов было равно тысяче пятидесяти четырем, а общая протяженность линий составляла более сотни километров. Цена за проезд была очень низкой, и постепенно, когда исчезла первая реакция отторжения, все японцы стали пользоваться трамваями, кто-то, чтобы ездить на работу, кто-то, чтобы просто развлечься. В 1912 году число пассажиров в столице ежедневно переваливало за шесть тысяч.

«В этот день, как обычно, Сёсукэ, размышляя о том, что ни этот вариант, ни другой ни к чему особо не приведут, сел в трамвай. Из-за того, что было воскресенье, пассажиров было меньше обычного, хотя погода стояла хорошая. У тех, кто сидел в трамвае, лица были спокойными и расслабленными. Сёсукэ прикинул, каково это каждое утро в определенное время ехать в квартал Маруноути, после того как отвоюешь у других место в трамвае. Ничего не было неприятнее, чем наблюдать за суетящимися людьми, едущими на работу в то же время, что и ты. То ли тебе придется стоять, держась за ремешок, то ли ты сумеешь занять место на сиденье, обитом велюром. Над головой все стены под потолком были обклеены рекламными плакатами».

Широкие дороги, связывающие города, существовали в Японии еще до эпохи Мэйдзи, и большинство их поддерживалось в должном состоянии благодаря заботам даймё. По обочинам их росли высокие деревья. Самой главной из них, прославленной благодаря эстампам Хиросигэ, была, бесспорно, дорога Токайдо, которая тянулась от Эдо до Киото. Но помимо этих крупных артерий существовало множество мелких дорог, преимущественно грунтовых, по которым зачастую было трудно и опасно передвигаться, особенно в горных районах страны, где спуски и мосты встречались редко, а реки приходилось переходить вброд. Но

это было не так уж важно в век, когда люди передвигались преимущественно пешком, верхом или в паланкине, когда пуститься в путешествие могли только немногие, когда крестьянин или горожане практически всю жизнь были привязаны к тому пятачку земли, на котором они появились на свет. После того как исчезли старые законы, ограничивающие передвижение, и появились новые виды транспорта, по дорогам потекли толпы людей. Появилась настоятельная необходимость в улучшении дорог и приведении их в нормальное состояние. В 1872 году правительство выпустило в связи с этим ряд указов, в которых, помимо всего прочего, говорилось о том, что дороги необходимо поправлять минимум раз в три месяца, убирать камни и упавшие деревья после грозы и рыть канавы для стока воды. Вопрос заключался в том, кто должен был за все это отвечать. В эпоху сёгуната Токугавы самую тяжелую работу *даймё* поручали крестьянам, каждый из которых отвечал за определенный отрезок пути, проходящий через провинции даймё. Но с исчезновением сеньоров и превращением провинций в префектуры никто больше не занимался дорогами. Правительство попыталось было возложить эту обязанность на плечи жителей деревни, но они восприняли ее как повинность и воспротивились. Пришлось обращаться за помощью к посредникам, которые были кем-то вроде предпринимателей и нанимали безработных, бездомных, даже заключенных, носивших робу красного цвета и кандалы на ногах — то есть всю нищету, получавшую копейки за тяжелый труд. За выполнением работы следили плохо, а инженеров практически не было. Кроме того, крестьян сильно возмущало, что для расширения и проведения дорог часто приходилось сдвигать священные камни (*досодзин*), посвященные различным божествам-защитникам, или проводить дорогу через чье-нибудь поле. Приходилось заключать с крестьянами трудные сделки. Все это привело к тому, что дороги улучшались крайне медленно, да и то их периодически повреждали землетрясения и ураганы. Дороги, которые старались поддерживать в хорошем состоянии, были преимущественно либо самыми важ-

ными, либо недавно проложенными по распоряжению властей. Очень многие мосты были построены благодаря пошлине, взимаемой с путешественников. Сами дороги находились в должном состоянии только благодаря деньгам, поступающим в казну от сбора налогов на транспортные средства и на компании, их производящие. Постепенно, благодаря терпению японцев, их упорству и умению работать, сеть дорог охватила всю страну. Но их значимость была меньше по сравнению со значимостью появившихся в это время железных дорог. Выше уже писалось о том, что ветка Токио—Йокогама, проведенная в 1872 году, вызвала снижение популярности обычной дороги длиной не более тридцати километров, связывающей эти два пункта.

Э. Котто в 1881 году пишет о железнодорожной станции в Йокогаме: «Она в точности такая, как наши небольшие пригородные станции с их залом ожидания, большим столом, на котором разложены местные газеты, буфетом и витринами с японскими журналами, брошюрами, табаком, трубками и прочей мелочью. Отправление поездов (в сторону Токио) происходит каждый час, с шести утра до одиннадцати вечера; билеты туда и обратно продают по льготным ценам; служащие-японцы говорят по-английски. Да и первая железная дорога была построена с помощью англичан, начертивших ее план. Благодаря им же появились локомотивы, вагоны, весь материал. Вагоны, в которых работает вентиляция, красивые и надежные. Вагоны первого и второго класса имеют платформу, что очень кстати, потому что так можно увидеть название станции. Штрих к этому описанию: пассажиров третьего класса запирают на ключ, а чтобы избежать давки на выходе, двери их вагона открывают только тогда, когда остальные пассажиры уже вышли. Весь путь при этом длится три с четвертью часа с пятью остановками...»

Успех этого вида транспорта был таким ошеломляющим, что спустя всего шестнадцать лет после его появления, в 1889 году, в Японии уже существовало тысяча шестьсот километров узкоколейного (примерно 1,05 метра) железнодорожного полотна. В 1906 году в Нагое отметили укладку девяти тысяч километров

рельс, а к концу периода Мэйдзи это число достигло одиннадцати тысяч километров. Скорость, с которой железная дорога оплела страну, была тем более изумительной, что препятствиями для нее не стали ни горная местность, ни многочисленные реки, через которые приходилось перебрасывать железные мосты, ни тайфуны и землетрясения. Правительство, осознав, что развитие страны напрямую зависит от развития средств коммуникации, вкладывало в эту область огромные суммы и даже брало займы за границей. И если простые дороги прокладывались японцами, зачастую мало что понимающими в этом деле, то железными дорогами занимались иностранные инженеры, и платили им за это золотом. Напротив, зарплата японцев была очень низкой, и вскоре правительство и частные компании получили огромную прибыль, которая пошла на выплату займов. В период с 1872 по 1904 год правительство потратило на строительство железных дорог сто двадцать пять миллионов сэн. Но в одном только 1903 году прибыль государства составила девять миллионов двести семьдесят сэн. При этом количество пассажиров достигало тридцати двух миллионов, а количество перевозимых товаров — двухсот тысяч тонн. Для частных железнодорожных линий эти цифры соответственно менялись на семьдесят восемь и тринадцать миллионов.

Но быстрое увеличение числа железных дорог, хотя и способствовало развитию Японии, поставило ее перед множеством проблем. Прежде всего цены на земли около железнодорожных путей взлетели до небес, потому что при каждом вокзале возникали гостиницы, промышленные центры и склады (угля, дерева, масла, бензина, хлеба и т. д.). В этих же районах возросла и стоимость продуктов питания. Например, после открытия линии Токио — Сэндай «торговцы стали перевозить свежую рыбу в Фукусиму и Токио, так что в Сэндае цены на нее значительно выросли. Если раньше дораду (*тай*) там можно было купить за двадцать сэн, то дешевле шестидесяти—семидесяти ее теперь уже не найти, а камбала, стоившая пять-шесть сэн, сейчас продается по семнадцать-восемнадцать. При таких усло-

виях бедняки вскоре вынуждены будут исключить свежую рыбу из своего меню, даже если они живут в районах, где большая часть населения — рыбаки».

Зато ремесленники и предприниматели получили возможность рассылать свой товар по всей стране и сбывать его по низкой цене, так что их продукция расходилась куда быстрее, чем в прежние годы. Поэтому жители все того же Сэндая хотя и жаловались на дороговизну свежей рыбы, зато могли гораздо дешевле, чем раньше, покупать рис и фрукты, привезенные с юга Японии.

Благодаря железной дороге местное производство процветало, и, несмотря на то что жизнь стала несколько дороже, страна переживала промышленный бум. Число путешественников, как и число туристов, возрастало, и это касалось не только крупных городов, но и курортов с минеральными водами. Вокруг каждого вокзала вырастали настоящий город и многочисленные транспортные линии *дзинрикии*, *каго*, омнибусов, курсирующих между вокзалом и самыми отдаленными деревушками. Это неизбежно повлекло за собой усреднение материальной и духовной культуры, некоторое замутнение современной жизни деревень. Рядом с вокзалами появлялось множество магазинов, кварталов развлечений, чье население непрерывно росло. В целом железная дорога в наибольшей степени способствовала развитию промышленности и изменениям в жизни людей. Развивалось производство шелка, стекла, черепицы, бумаги. Основными товарами, которые грузили в вагоны, стали рис, масло, соль, различные продукты на основе сои, дерево, нефть и уголь. Что касается перевоза пассажиров, то здесь даже пришлось увеличить количество вагонов. Первая ветка, связывавшая Симагаву (Токио) с Йокогамой, стала так популярна, что количество пассажиров удвоилось за несколько месяцев: от сорока тысяч в июне, когда ветка только начала работу, до девяноста тысяч в сентябре того же года. В 1890 году с вокзала Симбаси в Токио ежедневно садились в поезд двенадцать тысяч пассажиров. В 1909 году с этого вокзала отправлялось ежедневно восемьдесят два поезда. Путешество-

вать стало легче и приятнее, и вскоре уже жители крупных городов взяли в привычку отправляться на выходные на побережье или на какой-нибудь курорт летом. Кроме того, те, кто жил в пригородах, могли добираться на работу на поезде, если им посчастливилось жить недалеко от станции. Во время больших праздников у касс начиналась страшная давка. Вошло в обычай отправляться на длительные экскурсии по льготным билетам на группу, и уже никто больше не сомневался, какой вид транспорта предпочесть. Большие расстояния перестали пугать людей. Так, если прежде путешествие из Токио в Киото занимало две недели, то с появлением железной дороги этот срок сводился к одному дню, хотя в первое время цены на билет были высокими. Позднее, когда закончилось строительство линии Токио — Осака, стоимость проезда упала в три раза. На пароходе же это путешествие длилось три дня.

Первые вагоны были лишены удобств, что приводило иногда к забавным сценам. Б. Чемберлен, тонкий знаток Японии, пишет: «По необъяснимым причинам японцы, такие щепетильные в вопросах чистоты, если это касается их привычек, становятся неряшливыми, если не сказать больше, когда речь заходит об определенных условиях европейской жизни. Даже садясь в вагон первого класса, приходится расчищать себе дорогу среди апельсиновых корок, лужиц чая, окурков сигар и пустых банок из-под пива. Полуодетые (или полураздетые) пассажиры сидят развалившись на своих местах. Мы как-то раз видели офицера с супругой, который переодевался прямо в вагоне, воспользовавшись моментом, когда поезд проходил сквозь туннель, чтобы с блеском осуществить самые дерзкие моменты этой процедуры». Хотя эти записи относятся к 1905 году, и сегодня можно наблюдать подобные сцены в поездах второго класса.

По случаю ежегодного праздника Бон туристам, отправляющимся на пляж Тёси, билеты продавали с пятидесятипроцентной скидкой. «Едва ли не все население ринулось на вокзал Рёгоку (Токио), — сообщает в одной из статей «Асахи симбун» от 15 июля 1905 года, — так что на перроне собралась огромная разно-

шерстная толпа: там были те, кто носил гетры и соломенные шляпу и сандалии, были женщины легкого поведения, разменивавшие свою красоту на звонкую монету, были и почтенные дамы. Влюбленные старались не отходить от своей половины ни на шаг, а старики помогали друг другу. В пять пятнадцать поезд с грохотом отошел от станции по направлению к Тёси, и еще несколько минут тридцать—сорок человек из числа опоздавших бежали за ним по путям. Они считали, что им крупно повезло, когда им удалось влезть в шестичасовой поезд. Сегодня второй день праздника, и, скорее всего, пассажиров будет не меньше, чем вчера. Железнодорожная компания, окрыленная успехом своего предприятия, собирается еще раз организовать нечто подобное».

Японцы редко пускались в путь в одиночку. Отчасти это было связано с теми опасностями, которые подстерегали путешественников в дороге, отчасти с тем, что японцы вообще предпочитают находиться в компании. Только ремесленники и торговцы вразнос составляли исключение из общего правила. Но в эпоху Мэйдзи, особенно после появления железных дорог, все без исключения, как мужчины, так и женщины, смело отправлялись в далекие поездки, будучи уверены в том, что непременно найдут себе попутчиков. Это могли быть чиновники или служащие, получившие назначение в другом конце страны, или рабочие, ехавшие к родным на праздники, свадьбу или похороны, или студенты, возвращавшиеся домой в деревню на каникулы, или торговцы, извлекавшие пользу для своего дела из нового способа путешествовать. Вскоре они уже объединялись в группы, едущие в одном направлении. Что касается специально организованных путешествий, то они стали одним из любимых развлечений японцев, особенно если это касалось паломничеств. Простолудины тоже принимали в них участие, когда такие поездки устраивались местными организациями или храмами и святилищами, подобно знаменитому Идзэко, который собирал средства по всей стране, чтобы каждый мог хотя бы один раз совершить паломничество к святыням Исэ. Каждый участник вносил свою долю

в оплату путешествия, а различные ассоциации добавляли к этой сумме необходимое количество денег. Группы «странников» в поездах собирались весьма шумные, они развлекали себя, как могли, так что сакэ текло рекой. Одинокий путешественник не мог предаться этому веселью. Некоторые паломничества занимали много времени, как, например, то, которое каждый верующий буддист должен был совершить в тридцать три храма запада страны, чтобы поклониться Каннон, Бодхисаттве милосердия. Группы паломников состояли в основном из людей старшего возраста или из молодых незамужних девушек, надеющихся на милость божеств, которых они собирались почитать. И поскольку железнодорожные компании торжественно объявили о снижении цен на групповые поездки, то люди пользовались любой возможностью, чтобы на выходных или во время отпуска отправиться к морю или посетить места, известные красотой своих пейзажей или архитектурой. Группу составляли коллеги по работе, члены семьи, соседи, члены одной организации и т. п. Молодежь, окончившая школу, вознаграждала себя за годы учебы дальними поездками в какое-либо место, выбранное по совету преподавателей, которые иногда их сопровождали. Часто культурные поездки организовывались школой, и этот обычай очень распространен и по сей день, так что, посещая какую-либо достопримечательность Японии, сложно не столкнуться с группой школьников или студентов, приехавших поглядеть на нее с другого конца страны. Кроме того, многие организации ввели в обычай поощрять наиболее отличившихся сотрудников отпуском. Во время большой национальной выставки достижений искусств и техники, которая прошла в парке Уэно в Токио в 1890 году, группам школьников, прибывающим в столицу поездом и включающим свыше пятидесяти человек, делалась скидка на билет 30%. В 1905 году известный журнал «Нироку симбун», желая отпраздновать завершение строительства здания, в котором должна была разместиться редакция, пригласил в путешествие к знаменитому кварталу Ицукусима четырехста своих читателей. В 1909 году центральное желез-

нодорожное бюро предложило предприятиям, на которых работало более пятидесяти человек, скидку на билеты для группы от 40 до 60%.

Организованные поездки приобрели огромную популярность. Большое количество людей, раньше не имеющих возможности путешествовать из-за расходов на дорогу, или те, кто не осмеливался отправиться в паломничество в одиночку, теперь могли воспользоваться предложениями железнодорожных компаний и путешествовать группами по сниженным ценам. Так что своим развитием железная дорога во многом обязана увлечению японцев. Железнодорожные компании получали такую прибыль, что вскоре железные дороги оплели Японию, как паучья сеть.

Благодаря этим групповым поездкам люди стали чаще посещать самые знаменитые места Японии, и вскоре в них появилось огромное количество отелей, ресторанов, магазинчиков, предлагающих покупателям всевозможные лакомства и сувениры. В японских гостиницах того времени (*рёкан*) можно было хорошо пообедать за умеренную цену, а за двадцать — двадцать пять сэн — снять комнату с трехразовым питанием. Некоторые отели с претензией на роскошь даже располагали комнатами, предназначенными специально для европейцев. Это значило, что в них стояли столы и стулья. Некоторые отели в европейском стиле были удачно расположены в крупных городах и вдоль больших дорог, в которых, к примеру, в 1880 году комната с включенным питанием стоила от 1,75 до 2,50 сэн в сутки. Иностранцы, сняв номер, могли заказать французское вино, пиво и прочие алкогольные напитки, причем стоили они дешевле, чем у них на родине. Въехав в отель, полагалось по традиции предложить содержателю и официантам *тядай*, нечто вроде чаевых. Это гарантировало прекрасное обслуживание. В свою очередь содержатель гостиницы преподносил клиенту на прощание маленький подарок: веер, салфетку или еще что-нибудь в подобном роде.

Наплыв туристов существенно помог в экономическом отношении небольшим селам и деревням, а храмы становились роскошнее день ото дня. Железнодорож-

ные станции не появились разве только высоко в горах, где в основном, использовались *дзинрикиши*, а к концу эпохи Мэйдзи — велосипеды. Появились даже велосипедные станции, которые пользовались особой популярностью осенью, в сезон паломничества. Жители деревень, расположенных вдоль дорог, предлагали путникам табак, фотографии, сладости, предметы первой необходимости или же открывали небольшие чайные дома, одновременно служившие ресторанами и магазинами. Кроме того, местные жители продавали продукты своего ремесла, которые никогда не приобрели бы такой популярности, не появившись в Японии железной дороги. *Тэцудо* стала благом практически для всех.

С другой стороны, немногие японцы путешествовали водным видом транспорта. Он в основном использовался для перевозки риса и сакэ: огромные парусники совершали рейды между Эдо и Осакой. В начале эпохи Мэйдзи начался каботаж торговых кораблей и пароходов. Перевозом сакэ всегда занимались *тарукайсэн*, или парусные «корабли-бочки», потому что торговцы опасались, что транспортировка сакэ паромом может испортить напиток. Большинство судов связывали порты, расположенные на побережье внешнего моря Японии (Сэтонайкай) с Токио и с Мацумаэ на севере страны. Но с появлением железной дороги некоторые из этих береговых линий, в особенности те, которые были предназначены для перевоза пассажиров (например, Токио — Йокогама), оказались обречены на исчезновение. Их не спасли даже очень низкие цены на проезд. В то же время создавались многочисленные морские компании (особенно по инициативе государства), между которыми возникала яростная конкуренция. Иногда они бесплатно перевозили пассажиров, но такое положение дел не могло длиться долго, и вскоре цены стали фиксированными. В 1872 году насчитывалось семьдесят шесть пароходов, общий тоннаж которых составлял около двадцати трех тысяч, и тридцать пять парусных судов (тоннаж сорок тысяч). К концу эпохи Мэйдзи существовало пять ты-

сяч четыреста пароходов и еще больше маленьких парусников, которые плавали между островами, перевозя грузы и пассажиров. Морской путь из Токио в Осаку сохранял свое значение до того момента, когда было закончено строительство железной дороги, связывающей эти два города. Хотя пароходные компании предлагали пассажирам возможность путешествовать со всевозможными удобствами, большинство людей ездили на поезде, чтобы экономить время. Постепенно они стали предпочитать железную дорогу морскому транспорту. Только те, кто был вынужден постоянно переправляться с острова на остров, пользовались маленькими судами, которые все больше переходили на паровые двигатели. Несмотря на потерю пассажиров, количество судов с каждым годом не уменьшалось, а, напротив, возрастало, так как росло количество товаров, требующих перевозки. Пароходы позволяли круглый год поддерживать связь между островами Севера, тогда как парусникам приходилось ждать подходящего ветра. Поэтому многие северные районы страны, такие как Хоккайдо, с появлением регулярных морских рейсов стали развиваться гораздо быстрее, чем раньше, особенно после 1890 года.

Морем путешествовали только для того, чтобы переплыть на другой остров (разумеется, железная дорога для этого не годилась) или отправиться за границу. До 1896 года исключительно иностранные суда (парусники или пароходы) — французские, английские и особенно американские — перевозили торговцев, официальных лиц или представителей образованных кругов, желающих попасть в Европу или в Америку. Но после того как в 1896 году японское судно, принадлежащее Н.Ю.К. (Ниппон Юсэн Кайся), пересекло Тихий океан и достигло Сиятла, остальные японские компании открыли, в свою очередь, рейсы, связывающие Йокогаму с Сан-Франциско, Южной Америкой, Мельбурном или Лондоном. Эти компании успешно конкурировали с иностранными. Русско-японская и японско-китайская войны способствовали развитию торгового флота Японии.

Что касается речного транспорта, то он был плохо развит в Японии из-за неравномерности течения рек и

его зависимости от времени года. Но все же короткие маршруты использовались часто, так как это было удобно для перевозки товаров и пассажиров. Некоторые реки, такие как Сумида, протекающая по территории Токио, были достаточно глубокими, чтобы по ним могли пройти суда, но это редкий случай.

Почтовая служба первой оценила преимущества новых видов транспорта. В период Эдо почта работала плохо, сосредоточиваясь в основном на доставке срочных официальных сообщений. Их передавали с помощью системы пеших гонцов и всадников, сменявших друг друга на главных перевалочных пунктах. Послания доходили относительно быстро, но оплачивать их доставку было очень дорого. Однако поскольку иного способа передавать письма не существовало, то в течение первых лет эпохи Мэйдзи люди пользовались именно им. Правительство стремилось улучшить его, введя фиксированную смену доставщиков и строго установленные цены. В 1870 году появились первые марки, но использовались они только на определенных почтовых маршрутах, таких как Синагава — Оцу или Фусими — Моригути. К концу этого же года службы курьеров, работающих ежедневно, появились на маршрутах Токио — Осака и Киото. Чтобы письмо дошло из Токио в Киото, требовалось не менее тридцати шести часов. Ящики для писем устанавливались на протяжении всего маршрута курьеров, и к концу 1871 года в стране их насчитывалось девятьсот семьдесят штук. Вскоре появились и другие почтовые службы, связывающие Осаку с Нагасаки и большие города с главными городами префектур. Тариф на письмо зависел от его веса и расстояния, на которое требовалось его доставить. Так, в 1872 году, если расстояние составляло двести километров, а письмо весило около десяти граммов, требовалось заплатить два сэн. В 1873 году письма разделили на «простые», срочные и «летающие», что зависело от скорости доставки. Люди в то время еще не приобрели привычки писать письма, но с появлением бумаги, карандашей и конвертов все, кто умел хоть не-

много писать, могли отправить деловое письмо или весточку родным и друзьям. Новое веяние быстрее всего распространилось среди торговцев, студентов и военных.

В 1873 году правительство запретило частные почтовые службы и обязало курьеров и почтальонов носить униформу. Доставкой почты занимались рассыльные, пешие или верхом, ее перевозили дилижансы и суда. Чтобы письмо, отправленное из Токио, достигло Нары или Киото, требовалось около недели, а до Нагасаки оно доходило за десять дней. На курьеров, часто доставлявших важные послания и крупные суммы денег, могли совершаться нападения, поэтому с 1874 года правительство разрешило им носить с собой карабин.

Появление железных дорог значительно ускорило и облегчило доставку почты. В 1895 году в Японии существовало уже три тысячи шестьсот семьдесят два почтовых отделения, не считая различных отделов, и тридцать восемь тысяч ящиков для писем. В этом же году было доставлено шестьсот тысяч писем, двести двенадцать тысяч почтовых открыток и двадцать четыре тысячи журналов и газет.

Открытки завоевали огромную популярность уже в год своего появления (1880), а когда в 1904 году стали выпускать открытки с картинками, предназначенные в первую очередь для солдат, находящихся в армии, их количество сравнялось с количеством рассылаемых писем. Успех открыток был таким ошеломительным, что их выпуском занялись многочисленные государственные и частные компании. На открытках изображали живописные пейзажи своего региона, животное—символ года и прочее в том же духе, что годилось на все случаи жизни.

Телеграфная связь развивалась быстрее почтовой, потому что она не зависела от транспортных средств. В 1869 году один из британцев установил телеграфную линию, связывающую Йокогаму с Токио, и это нововведение так пришлось по вкусу японцам, что в 1902 году в стране существовало уже две тысячи двести телеграфных станций, а длина кабеля превышала тридцать тысяч километров. В этом же году было отправлено бо-

лее восемнадцати миллионов сообщений, набранных азбукой Морзе, приспособленной к японской *кане*. Но поддерживать телеграфные линии в хорошем состоянии оказалось для правительства делом непростым, потому что крестьяне (особенно на юге страны) валили телеграфные столбы, считая, что от них исходит некая зловредная магическая сила. Немногие японцы решились безбоязненно пройти мимо проводов без того, чтобы не натянуть покрепче шляпу, думая, что это защитит их от влияния нечистой силы... Другие, полагая, что послания действительно движутся внутри проводов, привешивали к ним собственные письма, веря, что так они дойдут до адресата. Но, если не считать самых отдаленных деревень и самых старых крестьян, испытывавших священный ужас при виде электрических искр, большая часть японцев быстро привыкла к телеграфу, принцип действия которого объясняли уже в начальной школе.

Телефон японцам продемонстрировал сам Грэхем Белл в 1877 году, и это изобретение немедленно вошло в повседневную жизнь страны. Правда, первые аппараты, установленные в министерствах и на некоторых почтовых станциях, так плохо работали, что собеседники едва могли слышать друг друга. Только в 1890 году правительство приняло решение создать национальную компанию и стало производить набор молодых девушек для обучения их профессии телефонистки. Большинство телефонных станций было расположено в Токио, где в 1896 году насчитывалось более двух тысяч абонентов, в то время как в таком крупном торговом городе, как Осака, их было всего четыреста пятьдесят пять. Среднему классу телефон стал доступен только в 1930 году.

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ЯПОНИИ

«...Та часть нашего военного образования, которую мы называем “воспитанием духа” и которой уделяем особое внимание, действительно дает понятие о высоких этических ценностях, несет людям возвышенную мораль и воспитывает в них чувство патриотизма и верность. И эти понятия солдаты сохраняют не только во время службы в армии, но и потом, когда они оставляют ее. Ни одна другая страна не имеет подобного воспитания, а у нас его плоды зреют всюду, где есть молодые люди, прослужившие несколько лет в армии. О солдатском духе говорится в военных инструкциях так: 1. Верность и честность. 2. Отвага и мужество. 3. Доверие и правдивость. 4. Соблюдение своих обязанностей. 5. Умеренность во всем. 6. Безукоризненная вежливость. 7. Подчинение военной дисциплине. К этому еще добавляется чувство ответственности, возлагающейся на каждого человека, как и ответственность за свои поступки. Тщательное соблюдение всех этих пунктов должно стать целью всего военного образования».

Так писал барон Суэмацу в письме в 1904 году к лорду Ньютону. Он превосходно сумел передать чувства, которые испытывали большинство японцев в конце эпохи Мэйдзи, по крайней мере молодежь, получившая возможность с 1872 года посещать начальную и выс-

шую школы, а также университет. Хотя по своей природе японцы — мирный народ (здесь речь идет, разумеется, о крестьянах и торговцах, а не о самураях), они прекрасно осознавали необходимость создания единой нации и считали себя бесконечно обязанными императору и Японии (этот принцип назывался *кококу*). Образование, которое дети получали в школе, прививало им преданность стране и императору и, кроме того, любовь к родине (*айкокусин*), — понятие, которого, вероятно, не существовало прежде. История Японии практически не знает примеров, чтобы страна воевала с другими странами. Возможно, причиной тому послужило ее островное положение. Исключение составляет попытка Кореи и Китая захватить территории Японии в конце XIII века. Но в то же время нельзя сказать, чтобы в Японии возникли ура-патриотизм и шовинизм. Только с появлением у границ Японии европейских кораблей страх перед иностранными державами, которые считали потенциальными колонизаторами, перерос в ненависть к ним. А эта ненависть, рожденная из страха, развилась, в свою очередь, в любовь к родине. Прежнее деление населения страны на самураев и простой народ подразумевало, что благополучие последних целиком зависело от первых, в обязанность которых входила защита страны. Патриотизм, столь естественный и понятный для европейца, был еще плохо воспринят японцами. Военное сословие практически никогда не вступало в противостояние с иностранцами, так что весь его боевой опыт состоял из сражений с враждебными кланами. Гражданские войны постепенно выработали неписанный кодекс поведения воина — «Путь лука и коня» (*кюба-но-мити*), которому должен был следовать каждый благородный воин. Конфуцианская этика сёгуната Токугавы в XVIII веке, веке относительного внутреннего спокойствия, переработала этот «закон поведения военной свиты» (*Букэ Сёхато*) в письменно зафиксированный кодекс, *Бусидо*, или «Путь воина». Этот кодекс, регламентировавший поведение воинов и относящийся только к мужчинам—членам клана, вскоре превратился в свод правил для правящего класса и приобрел социально-

политическое содержание. Простолюдины, крестьяне или торговцы, ремесленники и священнослужители не придерживались его. Их единственным правилом было повиновение правящим классам и глубочайшее почтение к императору, божественному символу Японии.

Когда в начале эпохи Мэйдзи начался всеобщий воинский призыв, народ в своей основной массе воспротивился ему и отказался участвовать в защите страны (ему казалось, что она в этом не нуждается). Простолюдины не умели и не желали сражаться, считая, что это удел самураев. Сами же самураи отнюдь не стремились передавать свои привилегии народу и таким образом подрывать свой престиж.

В 1881 году японская армия насчитывала тридцать три тысячи солдат, две тысячи четыреста офицеров (все — бывшие самураи, которые с презрением относились к рядовым) и более четырех тысяч человек, составлявших императорскую охрану, среди которых также практически все были самураями. Служба в действующей армии длилась три года, три года проходили в запасе первой очереди и четыре года в «территориальной» армии. «Летом солдаты носят белую куртку и брюки, зимой — мундир из темно-голубого сукна. Они подстрижены на русский манер, их волосы зачесаны назад».

Это была очень небольшая армия, которая все еще сохраняла дух кастовости и отделяла себя от остального населения. В 1882 году, после введения всеобщего воинского призыва, сам император, встревоженный отсутствием патриотизма в народе, решил издать рескрипт — *Гундзи*, обращенный к нации в целом: «Знайте, что Мы являемся вашим главным маршалом. Подобно тому, как ноги служат опорой для тела, так и вы — опора для Нас. Мы же, в свою очередь, — ваша шея и голова, и именно такое отношение может укрепить нашу взаимную симпатию. От того, насколько полно вы, солдаты, сумеете выполнить вашу миссию, зависит то, сможем Мы или не сможем защитить наше государство, когда к этому нас призовет Небо, и сможем ли Мы заплатить долг нашим доблестным предкам. Если престиж нашей Империи пошатнется — вы разделите с

Нами эту боль. Если военный дух Империи пробудится и приведет ее к славе — Мы разделим ее с вами. Если вы все будете соблюдать свой долг и, таким образом, духовно объединяясь с Нами, направите вашу силу на защиту государства, то наш народ будет радоваться мирной жизни, а слава Империи возрастет и станет светочем человечества...»

Император продолжал давать армии ценные указания этического характера для того, чтобы она объединила свои усилия с усилиями императора и всей нации. Этот рескрипт быстро распространился не только среди солдат, но даже среди школьников, а офицеры и профессора занимались тем, что разъясняли и комментировали императорские указы, объясняли причины войн, происходивших на Западе, и предлагали студентам размышлять над жизнью знаменитых людей, чей патриотизм становился для них примером. *Айкокусин*, или любовь к родине, стала своего рода национальной религией, в которой воспитатели и военные руководители были жрецами, а император — божеством.

За одно поколение в стране, где большая часть населения практически не интересовалась военным делом, появилась этика, почти религия, сделавшая японское государство военным и военизируемым. Это отчасти объясняет ту радость, с которой Япония вступила в войну с Китаем, а спустя десять лет — с царской Россией, и почему она считала правым делом колонизировать Формозу, а в 1910 году присоединить Корею.

В начале эпохи Мэйдзи существовало множество лазеек, через которые можно было увильнуть от службы в армии, так что воинский дух с трудом распространялся среди народа. Но после нескольких императорских указов и особенно после первых побед на территории Китая в сердцах всех людей, независимо от их класса, зародилось чувство национальной гордости. В начале эпохи Мэйдзи армию создавали на западный манер и считали в той или иной степени иностранным продуктом, тем более что войска организовывали французские и немецкие офицеры, которые объясняли принципы военного образования бывшим самураям — будущим офицерам новой японской армии.

Увлечение всем иностранным не затронуло умы крестьян, и новые методы ведения войны восприняли с определенным энтузиазмом только высшие классы и бывшие самураи. Потребовался приказ императора и китайская война (*ниссин*), чтобы дух нации в целом начал пробуждаться. Каждый отдавал все, что мог, чтобы авторитет императора повысился, а страна достигла величия, и охотно откликался на запросы армии. Призыв в армию стал обязательным для всех, и отныне все мужчины от семнадцати до сорока лет могли быть призваны, если в этом была необходимость. Собственно на военную службу призывались двадцатилетние молодые люди. Быть солдатом считалось почетным делом, для исполнения которого необходимо было иметь отменное здоровье и рост не ниже метра шестидесяти. В случае войны юноши в возрасте от семнадцати до двадцати лет могли проходить обучение, с тем чтобы в дальнейшем принять участие в военных действиях, в то время как мужчины от сорока до шестидесяти составляли своего рода резерв. Правительство прилагало невероятные усилия для того, чтобы все население страны могло поддерживать армию, которая, как и в Европе того времени, начинала считаться неким почетным классом, и каждый солдат осознавал, что на него возложена священная миссия: защищать родину и способствовать ее величию.

Большинство японцев были уверены, что азиатские народы ничем не хуже европейских, и единственным средством доказать это было собрать мощную армию, способную конкурировать с армиями стран Европы.

Война против Китая в действительности оказалась едва ли не приятной прогулкой, и она, конечно, не могла дать Японии уверенность в своих силах. Правительство ухватилось за подвернувшийся в 1900 году (осада Пекина иностранными легионами во время Восстания боксеров) случай показать, что новая Япония отличается от Японии времен сёгуната и что ее войска дисциплинированы и хорошо обучены. Японский контингент оказался на высоте и храбростью и образцовым поведением солдат заслужил одобрение и восхищение глав британской и французской армий.

Японские солдаты не участвовали в грабежах, не унижали себя мезтью и в целом вели себя куда более достойно, чем европейцы. После этой военной операции правительство Японии обозначило более четкие цели и задачи, которые должны были быть выполнены к 1911 году: так, сухопутная часть армии должна была насчитывать к этому времени четыреста пятьдесят тысяч человек, среди них — восемь-девять тысяч офицеров, выпускников военных школ или получивших свое звание в ходе боевых действий. Кавалерия была довольно слабой (в отличие от артиллерии), отчасти из-за того, что не хватало лошадей, отчасти из-за плохой подготовки кадров. Солдаты были вооружены новыми ружьями «Арисака» образца 1897 года (их также называли «модель 30»), прототипом для которых послужило уже устаревшее ружье «Мурата» (1873). Сначала эти ружья собирали во Франции и в Германии, а затем и в самой Японии открылись крупные заводы по их производству.

Каждый солдат непременно получал небольшой сборник военных песен, которые должны были укреплять его мужество и решительность. Тренировки в армии часто бывали очень тяжелыми. Так, солдаты должны были маршировать несколько километров при полной экипировке, что, как считалось, закаляло боевой дух. Новобранцы, оказавшись в армии, чувствовали себя в своей тарелке, поскольку еще в начальной и средней школе для детей проводилась военная подготовка, включающая маршировку, построение и разучивание военных песен. В то время не шло речи о завоеваниях территорий, но новое военное образование ставило своей задачей воспитать патриотично настроенных молодых людей, способных встать на защиту своей страны в случае вторжения извне. Военная операция на территории Китая являлась в некотором роде «профилактической», а в Корею была предпринята карательная экспедиция — мера, которая должна была внушить уважение к японскому флагу. Амбиции японцев измерялись стремлением завоевать международное признание и показать, что Япония стоит на одной ступени с европейскими странами. Во время Рус-

ско-японской войны японский солдат получал строжайшие указания, предписывающие «джентльменское» поведение, особенно в отношении военнопленных: «1. С военнопленными следует обращаться уважительно. Грубость и оскорбления недопустимы. 2. С военнопленными следует обращаться в соответствии с их рангом и званием. 3. Запрещается подвергать военнопленных физическим наказаниям или каким-либо ограничениям, если только этого не требует военная дисциплина. 4. Военнопленные имеют право на свободу совести и могут присутствовать при отправлении религиозных культов своей страны, если только это не противоречит военной дисциплине...»

Кроме того, правительство акцентировало внимание на том, чтобы о раненых — как японцах, так и русских — тщательно заботились и чтобы во всех обстоятельствах сохранялся столь чтимый самураями дух *Бусидо*.

Эти требования много дали японской армии. До того времени принципы *Бусидо* соблюдались разве что только воинами из высших сословий, а простолюдины, чьи моральные качества считались «низкими», их не поддерживали. Но когда принципы *Бусидо* сделались достоянием каждого, и знать, и простонародье почувствовали, что они сами становятся высшим классом. Крестьянин или торговец, который раньше влачил безрадостное существование, отныне был вознесен до уровня самурая или вельможи прошлого. Это наполняло его гордостью, и он всеми силами старался соответствовать рыцарскому идеалу *Бусидо*, презирающему смерть, но подчеркнуто милосердному к побежденному врагу. Во время Русско-японской войны (*Нитиро*) каждый солдат требовал от себя такого поведения, чтобы императору не пришлось краснеть за него. Впрочем, это не мешало относиться к «варварам» с некоторым пренебрежением. «В то время, — пишет барон Суэмацу, — детское поведение русских солдат часто описывалось в японских журналах». И он же дает пример такого поведения, расцененного японцами как непристойное: «Когда битва при Ляояне была окончена, один из пленных обрадовался, узнав о поражении рус-

ских, говоря, что русское правительство — дурное правительство. Однако спустя некоторое время он принялся рыдать, потому что “после войны России уже не будет”, и он не знал, куда ему идти...» Японцы не могли взять в толк, как можно одновременно быть патриотом своей страны и противостоять ее правительству.

В некотором отношении поведение японцев во время Русско-японской войны может служить образцом храбрости и воспитанности. Об «операции по наведению порядка» в Корее этого сказать нельзя. Здесь речь шла уже не о войне против западной державы, где чувствовалась настоящая необходимость показать свою страну в выгодном свете, но о противостоянии другому азиатскому государству, где японцы сражались с народом, который презирали. На конференции, посвященной империалистической политике Японии, профессор Укита-вамин заявил, что для большинства японцев той эпохи корейцы «все равно, что негры или индийцы; считалось, что «этот народ отличают вялость, полное отсутствие эмоциональности, лень, склонность к игре, ненависть, жестокость, поверхностность. Уровень упадка и коррупции в стране таков, что ей уже не подняться. Лучшим вариантом для нее будет держать ее под ярмом. Только так можно добиться хоть каких-то улучшений».

В это время в журналах и газетах публикуются многочисленные статьи, цель которых — убедить японцев, что политика их государства по отношению к Корее абсолютно оправданна и верна. Не зная, как еще доказать европейским странам свою «современность», Япония решила обзавестись колониями, действуя по отношению к Корее так же, как Запад пытался действовать по отношению к ней самой или как американцы действовали по отношению к индейцам. Японцы абсолютно по-разному вели себя в «колониях» (Тайвань и Корея) и во время войны с европейской страной. В обоих случаях народ четко придерживался политики, проводимой государством, хотя отдельные личности, принадлежавшие в основном к образованным кругам, возмущались подобной несправедливостью к Корее.

Тогда как во время Русско-японской войны даже самые мелкие вещи, принадлежавшие погибшим русским солдатам, были заботливо собраны и возвращены родным и не было отмечено ни одной кражи, население Кореи, напротив, систематически обиралось и эксплуатировалось. Эта разница в отношении к странам укоренилась в Японии еще с конца XVI века, после попыток Хидэёси завоевать несчастную Корею, когда между двумя народами возникла глубокая взаимная антипатия. Промышленные магнаты Японии видели в Корее неисчерпаемый источник дешевого сырья и бесплатной рабочей силы — то есть залог невероятной прибыли. О «спасении родины» тут и речи не шло: Японии требовалось восстановить потрепанную после войны с Россией экономику. Любой японский крестьянин, оказавшись в Корее, чувствовал себя царьком, которому все были обязаны. Считалось, что победителю непременно надлежит угнетать побежденного, особенно если у последнего нет никаких надежд на восстановление. «Японец до сих пор не знает, как должен вести себя сильный по отношению к слабому, и не догадывается, что злоупотребление своим превосходством — настоящий позор!» — заявлял профессор Укита-вамин.

Во время войны японцы, в особенности женщины, стали отправлять каждому солдату на фронт *имонбукуро* — посылку с подарками, представлявшими собой небольшие и недорогие, но полезные вещицы, упакованные в полотняный мешочек. Этот американский по происхождению обычай появился в Японии благодаря госпоже Симизу Фукико, возглавлявшей отдел Женского союза христиан умеренного толка в Японии. В США им управляла миссис Тэтчер. Содержимое *имонбукуро* собирали по строго определенному образцу. Сами сумки должны были быть изготовлены из хлопковой ткани, и в них складывались письма, рисунки, фотографии детей и полезные мелочи, такие, как бумажные салфетки, жевательная резинка, карандаши — все вместе стоимостью не выше пятидесяти сэн. Тон задали аристократки, собиравшиеся в рукодельнях, а чуть позже сбором *имонбукуро* занялись и остальные женщины из всех слоев общества. Нельзя

было допустить, чтобы солдаты на войне остро ощущали отдаленность от семьи. В самом начале этой кампании по оказанию моральной поддержки солдатам *гейши* и проститутки также хотели принять в ней участие, изготавливая *имонбукуро*, но дамы из Женского союза христиан, проникнутые благочестивым «викторианским» духом, отказались считаться с этими дарами «постыдного» происхождения. В конце концов под давлением общественности те из них, кто возглавлял сбор *имонбукуро* для отправки на фронт, не нашли ничего лучшего, как заменить вложенные в сумки картинки с изображением гейш... Библией. Возмущенные гейши решили сами отсылать по почте свои *имонбукуро*.

Эти маленькие подарки помогали солдатам не только сохранять чувство близости со «своими», но и завязывать знакомства с девушками, не прибегая к помощи посредников. После окончания войны в стране было заключено множество браков с вернувшимися домой солдатами и «крестными матерями», как называли женщин, отправлявших *имонбукуро*.

Итак, если прежде межродовые распри приносили лишь страдания народу, не принимавшему в них никакого участия, то в конце эпохи Мэйдзи каждый в той или иной степени был причастен к военным действиям, так что император и боги вполне могли быть довольны, а к нации вернулось благополучие.

Людей охватывал порыв милитаризма, окрашенный в религиозные тона и подкрепляемый успехами Японии во внешней политике. К концу эпохи Мэйдзи каждый японец был свято убежден в том, что сами боги направляют его страну на правильный путь и что ей суждено сыграть огромную роль в мировой истории и особенно в истории цивилизаций Азии... Впервые огромную европейскую империю — царскую Россию — сумел победить азиатский народ — японцы. В это время только неудача в военных делах могла бы ослабить это всеобщее для них чувство непобедимости и удержать Японию от политики агрессивного империализма.

На Западе эту уверенность японской нации в своем превосходстве не принимали во внимание, и лишь са-

мые дальновидные люди, хорошо знавшие Японию, ощущали тревогу. Так, в 1907 году молодой журналист Лео Бирам, вернувшийся в Европу из путешествия по Дальнему Востоку, писал: «Восходящее Солнце Востока, сияющее славой и обгаренное кровью, только начинает свой путь. Чем оно сможет изумить или ужаснуть нас?»»

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ, МЕРЫ ВЕСА И МЕРЫ ДЛИНЫ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ

РАССТОЯНИЕ

Ри = около 4 км (36 тё)

Тё = 110 м

Дзё = 3,48 м

Кэн = около 1,80 м

Саку = 0,30 м

Сун = 30,3 мм

Бу = 3,03 мм

ПЛОЩАДЬ

Татами = около 1,80 на 0,90 м

Цубо = около 3,35 кв. м (2 татами)

Тан = 1000 кв. м (около 10 аров)

Тё = около 10 000 кв. м (приблизительно 1 га)

ВЕС

Канн = 3,75 кг

Кин = около 600 г

Монмэ (моммэ) = 3,75 г

Фун = 0,375 г

ВМЕСТИМОСТЬ

Коку = около 180 л

То = 18 л

Сё = 1,80 л

Хё = 720 л (мера веса исключительно для риса)

ДЕНЬГИ

Рё — золотая монета с нестабильным курсом.

Йена — денежная единица, стоимость которой в то время равнялась примерно половине американского доллара.

Сэн — сотая часть йены.

Рин — десятая часть сэна.

Мо, мон, моммэ — десятая часть рин.

В первые годы эпохи Мэйдзи в ходу также были кусочки бронзы овальной формы с квадратным отверстием в центре, которые чеканили в эпоху Темпо (1830—1844). Стоимость их равнялась приблизительно восьми рин, но к концу XIX века они исчезли. Для сделок с иностранцами использовали иногда таэль — денежно-весовую единицу, распространенную в то время в Китае. Самые маленькие кусочки металла, которые европейцы называли «cash» и которые были тогда в обращении, стоили порядка 10—20 мон, то есть очень немного.

БИБЛИОГРАФИЯ

Существует огромное количество работ, посвященных эпохе Мэйдзи, как на японском, так и на европейских языках, так что полная библиография потребовала бы нескольких толстых томов. Япония привлекала внимание Запада еще задолго до своего решения выйти из изоляции, а после 1868 года в нее хлынули многочисленные путевые заметки, описывающие свои впечатления в путевых заметках. Войны Японии с Китаем и с Россией в свою очередь вызвали волну публикаций о Стране восходящего солнца, о нравах и обычаях ее жителей. То же самое произошло во время Второй мировой войны. Что касается документации, то мы старались использовать сведения, предлагаемые японскими авторами. Также нам показались интересными и соответствующими теме данной работы некоторые редкие материалы, представленные современными европейскими авторами. Большая часть материалов, касающихся нравов и обычая японцев эпохи Мэйдзи, была собрана в Японии в 1958 году, когда проводились торжества, посвященные годовщине выхода страны из изоляции. Они были опубликованы в Токио под эгидой Пан-Пасифик Пресс и Совета по культуре, созданного специально к этой дате. По запросу Совета японские историки, каждый из которых работал в определенной области, представили факты и события, характеризующие эпоху Мэйдзи, а также отношения Японии с иностранными державами в тот период.

Их исследования переводили на английский язык с японского, но часто переводчикам приходилось перерабатывать текст из-за невозможности подобрать точные соответствия оригиналу и даже сокращать текст, чтобы не перегружать произведение скучными повторами. Суждения японских историков об эпохе Мэйдзи во многом разделяют и европейские исследователи. Именно из этих работ мы почерпнули большую часть информации, необходимой для нашей книги:

литература — Окадзаки Ёсио,
религия — Кисимото Хидэо,
музыка и театр — Комя Тоятака,
обычай и поведение — Янагида Кунио,
жизнь и культура — Сибусава Кандзо,
общество — Сибусава Кандзо.
очерк истории Японии — Фудзи Дзинтаро,
искусство и ремесла — Уэно Наотэру,
мысли о Японии — Косака Масааки,
законодательство — Исии Рёскэ.

К этим основным работам добавляются еще три, посвященные истории культурных отношений между Японией и Соединенными Штатами в период с 1853 по 1926 год:

торговля и промышленность — Охара Кэйси,
литература, нравы и обычаи — Кимура Ки,
дипломатические отношения — Камикава Хикомацу.

К сожалению, эти работы не содержат ни библиографии, ни ссылок просто потому, что это не было принято в Японии, что никак не облегчает задачу поиска материала. Также в нашей работе мы не стали делать ссылки на цитируемых авторов или произведения: это информация, которая содержится в разрозненном виде в различных томах и с трудом поддается классификации.

Кроме того, в качестве источника мы воспользовались некоторыми романами тех японских авторов, которые описывали эпоху Мэйдзи и жизнь в стране того периода так, как они сами это воспринимали. Большая часть этих романов была переведена на европейские языки, и, таким образом, читатель может с ними ознакомиться. Мы сочли, что не стоит указывать здесь многочисленные произведения, посвященные отдельным чертам эпохи Мэйдзи, поскольку они могут быть доступны только тем, кто читает на японском языке. В то же время мы обращаем внимание читателя на те произведения европейских писателей, которые дают ценные сведения о Японии конца XIX — начала XX века и информацию к размышлению.

Akamatsu P. Meiji 1868: Révolution et contre-révolution au Japon. Paris, 1968.

Aubert L. Paix japonaise. Paris, 1906.

Bersiband R. Histoire du Japon des origines a nos jours. Paris, 1959.

Byram L. Petit Jap' deviendra. Paris, 1908.

Challaye F. Le Japon illustré. Paris, 1915.

Chamberlain B. H. Things Japanese. Lnd., 1905.

Dumolard H. Le Japon économique et social. Paris, 1904.

Frédéric L. Japon, arts et civilisation. A. M. G., Paris, 1969.

Frédéric L. La Vie quotidienne au Japon a l'époque des Samurai (1185—1603). Paris, 1969.

Frédéric L. Le Shintô, esprit et religion du Japon. Paris, 1972.

Frédéric L. Le Japon (en collab. avec J. Pezeu-Masabuau). Paris, 1977.

Frédéric L. Encyclopaedia of Asian Civilizations. 10 vol. Paris, 1977—1984.

Hearn L. Le Japon inconnu. Paris, 1904.

Hearn L. Le Japon. Paris, 1921.

Mutel J. Histoire du Japon: la fin du shogunat et le Japon de Meiji (1853—1912). Paris, 1970.

Naudeau L. Le Japon moderne, son évolution. Paris, 1909.

Okakura K. Les Idéaux de l'Ouest: le réveil du Japon. Paris, 1917.

Reischbauer E. O. Histoire du Japon et des Japonais. Paris, 1970—1973.

Renouvin P. Les Transformations de la Chine et du Japon du milieu du XIX siècle à 1912. C. D. U., Cahiers de la Sorbonne, Paris, 1953.

Rosny L. La Civilisation japonaise. Paris, 1883.

Sansom G. B. Short Cultural History of Japan. New York, 1943.

Suyematsu (baron). The Risen Sun. Lnd., 1905.

Weulersee G. Le Japon d'aujourd'hui. Paris, 1905.

Wilson R. A. Genesis of Meiji Government of Japan, 1869—1871. University of California Press, Berkeley, 1957.

Содержание

Вступление	6
ЭПОХА ПРОСВЕЩЕННОЙ МОНАРХИИ (МЭЙДЗИ ИСИН)	19
Введение	19
Начало восстановления императорской власти	22
Перед принятием конституции (1868—1889)	28
Начало эпохи империализма (1889—1912)	39
ПРОБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	51
Введение	51
Формирование сознательной интеллигенции	53
Тяга к Западу	61
Борьба за права человека	68
Движение за «новую Японию»	71
Социализм и культ государства	77
Религиозная эволюция	86
ДОМ И СЕМЬЯ	95
Эволюция нравов	95
Домашний очаг	101
Японская семья	114
ЯПОНЕЦ КАК ЛИЧНОСТЬ	126
Восприятие себя как личности	126
Ребенок в Японии	131
Подросток	142
Свадьба	152
Положение женщины в обществе	161
Женщина и любовь	168
Смерть и наследование имущества	176
РАБОТА И УЧЕБА	185
Школа и образование	185
Условия работы	194
МАТЕРИАЛЬНАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ	207
Одежда	207
Еда	226
Покупки и магазины	243
Развлечения	248
ГОРОДА И СРЕДСТВА СВЯЗИ	256
Маленькие и большие города	256
Городские улицы	266
Транспорт и средства связи	274
РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ЯПОНИИ	296
Приложения. Денежные единицы, меры веса и меры длины в эпоху Мэйдзи	307
Библиография	308

Фредерик Л.
Ф 86 Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи / Пер. с фр. А. Б. Овезовой; Науч. редакция М. В. Демченко. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 310[10]с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-02961-3

В эпоху Мэйдзи (1868—1912) Япония совершила такой стремительный прорыв во всех областях жизни, который, пожалуй, не знает ни одна другая цивилизация. Из страны, полностью закрытой для иностранцев, живущей по неукоснительно соблюдаемым законам средневекового общества, она превратилась в демократическое, высокоразвитое государство, с жадностью впитавшее в себя все достижения современного мира. О том, как был совершен этот беспрецедентный переворот, чем жила и живет Япония и какие черты повседневной жизни японцев сложились именно в этот исторически важный период, рассказывается в книге известного французского историка-востоковеда. Помимо прочего, некоторые особенности жизни Японии эпохи Мэйдзи живо напоминают наш сегодняшний день, и это делает книгу особенно любопытной для российского читателя.

**УДК 94(520)«451.44»
ББК 63.3(5Япо)5**

Фредерик Луи
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЯПОНИИ
В ЭПОХУ МЭЙДЗИ**

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **М. И. Оксененко**
Художественный редактор **Н. С. Штефан**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 09.03.2006. Подписано в печать 04.10.2006. Формат 84х108/8. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 16,8+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 63901.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dscel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-02961-3

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

П. Брюле

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ»**

И. Дегтярева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА»**

Ш. Казиев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ»**

С. Ютен

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Э. Бартон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЧАН
В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ I»**

Телефоны для оптовых покупателей:
499-978-21-59; 495-787-63-75; 495-787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутиной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ»

А. Шураки

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»

Р. Мантран

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО»

Л. Адлер

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»

М. Аникович

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ»

Е. Лаврентьева

«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»

Телефоны для оптовых покупателей:

499-978-21-59; 495-787-63-75; 495-787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Булатов
«АДМИРАЛ КУЗНЕЦОВ»

Ж.-К. Птифис
«ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА»

О. Семенова
«ЮЛИАН СЕМЕНОВ»

К. Мейер
«ШОСТАКОВИЧ»

И. Лукьянова
«КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ»

Ф. Блюш
«РИШЕЛЬЕ»

И. Курукин
«БИРОН»

В. Томсинов
«СПЕРАНСКИЙ»

Н. Ашукин, Р. Шербаков
«БРЮСОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
499-978-21-59; 495-787-63-75; 495-787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Карпов
«ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ»

М. де Декер
«МОНЕ»

Р. Медведев
«АНДРОПОВ»

И. Клулас
«ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ»

М. Гейзер
«МАРШАК»

М. Брион
«ДЮРЕР»

А. Варламов
«А. Н. ТОЛСТОЙ»

Д. Эрибон
«МИШЕЛЬ ФУКО»

Б. Григорьев
«КАРЛ XII»

Телефоны для оптовых покупателей:
499-978-21-59; 495-787-63-75; 495-787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Б. Н. Тарасов
ПАСКАЛЬ

Жизнь и научная деятельность «короля в королевстве умов» Блеза Паскаля протекали во времена Людовика XIII и Людовика XIV, в эпоху балов и охоты, расцвета астрологии, суеверий, увлечения мистикой. Блестящий математик и физик, острый публицист и философ, Блез Паскаль оставил человечеству в завещание свой нравственный опыт и мысли, в которых ясное понимание трагического удела человека соединялось с бесконечной верой в его высшее предназначение. Данное издание дополнено обстоятельным разделом о влиянии творчества Блеза Паскаля на русскую культуру.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 495-787-63-85 Факс: 499-978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

495-787-63-75; 495-787-63-64; 499-978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

499-972-05-41; 495-787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Л. В. Лосев

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Жизнь выдающегося поэта, лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского (1940—1996) полна драматических поворотов. На его долю выпали годы бедности и непризнания, ссылка, эмиграция и громкая всемирная слава. При этом он сам, «русский поэт и американский гражданин», всегда считал главным для себя творчество, стоящее вне государственных границ. Это неразрывное единство жизни и творчества отражено в биографии Бродского, написанной его давним знакомым, известным поэтом и филологом Львом Лосевым. Подробно освещая жизненный путь своего героя, автор уделяет неменьшее внимание анализу его произведений, влиянию на него других поэтов и литературных школ, его мировоззрению и политическим взглядам. В изложении Лосева, свободном от полемических перекосов и сплетен, Бродский предстает наследником великой русской поэзии, которому удалось «привить классическую розу к советскому дичку». Книга, выходящая в год десятилетия смерти Бродского, — прекрасный подарок поклонникам поэта и всем, кто интересуется русской словесностью XX века.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 495-787-63-85 Факс: 499-978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

495-787-63-75; 495-787-63-64; 499-978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

499-972-05-41; 495-787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Ф. Лосев

ГОМЕР

Книга крупнейшего знатока Античности А. Ф. Лосева представляет собой фундаментальное исследование древнегреческого эпоса, связанного во всей мировой культуре с именем слепого и мудрого певца Гомера.

«Он, словно чародей, все в перлы обращает, И вечно радуется, и вечно восхищается. Одушевление в его стихах живет...»

Доскональное знание истории гомеровского вопроса, блестящая интерпретация текста — это лишь некоторые отличительные особенности труда А. Ф. Лосева, не имеющего аналогов ни у нас, ни за рубежом. Новое издание книги, несомненно, обратит на себя внимание как специалистов, так и самого широкого круга читателей-гуманитариев.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 495-787-63-85 Факс: 499-978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

495-787-63-75; 495-787-63-64; 499-978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

499-972-05-41; 495-787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**В. И. Десятерик
ПАВЛЕНКОВ**

Автор книги, не один десяток лет сам посвятивший издательскому делу, рассказывает об известном русском издателе, родоначальнике биографической серии «Жизнь замечательных людей» — Флорентии Федоровиче Павленкове, всю свою жизнь занимавшемся просвещением и образованием родного народа, а накопленным капиталом и львиной долей средств от распродажи изданий распорядившемся самым благородным образом — он завещал их на организацию двух тысяч народных читален и библиотек в отдаленных российских деревнях.

Жизнеописание, созданное на основе многочисленных мемуарных и эпистолярных источников, дает возможность читателю самому увидеть, сколько сил, времени и кропотливой работы требовалось затратить издателю, чтобы его книга увидела свет и пришла к читателю.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 495-787-63-85 Факс: 499-978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

495-787-63-75; 495-787-63-64; 499-978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

499-972-05-41; 495-787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

**В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.**

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 499-972-05-41, 495-787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> book@gvardiya.ru

岡崎

東海
之
内
之
次

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Е. Лаврентьева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ.
ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ

С. Охлябинин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ УСАДЬБЫ
XIX ВЕКА

Г. Бондаренко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ

Р. Мантран

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

А. Вульф

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

ISBN 978-5-235-02961-3

9 785235 029613 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ